

ВЕСТНИК  
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

# *Общая тетрадь*



Москва 2020

Издание выходит  
раз в квартал

**Редакционный совет:**

*А.Н. Архангельский*

*И.М. Бусыгина*

*С.А. Васильев*

*А.В. Макаркин*

*М. Мертез (ФРГ)*

*С.В. Мошкин*

*Е.М. Немировская*

*В.А. Рыжков*

*Ю.П. Сенокосов*

*А.Ю. Согомонов*

*А. Хиль-Роблес (Испания)*

*Дж. Хоскинг (Великобритания)*

**Главный редактор** *Ю.П. Сенокосов*

**Ответственный секретарь** *Т.В. Григорьева*

**Верстка** *В.А. Козак*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке  
НО «Благотворительный фонд культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова)»  
и частных пожертвований.*

# Содержание

№ 2–3 (79) 2020

## К читателю

*К читателю* 5  
*Юрий Сенокосов*

## Тема номера

*Семь уроков пандемии* 7  
*Иван Крастев*  
*Новый век начинается в 2020 году* 11  
*Василий Жарков*  
*Мир после коронавируса* 17  
*Юваль Ной Харари*  
*Здоровая планета для здоровых людей* 25  
*Обращение Римского клуба к мировым лидерам*

## Вызовы и угрозы

*«Не думаю, что XXI век станет китайским»* 28  
*Кристофер Коукер*  
*Почему миру суверенных государств нужны глобальные институты* 32  
*Константин Эггерт*

## Точка зрения

*Андрес Веласко: «Между любовью к человечеству и любовью к стране нет конфликта»* 38  
*Наталья Корченкова*  
*Френсис Фукияма: «Ничего нового в политике идентичности»* 41  
*Невыученные уроки* 48  
*Михаил Соколов*  
*Личная ответственность в современной экономике* 62  
*Фредрик Эрикссон*

## Гражданское общество

*Достоинство человека, свобода и ответственность* 69  
Юлиус фон Фрайтаг-Лорингховен

*Фатален ли кризис прав человека* 75  
Нильс Муїжниежс

*Гражданское образование  
в истории отечественной общественно-политической мысли.  
Очерк третий. Просветительская мысль второй половины XIX века между академи-  
ческой наукой, революционным порывом и художественным вымыслом* 83  
Александр Согомонов

## Жизнь и мысль

*Алексис де Токвиль: аристократ, очарованный демократией* 104  
Андрей Захаров

*Наследие Ханны Арент* 132  
Анатолий Михайлов

## Проекты выпускников Школы

*Журналистика ближе к гражданскому активизму* 145  
Виктор Мучник, Виктория Мучник

*Сохранение биоразнообразия Арктики. Возможности реинтродукции* 155  
Федор Луковцев

## Наш анонс

*В поисках утраченного универсализма* 161  
Юрий Сенокосов

## Книги

*Ленинизм-путинизм и прочие глупости в ассортименте* 165  
Андрей Захаров

*Контрапункт* 168  
Владимир Рыжков

## Nota bene

*Пир последствий* 180  
Иван де ла Нуэс

## К читателю

**Ш**кола гражданского просвещения прямого отношения к профессии не имеет. Потому что профессия — это разновидность человеческой деятельности, требующая специальных знаний и навыков, которыми человек овладевает в результате обучения в самых разных учебных заведениях. Какие это знания и навыки? Знания о природе, получаемые на основе изучения естественных наук; об обществе, источником которых являются социальные науки; о человеке — которые дает антропология, совокупность дисциплин, занимающихся изучением его происхождения, развития и существования в природной и культурной средах.

Цель же и миссия Школы иная, потому что наряду с профессией сегодня, во время пандемии коронавируса, когда традиционные проблемы жизни — зла и добра, свободы и безопасности — приобрели глобальный характер, столь же, если не более, важно обретенное мировоззрение, то есть наше отношение к окружающей действительности и к самим себе.

Наша Школа — это место для дискуссий о смысле нашей совместной жизни в эпоху интернета и возросшей потребности не только в специальных знаниях. Согласимся с известной констатацией, что СССР был лучшим в истории человечества полигоном по испытанию различных путей к народовластию. То есть к демократии — форме осуществления власти народного большинства. И не забудем про начало этого пути — якобинскую диктатуру во Франции, когда была провозглашена идея радикального эгалитаризма, республиканизма и применения насилия для достижения целей, приведших к созданию революцион-



*Юрий Сенокосов,  
главный редактор журнала  
«Общая тетрадь»*

ного правительства 1793–1794 годов. Сравним ее с властью в СССР, чтобы задать несколько вопросов.

Может ли в наши дни произойти так, что форма суверенной авторитарной власти сменится на *разделенную власть*, формой отношения к власти станут *конкурентные, честные выборы*, а формой осуществления власти — *процедура соблюдения верховенства права*? Возможно ли это? И если возможно, то каким может стать начало этого пути? Или это начало и другой путь уже существуют, так как именно о них говорится в документах ООН.

Наш ежегодный форум в Берлине «В поисках утраченного универсализма» не предполагает его обретения, подобно обретенному времени в известном романе Марселя Пруста. Потому что речь в этом случае идет не о времени, оно необратимо, а об утрате доверия к универсалистскому духу целей и принципов, провозглашенных в Уставе ООН. Сколько бы ни шло сегодня споров о реформировании структур ООН, под эгидой которой работают тысячи международных межправительственных и неправительственных организаций, главным, по словам ее официальных представителей и независимых экспертов, остается вопрос, отвечает ли эта организация вызовам современности, готова ли она противостоять новым угрозам, с которыми сталкивается мировое сообщество.

Да, в наши дни это иной набор проблем, нежели те, для решения которых семьдесят пять лет назад создавалась ООН. Современные международные организации пытаются найти свою роль в новую эпоху. Однако столкновение их бюрократической структуры с активистским порывом, говорят выступающие на семинарах Школы эксперты, приводит к тому, что рушится репутация, хорошие дела, так как исчезает их мировоззренческая основа — «ценности».

«Гражданское общество рождается из профессионалов и активистов. Будущее больших общественных организаций возникнет, когда мы переизобретем универсализм. Нам его надо именно переизобрести, в смысле и фундамента, и постройки нового здания на этом фундаменте»<sup>1</sup>.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Панфилова Е. О бюрократии и ценностях // Общая тетрадь: Вестник Школы гражданского просвещения. М., 2020. № 1 (78). С. 10.

*Иван Крaстев, болгарский политический аналитик, эксперт в области международных отношений, размышляет о том, какие уроки приготовил для мира Covid-19. Он называет семь последствий пандемии, о которых можно говорить уже сегодня, несмотря на кажущиеся преждевременными попытки представить, какие глобальные политические и экономические результаты принесет новая пандемия. И считает, что, несмотря на общую неопределенность, характерную для любого кризиса, есть несколько вещей, которые отличают его от всех предыдущих.*

*По его мнению, нам по-прежнему предстоит понять, как именно кризис повлияет на будущее европейского проекта. Но ясно одно: коронавирус поставит под вопрос фундаментальные положения, на которых он был основан. Взгляд, предлагаемый автором, — это уникальный «вид сверху». Но у этого кризиса есть еще одно измерение — кризис как уникальный опыт столкновения со стихией. Человек, оказавшийся перед лицом стихии, естественно, будет искать защиты у профессионалов, экспертов, государства — чего-то, на что можно опереться. Государства, оказавшиеся перед лицом стихии, столь же естественным образом почувствуют соблазн самоусиления. Но то, на чем был построен Европейский союз, его фундаментальные положения — а именно ценности, которые мы считаем универсальными: уважение человеческого достоинства, свобода, демократия, равенство, верховенство права и уважение прав человека — как раз и должны остаться той прочной основой для выстраивания отношений между гражданами, обществами и государствами. И ценности эти перед лицом кризиса не становятся меньше, но, напротив, доказывают свою верность. В России за последние десятилетия наравне с укреплением государства росли и укреплялись институты гражданского общества, солидарности и правозащиты. Столкновение со стихией — это опыт, который покажет, насколько общество готово стоять за свои права и защищать свои границы.*

## Семь уроков пандемии\*

**М**ы не знаем, когда и как закончится пандемия коронавируса, и сейчас можем только предполагать, какими будут долгосрочные последствия для мировой политики и экономики. Мы все живем в состоянии неопределенности, но уже сейчас можно назвать по крайней мере семь черт, отличающих этот кризис от всех предыдущих, и извлечь некоторые уроки.

1. В отличие от финансового кризиса 2008–2009 годов коронавирус создает условия для усиления государственного вмешательства в разные сферы



*Иван Крaстев,  
председатель болгарского  
Центра либеральных  
стратегий,  
ведущий научный сотрудник  
венского Института наук о  
человеке*

\*[www.ecfr.eu/article/commentary\\_seven\\_early\\_lessons\\_from\\_the\\_coronavirus](http://www.ecfr.eu/article/commentary_seven_early_lessons_from_the_coronavirus)



Зигмар Польке. Сторожевая баня. 1984



жизни. После обрушения Lehman Brothers многие эксперты считали, что недоверие на рынках, порожденное кризисом, приведет к росту веры во власть. Эта концепция не нова, в 1929 году, в начале Великой депрессии, люди требовали от своих властей вмешательства в экономику, чтобы удерживать рынки от падения. Однако в 1970 году все было ровно наоборот — люди были настолько разочарованы правительствами, что снова поверили в рынки. Парадокс 2008–2009 годов состоял в том, что недоверие к рынкам не привело к запросу на государственное вмешательство в экономику. Но теперь, с воцарением коронавируса, дорога к усилению властей открыта. Люди верят, что власть может защитить их от пандемии и удержать экономику от падения. Эффективность правительств теперь измеряется тем, насколько они в состоянии изменить привычный образ жизни людей.

**2.** Вирус создал условия для усиления национальных государств внутри Европейского союза. Это нетрудно заметить по тому, с какой скоростью некоторые государства закрыли свои границы и как каждое из них сфокусировалось на помощи своим гражданам. В нормальных обстоятельствах государства — члены ЕС не должны делать различий между национальностями пациентов в своих системах здравоохранения, но в условиях кризиса они начали уделять первостепенное внимание своим гражданам, а не чужим (речь сейчас идет не о мигрантах из других регионов, но именно о гражданах Евросоюза с европейскими паспортами). Так вирус усиливает хоть и не этнический, но национализм. В качестве

стратегии выживания правительства предлагают гражданам возвести стены не только между государствами, но и между собой, поскольку риск заражения исходит от людей, с которыми граждане находятся в наибольшем контакте. Теперь угрозу представляет не незнакомец, но близкий.

**3.** Вирус возвращает доверие к институту экспертизы. Финансовый и миграционный кризисы 2015 года возникли, в частности, на базе разочарования в экспертной оценке, и это стало одной из главных побед популистских лидеров за последние десять лет. Нынешний кризис меняет положение вещей. Когда жизнь людей оказывается в опасности, их вера в науку возрастает пропорционально. Уже сегодня мы видим, что доверие к профессионалам, которые находятся на передовой борьбы с вирусом, только растет. Профессионализм снова в моде.

**4.** Четвертое последствие кризиса можно расценивать по-разному, но важность его от этого не уменьшается. К сожалению, вирус может создать ситуацию, в которой привлекательно станет выглядеть авторитарное использование больших данных. Можно обвинять власти Китая в недостаточной прозрачности или отсутствии адекватной первой реакции на вспышку вируса, но эффективность, с которой они остановили дальнейшую передачу вируса в своей стране, а также их способность на государственном уровне контролировать перемещение и поведение своих граждан выглядят поразительно. В ситуации сегодняшнего кризиса граждане постоянно оценивают реакцию и эффективность своих прави-

тельств по сравнению с другими. Поэтому не стоит удивляться, если в день, когда кризис кончится, Китай будет выглядеть победителем, а США проигравшими.

**5.** Особенности кризисного управления. В попытке остановить экономический и миграционный кризис, а также террористические атаки власти выучили главный кризисный урок: паника — худший враг. Если в течение месяцев после теракта люди боятся покидать свои дома и меняют свой образ жизни, значит, террористам отчасти удалось достигнуть своих целей. То же было верно и в 2008–2009 годах: изменения в поведении людей часто увеличивали стоимость кризиса. Если раньше ответ на кризис был: «сохраняйте спокойствие», «жизнь продолжается», «не думайте о рисках» и «не преувеличивайте», то теперь правительства должны просить своих граждан об обратном — паниковать, изменять образ жизни и оставаться дома. И здесь эффективность правительств напрямую зависит от их способности напугать людей достаточно для того, чтобы они следовали инструкциям. Слоган «Не паникуйте» для коронавируса не подходит. Чтобы сдержать распространение пандемии, люди должны начать паниковать и менять свой образ жизни.

**6.** Covid-19, скорее всего, окажет сильное влияние на отношения между поколениями. Во время обсуждений изменения климата молодые люди были критически настроены по отношению к старшим за то, что те были слишком эгоистичны в использовании ресурсов

планеты и не думали о будущем. Коронавирус меняет дискурс: представители старшего поколения оказались в куда более беззащитном положении из-за угрозы, исходящей от нежелания миллениалов изменить свой образ жизни. Этот конфликт поколений может стать еще более интенсивным, если кризис продлится.

**7.** В определенный момент правительства будут вынуждены выбирать между возможностью сдержать распространение пандемии ценой разрушения экономики и тем, чтобы заплатить высокую цену человеческих жизней в попытке спасти экономику.

Конечно, еще слишком рано пытаться прогнозировать политический резонанс от Covid-19. Страхи антиглобалистов оправдываются — главным свидетельством поражения глобализации стали закрытые аэропорты и самоизолировавшиеся граждане. Но неожиданным образом новый виток антиглобализма может на самом деле ослабить популистские политические силы, которые если когда-то и указывали на проблему, то не предлагали никаких решений. Пандемия вынудит Европейский союз кардинально пересмотреть свою антикризисную политику последних десятилетий. «Бюджетная дисциплина» перестала работать как эффективная экономическая мантра даже в Берлине, и нет такого европейского правительства, которое в настоящий момент выступало бы за открытие границ для беженцев.

*Подготовила Инна Березкина*

## Новый век начинается в 2020 году\*



Василий Жарков,  
кандидат исторических наук,  
политолог

**П**андемия COVID-19, или, как его называют, коронавируса, набирает обороты по всему миру. Какие исторические прецеденты аналогичных глобальных эпидемий нам известны и можем ли мы уже сейчас предсказать возможные социальные последствия охватившей человечество трагедии? Первое, что приходит на ум историку, — эпидемия испанки, начавшаяся ровно 102 года назад, когда в марте 1918 года первый случай гриппа, который пару месяцев спустя несправедливо назовут «испанским», был зафиксирован у рядового армии США на одной из военных баз в штате Канзас. Некоторые отечественные историки сегодня утверждают, что вирус происходил из Юго-Восточной Азии и в Америку его завезли рабочие из Китая, где похожая эпидемия случилась годом раньше. По другой, более устоявшейся версии вирус возник все-таки на Среднем Западе, передавшись от птиц и свиней людям. Так или иначе, именно Соединенные Штаты, подобно сегодняшней КНР столетие назад заявившие о себе как о новой сверхдержаве, стали источником распространения эпидемии на глобальном уровне.

Несмотря на то что уже первый, пока еще локальный, случай эпидемии в североамериканских штатах вызвал немало смертей среди резервистов, готовившихся к переброске в Европу, правительство и военное командование не уделило случившемуся должного внимания. В апреле 1917-го президент Вудро Вильсон объявил о вступлении Соединенных Штатов в войну, а год спустя вместе с очередным людским

\* Газета.ру. 2020. 2 апреля // [www.gazeta.ru/comments/column/zharkov/13023553.shtml](http://www.gazeta.ru/comments/column/zharkov/13023553.shtml).

подкреплением с американского континента прямо в окопы на французском фронте союзникам по Антанте был доставлен смертельно опасный вирус.

Военная цензура запрещала распространение информации о новом гриппе. Мало ли чем болеют солдаты, а некоторые даже умирают, главное — война до победного конца! Представитель американской военно-медицинской службы поспешил обвинить в распространении болезни германское командование, которое якобы использовало опасный вирус наряду с отравляющими газами. Однако скоро грипп перекинулся через линию фронта, немцы стали называть его фламандской лихорадкой, очевидно получив его на западном фронте, частично проходившем по Бельгии. Вместе с германскими войсками, вошедшими по условиям Брестского мира на территорию Украины, новая смерть достигла пределов распавшейся Российской империи, «овечий кашель» собрал свою немалую смертельную жатву, трудно поддававшуюся точной оценке в условиях гражданской войны и всеобщей разрухи.

Почему же этот грипп в мире назвали «испанка», а не «американка»? Испания оказалась страной, которая первой нарушила заговор молчания в отношении пандемии, в течение нескольких месяцев продолжавшийся по обе стороны фронта. В Первой мировой войне испанцы не участвовали, сохраняя нейтралитет, но за испанку они заплатили свою страшную цену.

В Мадриде к лету заболел каждый третий житель, включая короля Альфонсо XIII, а в Барселоне дело дошло до того, что в течение двух недель приходилось хоронить по 1200 человек ежедневно. В июне 1918-го испанские газеты не могли не написать о происходящей трагедии, так о пандемии узнал весь мир. В начале осени началась ее вторая волна; вирус успел мутировать и смертей стало еще больше. Третья волна пандемии случилась зимой 1919-го, после чего она вроде постепенно сошла на нет, хотя и в июне 1920 года врачи констатировали смерть от испанского гриппа у известного немецкого социолога Макса Вебера.

При этом нужно понимать, что сто лет назад никаких тестов на испанку, как сейчас на коронавирус, никто не сдавал. Выводы делались на основании схожих симптомов: скоротечная инфлюэнца, в три дня переходящая в острую стадию пневмонии с кровохарканьем и летальным исходом примерно в 10% случаев. В феврале 1919-го в Одессе симптомы этого гриппа обнаружили у Веры Холодной, 25-летней звезды русского немого кино. Наблюдавшие ее профессора говорили, что болезнь у актрисы протекала как «легочная чума». Накануне сведшей ее в могилу горячки она выпала в сугроб из перевернувшихся саней по дороге из театра домой.

По приблизительным данным, в 1918–1920 годах всего в мире переболело чуть менее трети тогдашнего населения Земли, более полумиллиарда человек, а число умерших, по разным оценкам, составило от 39 до

50 миллионов. В США умерли 775 тысяч человек, ровно в десять раз больше американских граждан, чем погибло в сражениях Первой мировой. Едва ли не единственным местом в мире, население которого сумело избежать пандемии, по некоторым оценкам, оказался остров Маражо размером с Швейцарию, расположенный в Бразилии, в устье реки Амазонки.

Формулу испанского гриппа ученые окончательно сумели расшифровать только в начале нынешнего столетия, восстановив ее из тканей женщины, погибшей от пандемии на Аляске и похороненной в зоне вечной мерзлоты. Желающие могут подробнее ознакомиться с материалом «Газеты.ру», раскрывающим медицинскую суть дела\*, мы же вернемся к социальным последствиям.

Что общего и в чем отличия между двумя пандемиями, сто лет назад и сейчас? Мы вполне можем делать наблюдения, которые, несмотря на весь ужас происходящего в эти дни на севере Италии и в других частях света, скорее в пользу колоссального прогресса, который проделало все человечество в течение прошедшего столетия. Мир наш со времен Первой мировой войны изменился практически до неузнаваемости.

Начнем с очевидного: никто с самого начала не думал замалчивать наличие опасного вируса и эпидемии. Более того, власти, в том числе и российские, открыто признают, что, скорее всего, не располагают точной информацией о реальной численности инфицированных и заболевших. Да, тестирование в силу технических причин пока что не может быть тотальным, но оно возможно и осуществляется там, где это особенно требуется. Врачи и ученые всего мира обмениваются информацией в режиме онлайн, уже четко известна формула вируса и ведется разработка вакцины.

К слову сказать, первые вакцины от гриппа появились значительно позже испанки, только в 40-е годы прошлого века. Сейчас счет идет на месяцы, самое позднее к началу следующего года вакцина будет готова к массовому распространению — это невиданная скорость по сравнению с временами наших дедов и прадедов. Но мы все равно, конечно же, недовольны.

Растет недоверие к государству. Зачем закрывают границы, вводят карантинные меры? Некоторые уже по прошествии одного-двух месяцев начинают рассуждать о возвращении эпохи *nation state*, закате наднациональных структур, таких как Европейский союз, не говоря уж об ООН. При этом мало кто обращает внимание, как на самом деле неоднозначно ведет себя современное государство.

Насколько выросла цена человеческой жизни, причем как в западных демократиях, так и в большинстве авторитарных режимов по всему

---

\* [Bwww.gazeta.ru/science/2008/02/19\\_a\\_2642547.shtml](http://www.gazeta.ru/science/2008/02/19_a_2642547.shtml).

миру! Испанка, между прочим, убивала в первую очередь здоровых и крепких мужчин в возрасте от 15 до 40 лет (да, то общество еще не знало нежного возраста современных тинейджеров, в 15 лет землю пахать можешь, значит, уже мужик). В результате миллионы семей по всему миру остались тогда без кормильца, порой единственного.

Современная пандемия убивает в основном стариков (довольно глубоких по меркам 100-летней давности), людей старше 65 лет. Но государство и общество, что на Западе, что на Востоке, и демократическое, и не очень, даже не думает о том, чтобы поступиться их жизнями, готово идти на любые меры ради спасения своих отцов, дедушек и бабушек. В то время как в 1918 году даже отъявленный либерал Вудро Вильсон продолжал гнать в мясорубку войны и пандемии тысячи молодых людей.

Жесткий карантин — единственная действенная мера в борьбе с эпидемиями. «Сидеть и никуда не двигаться», — сказал врач-эпидемиолог моему приятелю, в 80-е годы прошлого столетия случайно оказавшемуся в зоне заражения ящуром. Пока не изобретена вакцина, это и правда единственный действенный метод.

Современные государства, закрывая границы, торговые и развлекательные центры, отправляя граждан в оплачиваемые отпуска и запрещая им выходить на улицу, на самом деле действуют по общему плану. Его диктует медицинское сообщество, в свою очередь регулируемое протоколами, одобренными Всемирной организацией здравоохранения. Отсюда такое сходство мер в Китае, Италии, Германии, Франции, Великобритании, США и России. Где-то жестче, где-то мягче в зависимости от ситуации, но суть мер одна, и она идет от медиков, а не от политиков.

Пока трудно сказать, станет ли ВОЗ первым министерством мирового правительства в ближайшей перспективе. Скорее все-таки нет, но еще один важный шаг в этом направлении уже сделан. Задача выживания человечества, страх смерти сплывают страны и народы гораздо сильнее, чем что бы то ни было. Сейчас мы все присутствуем именно при таком важном моменте, и сам Иммануил Кант завидует нам.

Налицо новая глобальная общность профессионалов, которую пока не замечают обыватели, посаженные на карантин, жалующиеся, что пропустили показ мод в Милане. Эта международная общность каждодневно делает все возможное и невозможное как для спасения тысяч жизней по всей планете, так и для остановки или торможения распространения пандемии. Сто лет лицом страны, главным ее защитником, что в России, что в Европе, что в Америке, что в Китае, был человек с ружьем, несший смерть от пули или от неизвестного вируса. А что же теперь?

«Хочу особо обратиться к врачам, фельдшерам, медицинским сестрам, сотрудникам больниц, поликлиник, ФАПов, служб скорой помощи, к нашим ученым. Вы сейчас на переднем крае защиты страны. Сердечно благодарю всех вас за самоотверженный труд», — с таким заявлением



*Эдвард Мунк. Автопортрет после испанского гриппа. 1919*

к нации в связи с угрозой коронавируса недавно выступил Владимир Путин. Подозреваю, что мало кто из сегодняшних лидеров в других странах не согласится с президентом России в данном конкретном случае. В прошлом столетии «на переднем крае» всегда стояли армии, готовые убивать друг друга, а теперь, получается, врачи и ученые, которые по определению не знают границ. Нам всем лишь остается это констатировать.

Теперь немного об экономике. Да, будет несладко. Пандемия совпала с и без того предполагавшимся многими спадом. Судя по всему, мы оказались на дне очередного кондратьевского цикла. Многие бизнесы и даже целые отрасли потерпят крах или будут серьезно реформатированы.

Однако на этом тяжелом фоне нельзя не заметить лучей будущего восхода. Все, что связано с интернетом и поддерживаемой им инфраструктурой: IT-сфера, онлайн-торговля и связанная с ней сеть курьерской доставки, интернет-банкинг, различные сервисы, включая дистанционное обучение и профессиональную переподготовку кадров, — все это обещает стать точками роста в самое ближайшее время.

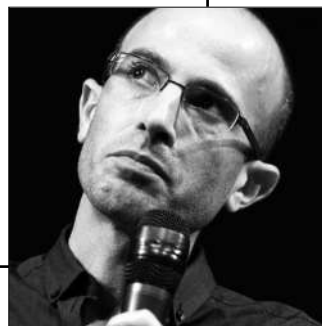
Плюс срочно необходимое масштабирование производства тестов на вирус, а чуть позже и массовое внедрение вакцины приведут к мощному структурному росту в отраслях, связанных с биотехнологиями. Производство аппаратов ИВЛ, лекарств, гигиенических масок и санитайзеров, очевидно, должно расти уже прямо сейчас. Опять же подобные задачи возможно решать только на уровне глобальной экономики, значит, никакое закрытие границ после срока истечения карантина не продолжится. Наоборот, скорее всего, возрастет роль транснациональных корпораций — такие проекты сейчас под силу только им. Значит, после проведения неизбежной всеобщей вакцинации от коронавируса мир станет еще более глобальным, чем сейчас, и связи упрочатся.

Пандемия испанки, между прочим, в свое время стимулировала развитие современной системы здравоохранения — сначала в развитых странах Европы, а потом и в большинстве стран мира. Сегодняшний вызов и его непростые последствия, скорее всего, вызовут очередной этап развития медицины и биотехнологий, которые могут стать одной из системообразующих отраслей глобальной экономики.

Заметим при этом, что государство ведет себя не как наступающий, а как ведомый событиями субъект. Первоочередные меры большинства правительств, что в США, что во Франции, что в России, нацелены на снижение налогового бремени, введение каникул по налоговым выплатам, мораториев по кредитам, прямых субсидий бизнесу и населению. «Акула капитализма» Дональд Трамп с его триллионами долларов в качестве субсидий в американскую экономику впереди планеты всей. Остальные поспевают в меру собственных возможностей.

Что еще важного происходит прямо сейчас? В советской школе все учили про производственные отношения, которые являются базисом всего общественного устройства. Сто лет назад Первая мировая война мобилизовала миллионы людей на массовое производство снарядов, гаубиц, танков и самолетов. Несколько поколений людей были заняты изготовлением больших железных машин, стоя у конвейера. И вот коронавирус 100 лет спустя, похоже, окончательно распустил былые трудармии «на удаленку». Что это будет означать для общества? Как повлияет на отношения собственности? Как изменит жизнь людей? Станет ли у человека больше свободного времени или наоборот? Последнее — один из ключевых вопросов современной социальной теории. От ответа на него зависит весь наш последующий образ жизни. Все, друзья, главное мы должны понять уже сейчас: новый век окончательно наступил, как и в прошлый раз, аккурат к началу 20-х. Он-то и даст ответы на все эти и многие другие вопросы. Большинству тех, кто переживет этот страшный год, предстоит не только увидеть все возможные перемены, но и принять в них участие. «Лед тронулся», — говорил один известный герой 20-х годов прошлого века. Как минимум это означает, что очередная весна человечества не за горами.





Юваль Ной Харари,  
израильский историк

## Мир после коронавируса\*

**Д**а, шторм пройдет, человечество выживет, большинство из нас все еще будут живы, но мы будем жить в другом мире. Многие краткосрочные чрезвычайные меры станут частью жизни. Такова природа чрезвычайных ситуаций. И они ускоряют исторические процессы. Решения, на которые в обычное время уходят годы, сегодня принимаются моментально. Вводятся в эксплуатацию незрелые и даже опасные технологии, потому что бездействие обойдется слишком дорого. Целые страны оказались «морскими свинками» в глобальном социальном эксперименте. Что происходит, когда все работают из дома и общаются только на расстоянии? Что происходит, когда целые школы и университеты уходят в интернет? В спокойные времена правительства, предприятия и образовательные учреждения никогда бы не пошли на такие меры. Но сегодня — не спокойные времена.

В это кризисное время перед нами два пути. Первый — это выбор между тоталитарной слежкой и расширением прав и возможностей граждан. Второй — выбор между изоляцией по национальному принципу и глобальной солидарностью.

### «Подкожная» слежка

Чтобы остановить эпидемию, все население должно руководствоваться определенными принципами. Этого можно достичь двумя способами. Один заклю-

---

\* [bykvu.com/ru/bukvy/juval-noj-harari-dlja-ft-mir-posle-koronavirusa](https://bykvu.com/ru/bukvy/juval-noj-harari-dlja-ft-mir-posle-koronavirusa). Перевод материала: Yuval Noah Harari. *The world after coronavirus* // *Financial Times*. 2020. March 20.

чается в том, что правительство контролирует людей и наказывает нарушителей. Сегодня, впервые в истории человечества, технологии позволяют контролировать всех и постоянно. Пятьдесят лет назад даже КГБ не могло следить за 240 миллионами советских граждан 24 часа в сутки. При этом в КГБ не могли быть полностью уверены, что вся собранная информация обрабатывается эффективно. КГБ полагалось на человеческих агентов и аналитиков, и там просто не могли заставить каждого агента следовать за каждым гражданином. Но теперь правительства могут полагаться на вездесущие датчики и мощные алгоритмы, а не на приставов из плоти и крови.

В ходе борьбы с эпидемией коронавируса несколько правительств уже внедрили новые инструменты наблюдения. Наиболее заметный случай — Китай. Тщательно отслеживая смартфоны людей, используя сотни миллионов камер, распознающих лица и обязывающих людей проверять и сообщать о температуре своего тела и состоянии здоровья, китайские власти могут не только быстро выявлять потенциальных носителей коронавируса, но и отслеживать их передвижение и идентифицировать тех, кто вступил с ними в контакт. Существуют также и мобильные приложения, которые предупреждают граждан об их близости к инфицированным людям.

Однако использование таких технологий не ограничивается Восточной Азией. Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху недавно уполномочил Агентство безопасности Израиля развернуть программу наблюдения, используя технологии, которые обычно предназначены для борьбы с терро-

ристами, для отслеживания пациентов с коронавирусом. Когда соответствующий парламентский подкомитет отказался санкционировать эту меру, Нетаньяху утвердил ее чрезвычайным указом.

Вам может показаться, что в этом нет ничего нового. В последние годы и правительства, и корпорации используют все более сложные технологии для отслеживания, мониторинга и манипулирования людьми. Тем не менее, если мы не будем осторожны, эпидемия может стать точкой невозврата. Не только потому, что это может нормализовать развертывание средств массовой слежки в странах, которые до сих пор не прибегали к таким методам, но даже в большей степени потому, что это ознаменует резкий переход от скрытого надзора к явному и тотальному. До сих пор, когда ваш палец касался экрана смартфона и кликал на ссылку, правительство хотело узнать, на что именно нажимает ваш палец. Но с коронавирусом фокус интереса смещается. Теперь правительство хочет знать температуру вашего пальца и кровяное давление под его кожей.

### «Экстренный» пудинг

Одна из проблем заключается в том, что никто не знает, как за нами следят, и неизвестно, чем это может обернуться в будущем. Технологии видеонаблюдения развиваются с бешеной скоростью, и то, что десять лет назад казалось научной фантастикой, сегодня — устаревшая информация. Рассмотрим гипотетически некое правительство, которое требует, чтобы каждый гражданин носил биометриче-



*Дженнифер Марман. Дэниэл Боринс. Google. 2010 © Marman and Borins*

ский браслет. Этот браслет контролирует температуру тела и частоту сердечных сокращений 24 часа в сутки. Полученные данные накапливаются и анализируются правительственными алгоритмами. Алгоритмы будут знать, что вы больны, еще до того, как вы сами узнаете об этом. Также они будут знать, где вы были и с кем встречались. Цепь распространения инфекции может быть резко сокращена, а то и вовсе остановлена. Такая система может остановить эпидемию в течение нескольких дней. Звучит заманчиво, не так ли?

Недостатком является, конечно, то, что это придаст легитимность ужасающей системе тотальной слежки. Если вы

знаете, например, что я нажал на ссылку Fox News, а не, к примеру, CNN, это может рассказать вам о моих политических предпочтениях и, возможно, даже о моей личности. Если вы можете наблюдать за тем, что происходит с температурой моего тела, артериальным давлением и частотой сердечных сокращений, когда я смотрю какой-то видеоклип, — вы можете узнать, что заставляет меня смеяться, что заставляет меня плакать и что выводит меня из себя.

Важно помнить, что гнев, радость, скука и любовь — это биологические явления, такие же как и лихорадка или кашель. Та же технология, которая идентифицирует кашель, может с лег-

костью идентифицировать смех. Если корпорации и правительства начнут массово собирать наши биометрические данные, они смогут узнать нас гораздо лучше нас самих. Тогда они смогут не только предсказывать, но и манипулировать нашими чувствами и продавать нам все, что захотят, — будь то продукт или политик. Тактика взлома данных Cambridge Analytica по сравнению с биометрическим мониторингом — это каменный век. Представьте себе Северную Корею в 2030 году, когда каждый гражданин должен носить биометрический браслет 24 часа в сутки. Если вы слушаете речь Великого Вождя, и браслет улавливает контрольные признаки гнева, вам — конец.

Вы, конечно, могли бы оправдать биометрическое наблюдение как временную меру, принятую во время чрезвычайного положения, которую отменят, когда этот режим закончится. Но временные меры имеют привычку растягиваться дольше, чем сама чрезвычайная ситуация. Особенно потому, что на горизонте всегда скрывается другая угроза. Например, моя родная страна Израиль объявила чрезвычайное положение во время войны за независимость 1948 года, которая оправдывала целый ряд временных мер — от цензуры прессы и конфискации земли до специальных правил изготовления пудинга (это не шутка). Война за независимость уже давно выиграна, но Израиль так и не отменил многие «временные» меры 1948 года (указ о чрезвычайном пудинге был, к счастью, отменен в 2011 году).

Даже когда количество заражений коронавирусом снижается до нуля, некоторые правительства могут утвер-

ждать, что биометрические системы наблюдения нужно оставить, потому что есть риск второй волны вспышки коронавируса или потому, что в центральной Африке развивается новый штамм вируса Эбола и так далее. Вы поняли, как это работает. В последние годы бушует большая битва за нашу конфиденциальность. Кризис коронавируса может стать переломным моментом в этом противостоянии. Потому что когда людям предоставляется выбор между личной жизнью и здоровьем, они обычно выбирают здоровье.

### **Полиция «по вопросам мыла»**

На самом деле проблема как раз в том, что людей ставят перед выбором между приватностью и здоровьем. Это — ложный выбор. Мы можем и должны наслаждаться и тем и другим — и приватностью, и здоровьем. Мы можем защитить свое здоровье и остановить эпидемию коронавируса не путем введения тоталитарных мер эпидемиологического надзора, а путем усиления прав и возможностей граждан. За это время наиболее успешные усилия по сдерживанию эпидемии коронавируса были предприняты Южной Кореей, Тайванем и Сингапуром. Эти страны в некоторой степени использовали приложения для слежки, но в большей степени они полагаются на всестороннее тестирование, честную отчетность и добровольное сотрудничество хорошо информированной общественности.

Централизованный мониторинг и суровые наказания — не единственный способ заставить людей соблюдать правила. Когда людей информируют о на-

учных фактах и когда они доверяют государственным органам, граждане могут поступать правильно, даже если Большой брат не наблюдает за ними. Мотивированное и хорошо информированное население, как правило, гораздо более влиятельное и эффективное, чем невежественное, живущее в страхе и загнанное полицейскими. Рассмотрим на примере мытья рук с мылом. Это было одно из величайших достижений в области человеческой гигиены. Это простое действие спасает миллионы жизней каждый год. Сегодня мы считаем это само

собой разумеющимся, но важность мытья рук с мылом ученые подтвердили только в XIX веке. Ранее даже врачи и медсестры переходили от одной хирургической операции к другой без мытья рук. Сегодня миллиарды людей ежедневно моют руки не потому, что боятся «мыльной полиции», а потому что понимают важность этой простой гигиенической меры. Я мою руки с мылом, потому что я слышал о вирусах и бактериях, я понимаю, что эти крошечные организмы вызывают болезни, и я знаю, что мыло может их смыть.

Но чтобы достичь такого уровня сотрудничества, необходим определенный уровень доверия. Люди должны доверять науке, доверять государственным органам и СМИ. За последние несколько лет безответственные политики преднамеренно подорвали это доверие. Теперь эти самые безответственные политики могут поддаться искушению пойти по пути авторитаризма, утверждая, что вы просто не можете

быть уверены, что общественность поведет себя правильно.

Обычно доверие, которое разрушалось годами, не может быть восстановлено в одночасье. Но это не нормальные времена. В момент кризиса умы тоже могут быстро измениться. У вас могут

*Всякий раз, когда люди говорят о слежке, помните, что одна и та же технология может быть использована не только правительствами для мониторинга отдельных лиц, но и отдельными лицами для мониторинга правительств*

---

быть горькие споры с вашими братьями и сестрами в течение многих лет, но когда возникает какая-то чрезвычайная ситуация, вы неожиданно обнаруживаете скрытый резервуар доверия и дружбы и спешите помогать друг другу. Вместо того чтобы строить режим наблюдения, еще не поздно восстановить доверие людей к науке, органам государственной власти и средствам массовой информации. Мы обязательно должны использовать и новые технологии, но эти технологии должны расширять возможности граждан. Я полностью поддерживаю мониторинг температуры моего тела и кровяного давления, но эти данные не должны использоваться для создания всемогущего правительства. Скорее эти данные должны позволить мне сделать более осознанный личный выбор, а также привлечь правительство к ответственности за свои решения.

Если бы я мог следить за своим состоянием здоровья 24 часа в сутки, я узнал

бы не только о том, стал ли я опасным для других, но и о том, какие привычки и как влияют на мое здоровье. И если бы я мог получить доступ и проанализировать надежные статистические данные о распространении коронавируса, я бы мог судить, говорит ли мне правительство правду и принимает ли оно правильную политику для борьбы с эпидемией. Всякий раз, когда люди говорят о слежке, помните, что одна и та же технология может быть использована не только правительствами для мониторинга отдельных лиц, но и отдельными лицами для мониторинга правительств.

Таким образом, эпидемия коронавируса является серьезной проверкой для всего института гражданства. В предстоящие дни каждый из нас должен сделать выбор в пользу научных данных и довериться специалистам в области здравоохранения вместо необоснованных теорий заговора и поддержки безответственных политиков. Если мы сделаем неправильный выбор, мы можем лишиться наших самых ценных свобод под предлогом того, что авторитаризм — единственный способ защитить наше здоровье.

### **Нам нужен глобальный план**

Второй важный выбор, с которым мы сталкиваемся, — это национальная изоляция и глобальная солидарность. И сама эпидемия, и экономический кризис в результате этого являются глобальными проблемами. Они могут быть эффективно разрешены только путем глобального сотрудничества. Прежде всего, чтобы победить вирус, нам нужно обмениваться информацией

во всем мире. Это большое преимущество людей перед вирусами. Коронавирус в Китае и коронавирус в США не обменивались советами, как лучше инфицировать людей. Но Китай может преподать США много ценных уроков о коронавирусе и о том, как с ним бороться. То, что итальянский врач обнаружит в Милане рано утром, вполне может спасти жизни в Тегеране к вечеру. Когда правительство Великобритании колеблется между несколькими политическими решениями, оно может воспользоваться советами корейцев, которые уже сталкивались с подобной дилеммой месяц назад. Но для этого нам необходим дух глобального сотрудничества и доверия.

Страны должны быть готовы обмениваться информацией открыто и смиренно обращаться за советом, а также доверять данным и полученным знаниям. Нам также необходимы глобальные усилия по производству и распространению медицинского оборудования, в частности наборов для тестирования и дыхательных аппаратов. Вместо того чтобы делать это локально по отдельности в каждой стране и накапливать какое бы то ни было оборудование, скоординированные усилия могли бы значительно ускорить производство и обеспечить более справедливое распределение спасательного оборудования. Подобно тому как страны национализируют ключевые отрасли промышленности во время войны, человеческая война против коронавируса может потребовать от нас «гуманизации» важнейших производственных линий. Богатая страна, в которой мало случаев заболевания коронавирусом, должна быть готова отправить драгоценное оборудование в более бедную страну,



*Pumper. Скрытая камера. 2008 © Kathleen Ritter*

рассчитывая лишь на то, что если ей впоследствии потребуется поддержка, другие страны придут к ней на помощь в ответ.

Мы могли бы рассмотреть аналогичные глобальные усилия по объединению медицинского персонала. Страны, менее затронутые коронавирусом, могут направлять медицинский персонал в наиболее пострадавшие регионы, как для того, чтобы помочь, так и для получения ценного опыта. Если в дальнейшем центр эпидемии сместится, помощь может начать поступать в противоположном направлении.

Глобальное сотрудничество жизненно необходимо и на экономическом фронте. Учитывая глобальный характер экономики и цепочек поставок, если каж-

дое правительство будет делать свое дело, полностью игнорируя других, результатом будет хаос и углубление кризиса. Нам нужен глобальный план действий, и он нужен нам быстро.

Еще одной необходимостью является достижение глобального соглашения о поездках. Приостановление всех международных поездок на месяцы вызовет огромные трудности и затруднит войну с коронавирусом. Странам необходимо сотрудничать, чтобы позволить пересекать границу как минимум некоторым категориям людей — это ученые, врачи, журналисты, политики, бизнесмены. Это может быть достигнуто путем соглашения о предварительной проверке путешественников в их родной стране. Если вы знаете, что в

самолет допускаются только тщательно проверенные пассажиры, вы охотнее примете их в своей стране.

К сожалению, в настоящее время страны вряд ли делают что-либо из этого. Коллективный паралич охватил международное сообщество. В комнате, кажется, нет взрослых. Можно было ожидать, что уже несколько недель назад состоится экстренное совещание мировых лидеров, на котором будет выработан общий план действий. Лидерам G7 удалось организовать видеоконференцию только на этой неделе, и это не привело ни к какому такому плану.

В ходе предыдущих глобальных кризисов, таких как финансовый кризис 2008 года и эпидемия Эболы 2014 года, США взяли на себя роль глобального лидера. Но нынешняя администрация США отреклась от такой должности. В Белом доме ясно дали понять, что заботятся о величии Америки гораздо больше, чем о будущем человечества.

Эта администрация отказалась даже от своих ближайших союзников. Когда были запрещены все поездки из ЕС, Союз даже не был предварительно уведомлен, не говоря уже о том, чтобы провести консультации о целесообразности такой решительной меры. Германия была потрясена тем, что немецкой фармацевтической компании якобы предложили 1 миллиард долларов на при-

обретение монопольных прав на новую вакцину против COVID-19. Даже если нынешняя администрация в конечном итоге изменит курс и разработает глобальный план действий, многие будут следовать за лидером, который никогда не берет на себя ответственность. Никто не последует за тем, кто никогда не признает ошибок и который обычно оставляет всю вину другим.

Если пустота, оставленная США, не будет заполнена другими странами, станет не только труднее остановить нынешнюю эпидемию, но и ее наследие будет продолжать отравлять международные отношения долгие годы. Тем не менее каждый кризис — это и возможность. Мы должны надеяться, что нынешняя эпидемия поможет человечеству осознать острую опасность, которую представляет собой глобальная разобщенность.

Человечество должно сделать выбор. Пойдем ли мы по пути разобщенности или пойдем по пути глобальной солидарности? Если мы выберем разобщенность, это не только продлит кризис, но, вероятно, приведет к еще худшим катастрофам в будущем. Если мы выберем глобальную солидарность, это будет победой не только над коронавирусом, но и против всех будущих эпидемий и кризисов, которые могут поразить человечество в XXI веке.



## *Здоровая планета для здоровых людей*

### *Обращение Римского клуба к мировым лидерам\**

---

**М**ир погрузился в чрезвычайный кризис. Мы глубоко скорбим о человеческих жизнях, уже ставших жертвами вируса, и выражаем глубокое чувство солидарности с теми, кто сегодня наиболее уязвим, поскольку пандемия продолжает распространяться по всему миру. Эта угроза требует быстрых и решительных ответных действий, и мы полностью поддерживаем чрезвычайные меры, которые необходимы для спасения как можно большего числа жизней и поддержки тех, чья безопасность и средства к существованию оказались под угрозой. Этот кризис также показывает, насколько мы — единое человечество, живущее на единой планете, — зависим друг от друга, как связаны наши системы здравоохранения и поставки продовольствия.

Важно понимать, что сейчас наша планета сталкивается с более глубоким и долгосрочным кризисом, зависящим от целого ряда взаимосвязанных глобальных проблем. Новые инфекционные заболевания, такие как лихорадка Эбола, птичий грипп, SARS и теперь Covid-19, приводят к широкомасштабной гибели людей, болезням и экономическому ущербу, разрушающему торговлю и туризм. Около 70% этих заболеваний приходят к нам от животных (в основном диких). Но условия, вследствие которых животные передают болезнь человеку, — результат вмешательства человека в природу: вырубка лесов, расширение сельскохозяйственных угодий, охота и торговля дикой природой. Все эти действия могут привести к потере биологического разнообразия. Многие патогенные микроорганизмы нам еще только предстоит обнаружить, поэтому болезни, о которых мы знаем сегодня, являются лишь вершиной айсберга.

Так же как Covid-19, изменение климата, утрата биологического разнообразия и финансовый коллапс не ограничивают себя национальными или даже физическими границами. С этими проблемами можно справиться только с помощью коллективных действий, которые

---

\* [clubofrome.org/impact-hubs/climate-emergency/open-letter-to-global-leaders-a-healthy-planet-for-healthy-people](https://clubofrome.org/impact-hubs/climate-emergency/open-letter-to-global-leaders-a-healthy-planet-for-healthy-people).



Теодор Жерико. Плот «Медузы». 1819

должны начинаться задолго до того, как проблемы перерастают в полномасштабные кризисы, и должны быть направлены не против конкретных единичных угроз, а против потенциальной серии потрясений.

Covid-19 показал нам, что изменения возможны и они могут быть стремительными. На наших глазах внезапно появляются другой мир и другая экономика. Это беспрецедентная возможность отказаться от гонки за ростом любой ценой и старой углеводородной экономики в пользу баланса между процветанием людей и бережным использованием ресурсов нашей планеты.

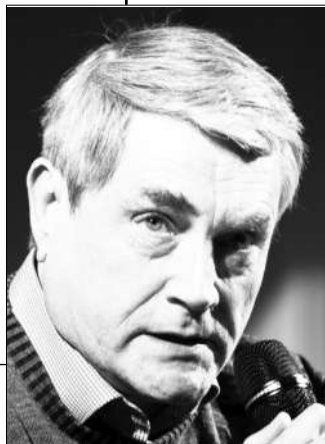
В зависимости от того, как мировые лидеры решат стимулировать экономику в ответ на кризис Covid-19, это может либо усилить глобальные угрозы, либо смягчить их, поэтому им нужно проявить мудрость. В рискованной ситуации есть опасность принятия близоруких решений, которые лишь увеличат выбросы и продолжают портить природу в долгосрочной перспективе. С другой стороны, у них есть возможность настоять на решениях, которые не только помогут восстановить жизнь и простимулировать экономическую активность сразу же по завершении кризиса, но и ускорить переход к устойчивой, низкоуглеродной экономике и природному богатству обществ.

Мы знаем эти решения: надо инвестировать в возобновляемую энергию вместо ископаемого топлива, в природу и восстановление лесов, в устойчивые продовольственные системы и регенеративное (восстановительное) сельское хозяйство; перейти к более локальной и низкоуглеродной экономике замкнутого цикла. Эти позитивные действия также могут стать крайне необходимым источником коллективной надежды и оптимизма для возрождения жизни в эти неопределенные времена.

Мы призываем мировых лидеров проявить смелость, мудрость и дальновидность, чтобы воспользоваться этой возможностью и выстроить по-настоящему трансформирующие планы экономического восстановления, основанные на вложении средств в людей, природу и низкоуглеродное развитие. В этом случае они помогут проложить дорогу к нулевым выбросам к 2050 году, улучшить состояние здоровья в мире, восстановить наши отношения с природой, переосмыслить способы использования земли и преобразовать наши продовольственные системы. Пакеты восстановления не должны разрабатываться как «бесплатные билеты», но скорее должны включать в себя сильные экономические стимулы для компаний и отраслей, решивших перейти на низкоуглеродную бизнес-модель замкнутого цикла, и инвестировать в природу и людей. Сейчас самое время отказаться от ископаемого топлива.

Не менее важно, чтобы климат и биологическое разнообразие оставались на первом месте повестки дня в 2020 году и в последующий период и чтобы лидеры использовали каждую возможность поддерживать любое продвижение на этом фронте. Необходимо приложить все усилия для продолжения глобального сотрудничества по этим вопросам в рамках Организации Объединенных Наций (Природный саммит Генеральной Ассамблеи ООН, Рамочная конвенция ООН об изменении климата, Конвенция ООН о биологическом разнообразии). Мы должны помнить, что международное сотрудничество является лучшим способом устранения будущих угроз нашему существованию.

Для всех нас наступил момент, когда мы должны принять участие в совместной работе над поиском выхода из этой чрезвычайной ситуации через глобальную экономическую перезагрузку. Люди и природа должны быть в центре этой перезагрузки — направленной на перераспределение, возрождение и восстановление. Процветание людей и планеты возможно только в том случае, если мы сегодня примем смелые решения, чтобы будущие поколения могли выжить и процветать в лучшем мире.



*Кристофер Коукер,  
профессор Лондонской школы  
экономики*

*Прежняя историческая эра вместе с привычным миропорядком уходит в прошлое, начинают проступать контуры нового политического века. Мы не знаем, что он принесет и как будет выглядеть. Неизвестность порождает тревогу: Запад больше не чувствует себя в безопасности и столкнулся с экзистенциальным кризисом. Британский политолог, профессор по международным отношениям Лондонской школы экономики Кристофер Коукер рассказал, почему новое столетие, скорее всего, будет «ничейным», что станет главным вызовом для Европы и какие развилки ждут Россию.*

### **«Не думаю, что XXI век станет китайским»\***

**П**адение Берлинской стены, 30-летнюю годовщину которого отмечали в конце 2019 года, на самом деле не имело такого исторического значения, как это принято считать. События, полностью изменившие международный ландшафт, произошли за десять лет до этого, в 1979 году: во-первых, это революция в Иране, которая радикально изменила облик Ближнего Востока, а во-вторых, решение китайского правительства открыть рынки миру. В 1979 году китайская экономика была ненамного больше испанской; сегодня она по паритету покупательной способности уже опередила США. Должны были бы произойти еще две вещи: Россия должна была стать частью свободного либерального миропорядка, а сам этот миропорядок — оказаться стабильным и устойчивым. Но все сложилось иначе.

### **«В новой реальности США недостаточно сильны, чтобы быть гегемоном»**

То, что произошло 11 сентября, конечно, ни в коем случае не является ответственностью иранских властей, но те молодые террористы совершенно

*\* Выступление на семинаре Ассоциации школ политических исследований при Совете Европы в Оксфордском университете 27 января 2020 г.*

точно были воодушевлены иранскими событиями 1979 года. США потратили 7,3 триллиона долларов на то, чтобы изменить облик Ближнего Востока. Эта сумма больше, чем США когда-либо тратили на что-то в своей истории, включая Первую и Вторую мировую войну и все войны, вместе взятые. Выхлоп получился очень маленьким: в действительности Ближний Восток сегодня куда как в худшем состоянии, нежели перед событиями 11 сентября 2001 года, в Афганистане не прекращается война и нет никакого просвета.

Позиция США не изменилась со времен знаменитой пресс-конференции на второй день войны в Ираке в 2003 году, когда президент Буш на вопрос о соблюдении международного права ответил: «Я даже не подумал об этом, наверное, надо юристам позвонить и спросить». Конечно, это была шутка, но шутка крайне неудачная. Верховный главнокомандующий ОВС НАТО в Европе в 1990-х годах Уэсли Кларк спустя много лет в одной из своих статей признал, что США после 11 сентября задумывались о нападении не только на Ирак, но на семь разных стран. Такая степень гегемонистского высокомерия стала возможна к концу холодной войны, и теперь мы за это расплачиваемся. Американская односторонность проявляется и в других сферах, а подходы опираются в основном на экономику: доллар и экономические санкции используются, чтобы наказывать другие страны. Дело не в Буше и не в Трампе. Западная система альянсов и союзов оказалась под давлением разных факторов, и это для Запада делает очень сложным сохранение прежнего миропорядка. Но в но-

вой реальности США недостаточно сильны, чтобы быть гегемоном: Китай не бросает вызов США напрямую, но тем не менее дает понять, что собирается это сделать — и скорее раньше, чем позже.

Мне кажется, мы больше не будем иметь дела со столкновением идеологий, а будем бороться за идентичность и культурные ценности. Китай на XIX съезде партии объявил себя государством-цивилизацией, президент Путин на заседании Валдайского клуба тоже заявил, что Россия — это страна-цивилизация, аналогично воспринимает роль своей страны и премьер-министр Индии Нарендра Моди. В действительности мы видим, конечно, столкновение либеральных политических систем и авторитарных режимов, мы видим новую экономическую холодную войну, которая развивается прямо сейчас.

### **Российские развилки**

Политический курс России при президентстве господина Путина, начиная примерно с 2006–2007 годов, идет в известном смысле вразрез с западными устремлениями. Несмотря на то что Соединенные Штаты — это самая мощная военная держава (и вряд ли можно ожидать, что это изменится в течение ближайших десяти лет), а Россия — страна довольно бедная (ее экономика, например, уступает экономике Испании), исключительным образом риторика Путина и риторика администрации Трампа звучат очень схоже. Путин говорит об опасности, которая нависает над Россией с Запада, а Трамп говорит американцам

об угрозе, исходящей от Китая. Путин говорит, что Запад обманул Россию после конца холодной войны, а Трамп говорит, что союзники обманули США. Это состояние разума, которое одинаково вредно как в России, так и в Америке.

Но что делать, если вы находитесь в экономически весьма невыгодном положении — в таком, как Россия? Существует два пути: выстроить более оптимальные отношения с Западом, в частности с Европой и США, но этот путь, похоже, блокирован; или же повернуться в сторону Китая, что, конечно же, представляется мне совершенным кошмаром. Мы уже видим огромные китайские инвестиции в России — сотни миллиардов долларов в Сибири и на Дальнем Востоке, огромные программы сотрудничества и военного обмена, и не видим ничего близкого по масштабу со стороны Запада.

### **«Мы вновь видим общества на грани взрыва»**

Геополитические проблемы Европы были изложены на Мюнхенской конференции по безопасности главой Еврокомиссии Жан-Клодом Юнкером. Он сказал о необходимости усиливать значение Европы в мире, о том, что в настоящее время нами пренебрегают Соединенные Штаты и Китай. Вопрос о мировом значении — действительно колоссальная проблема, в особенности в условиях брекзита, потому что сегодня у нас есть всего лишь две страны на европейском континенте, которые имеют стратегическое видение, — это, конечно же, Франция и Великобритания, которая уходит из ЕС. Президент

Франции Эммануэль Макрон поднял вопрос о создании Европейского совета безопасности, где Великобритания могла бы быть полноправным членом. Мне представляется, что британское взаимодействие с Европой будет гораздо больше основано на конкретных обстоятельствах, так называемой политике *ad hoc* с учетом растущего влияния Китая, которое распространяется уже на саму Европу. Тем временем такие страны, как Венгрия, фактически блокируют инициативы ЕС, осуждающие нарушение прав человека в Китае. А президент Чехии сказал недавно, что хотел бы, чтобы его страна была «бездумным авианосцем китайских инвестиций»!

Зигмунд Фрейд, который умер в изгнании в Лондоне в 1939 году, незадолго до кончины ответил на вопрос журналиста, последняя ли для Европы начавшаяся война: «Это последняя война для меня, но, пожалуй, не для вас». Мы любим напоминать себе, что Европе удалось предотвратить войну, ЕС даже был награжден Нобелевской премией за упреждение войны после 1945 года. Но теперь мы вновь видим общества на грани взрыва.

Нет никаких сомнений в том, что самой большой проблемой для Евросоюза в ближайшие десятилетия будет миграция. То, как Европа попытается решить эту проблему, имеет центральное значение для существования и выживания Европы в целом. О колоссальном числе мигрантов из Африки — почти 200 миллионов людей — говорил президент Франции Эммануэль Макрон. Наконец, окружающая среда: проблемы климата станут новым полем для конфликта между Россией и Западом, в частности в Арктике.



*Винченцо Камуччини. Смерть Юлия Цезаря (фрагмент). 1798*

**«Это мир, в котором мы вполне могли бы выжить в XIX и, может быть, даже в XX веке»**

Мы будем и дальше наблюдать соперничество между свободной рыночной экономикой и экономикой административно-командной. Пока сложно сказать, какая из этих систем окажется более производительной с точки зрения порождения богатства. Но мы знаем, что Китай сейчас — страна с самым быстрорастущим средним классом в мире, занимающая второе место по числу миллиардеров. Мне кажется, первый триллионер в мире будет китайцем, а не американцем.

Но главный вопрос состоит в следующем: можем ли мы вообще выжить в

постгегемоническом мире, то есть в мире, где не будет гегемона? XIX век был британским, XX век был американским. Я не думаю, что XXI век станет китайским. Я думаю, что это будет ничейный век. Может быть, вы скажете, что это вообще вполне привлекательно — мир без гегемона. Но в то же время это мир без закрепленных правил, это мир с вакуумом управления, это мир, в котором мы вполне могли бы выжить в XIX и, может быть, даже в XX веке. Но, учитывая вызовы, которые перед нами стоят, увы, это худший из возможных сценариев.

*Записала  
Наталья Корченкова*



*Константин Эггерт*

*Избрание Дональда Трампа, брекзит, события в ЕС и в Бразилии, где на первых ролях оказались популисты, свидетельствуют о глобальных изменениях в политических предпочтениях людей по всей планете. В этих условиях международные организации, казалось бы, должны становиться менее релевантными. Но страны не торопятся покидать глобальные институты. О том, какую эволюцию проходят международные организации, почему в них продолжают состоять даже авторитарные страны и при чем тут суверенитет и моральное лидерство, рассказал журналист-международник Константин Эггерт.*

## ***Почему миру суверенных государств нужны глобальные институты\****

**О реалистах, интернационалистах и тех, кто на самом деле правит в глобальном мире.** Международные организации существуют давно, сегодня их в мире тысячи. Но в политической теории до сих пор идут дискуссии по поводу того, что это такое. Классическое определение международным организациям дал Стивен Краснер, при президенте США Рональде Рейгане он был главой департамента аналитического планирования в Госдепе, а сейчас — профессор в Стэнфорде: «Международные организации — это неявные или явные принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений, в соответствии с которыми ожидания международных субъектов сходятся в области международных отношений».

Есть несколько школ мысли, которые по-разному трактуют, на чем основывается международная политика: на интересах, на ценностях или на их сочетании. Так называемые реалисты, которых представляют Джон Миршаймер и Генри Киссинджер, считают международные организации зеркалом реального баланса сил в мире. То есть если США — большая и важная держава в политическом, экономическом и военном плане, то

*\* Выступление на международном семинаре Ассоциации школ политических исследований при Совете Европы в г. Юрмала (Латвия) 30 сентября 2019 г.*



она в большинстве случаев будет доминировать и в международных организациях. Те же, кто исповедует интернационалистский подход к международным отношениям, считают, что ключевую роль играют ценности, и международные организации могут добиться чего-то, не только следуя диктату самых сильных своих членов.

Чтобы понять, кто играет главенствующую роль в ООН, американские исследователи Пол Новосад и Эрик Веркер изучили телефонные справочники ООН с 1947 по 2007 год — в секретариате этой организации работают 43 тысячи человек<sup>1</sup>. Оказалось, что на протяжении шестидесяти лет в ООН работало больше всего представителей стран Скандинавии. Почему? В кадровых документах ООН говорилось, что организации требуются люди компетентные, образованные и целостные с моральной точки зрения, то есть неподкупные и честные. Такие страны, как Швеция или Финляндия, ассоциируются с нейтралитетом, способностью отстраниться от противостояния двух систем. Это представление плюс нежелание отдавать слишком много должностей людям из стран — постоянных членов Совбеза ООН: США, СССР-России, Великобритании, Франции и Китая — породили ситуацию, при которой представители маленьких богатых демократий играли и продолжают играть заметную роль в ООН. Так что правы отчасти китайцы или российское руководство, когда они жалуются на засилье Запада в международных организациях.

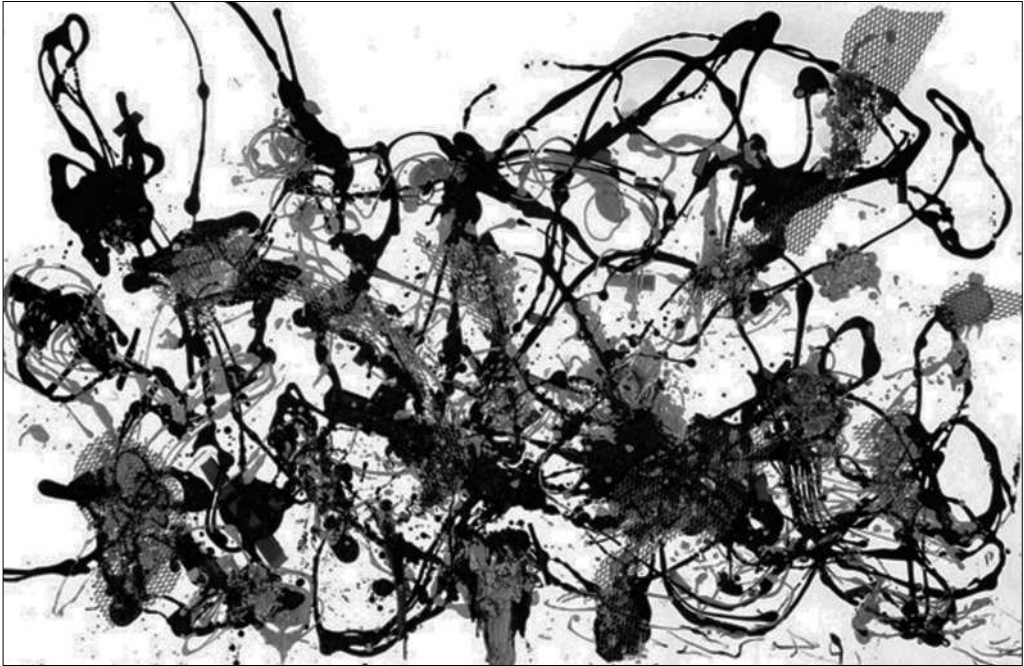
**«Не так часто в истории международных организаций бывает, когда ты понимаешь их пользу».** Международные организации периодически, как говорят мои дети, фейлят. И это началось уже где-то на рубеже XIX–XX веков. Все эти Гаагские договоренности<sup>2</sup> никому не помешали пускать ядовитые газы во время Первой мировой войны. Лига Наций — тоже классический случай фейла: международная организация, основанная в 1919–1920 годах с целью разоружения, предотвращения военных действий и обеспечения коллективной безопасности, прекратила свое существование в 1946 году. Причем я не уверен, что она работала бы лучше, даже если бы в ней состояли Соединенные Штаты. В ООН еще в 1946 году было запланировано создание военного комитета, чтобы сформировать глобальные вооруженные силы, но в реальности он никогда не действовал.

Были ли у международных организаций успехи? В 2012 году Нобелевский комитет вручил премию Евросоюзу за поддержание мира в Европе на протяжении почти 70 лет. Я тогда немножко посмеялся: тогда уж, наверное, заодно и НАТО надо было вручать. Но интересно то, что с точки зрения людей, живущих в Европе, особенно французов и немцев, ЕС — это большой успех не из-за евро и общих фондов, а именно из-за сохранения мира, преодоления германо-французской вражды и создания условий, при которых трудно себе представить большую войну на континенте.

Война за освобождение Кувейта в 1991 году после вторжения в страну президента Ирака Саддама Хусейна считается одним из самых ярких моментов в истории ООН — не только потому, что освободили Кувейт и выкинули из суверенного государства маньяка, который еще и ядерное оружие получил бы в свое распоряжение. Но и потому, что это сделала широчайшая коалиция стран, в которую входили не только демократии. Среди прочих в операции, например, участвовал сирийский президент Хафез Асад — отец Башара. Не так часто в истории международных организаций бывает, когда ты понимаешь их пользу, которую можно объяснить даже самому большому стороннику суверенитета.

**«Отражение своего суверенитета страны все равно находят через создание новых международных организаций, но не через выход из старых».** Исторические условия, которые способствовали формированию тех или иных международных организаций, уходят в прошлое. Конечно, мировыми процессами рулят не масоны из ложи на Дюпонт-сёркл в Вашингтоне. В эпоху дешевого транспорта и быстрого перемещения информации по всему миру, возросла роль взаимодействия людей с одинаковым уровнем образования и одинаковым уровнем понимания мировых проблем. Когда переток капиталов, товаров и услуг стал глобальным, когда обмен идеями происходит за 18 миллисекунд нажатием одной кнопки, когда перестало быть явным противостояние плохого коммунизма и хорошего капитализма — это лишило смысла очень многих ранее ясных, понятных и казавшихся незыблемыми ориентиров.

С уходом от эпохи холодной войны приоритеты ООН стали меняться: уже двадцать лет идут дебаты о расширении числа постоянных членов Совбеза ООН — кто-то говорит, за счет Германии, кто-то говорит, за счет Индии. Вторая мировая война закончилась семьдесят лет назад и все сложнее объяснять обществу, почему только пять стран — важных, конечно — сегодня могут наложить вето в ООН. Меняется и НАТО. США сегодня воспринимают Китай как главную угрозу в военной сфере и сфере безопасности и переориентируются на регион Тихого океана; в этом смысле НАТО больше не организация Североатлантического договора. Меняется и ЕС. Одна из психологических причин, объясняющих, почему для многих в Великобритании брекзит не выглядит таким уж страшным делом, связана не только с перераспределением денег, брюссельской бюрократией, польскими водопроводчиками и словацкими водителями, но и с тем, что в национальной памяти британцев иначе выглядят две мировые войны. С июня 1940 года по июнь 1941-го Британская империя была единственной страной, противостоявшей Гитлеру. Это заставляет британцев думать: окей, мы прожили без этих ребят, выстояли перед Гитлером и потом проживем.



Джексон Поллок. Номер 29. 1950

Но важно понимать, что международные организации и договоры остаются значимыми для многих стран даже в эпоху повсеместной любви к суверенизации. Дональд Трамп, выйдя из пары торговых соглашений, довольно быстро договорился о новых — грубо говоря, просто переупаковав прежние. Все инициативы Китая по созданию Шанхайской организации сотрудничества, Азиатского банка, БРИКС, все инициативы России по созданию ОДКБ, Таможенного и Евразийского союзов — это попытка создать набор организаций, в которых Пекин и Москва будут задавать свою роль. Получается очень смешная ситуация: Москва и Пекин выступают защитниками суверенитета, но суверенитет понимают так, что любое правительство может делать в рамках своей территории все, что захочет, — а иногда еще и за пределами своей территории. И все же свой суверенитет страны отстаивают за счет создания новых международных организаций, а не через выход из старых. В условиях, когда информация, технология и капиталы становятся все более доступными и все менее зависят от крупных стран, любые маленькие и «слабые» страны могут создать серьезные точки роста и могут серьезно повредить вам. Так что от международных организаций никто отказываться не собирается.

**«Никто не хочет строить шато под Шанхаем».** За последние тридцать лет Россия прошла очень интересный путь. В 1990-е под руководством Бориса Ельцина страна стремилась максимально интегриро-

ваться с разного рода международными организациями на разных уровнях. На это указывает и вступление в Совет Европы, и переговоры с ВТО, и большой договор с Евросоюзом, и создание СНГ как механизма развода между бывшими советскими республиками. Конечно, российское правительство девяностых не было правительством абсолютной демократии шведско-британского образца, но стремление укрепить Россию в международном контексте, несомненно, присутствовало и было очень серьезным. Демократы девяностых видели в интернационализации российской жизни форму развития страны: не идеологической промывки мозгов, а открытия страны для новых идей, новых ценностей.

Если же мы посмотрим на нынешнюю российскую дипломатию и внешнюю политику Кремля, что же мы увидим? Да, есть антизападная риторика, есть внуки Молотова — Риббентропа, кричащие по телевизору о суверенитете. Но администрация Владимира Путина не вывела Россию ни из одной международной организации и не восстановила смертную казнь даже после присоединения Крыма. Я думаю, это было бы очень популярным шагом, у Путина потом был бы рейтинг 98%. Но нет — наоборот, была сильная борьба за возвращение в ПАСЕ, которая увенчалась успехом, — к сожалению, для одних и, к счастью, для других. Почему?

Мне кажется, что на самом деле у российского руководства есть представление о трех вещах. Во-первых, международные организации могут использоваться для продвижения влияния. Проще коллективно агитировать депутатов от ряда стран прямо в Совете Европы, чем иметь дело с ними индивидуально, по столицам — в вопросе снятия санкций, например. Во-вторых, Россия, будучи очень включенной в глобальную экономику как крупный поставщик сырья, все-таки ориентируется на то, чтобы быть принятой Западом. Несмотря на все истерики телеведущего Владимира Соловьева, обладателя итальянского вида на жительство, никто не хочет строить шато под Шанхаем. И в этом смысле присутствие в международных организациях является важным маркером для рукопожатности российского руководства: играть в хоккей мы придем с гандбольным мячом, но тем не менее хотим именно к вам. И в-третьих, какая-то часть российского руководства осознает, что идти суперсуверенным курсом для страны с ее абсолютно негативной демографией, с ее ВВП, с ее вооруженными силами, которые в два раза меньше одной только китайской армии, — это просто самоубийство.

Весь разговор про многополярность, который так любят в Москве и в какой-то степени Пекине, — это на самом деле не разговор про реальную многополярность, а про то, как хорошо бы подвинуть Америку и Запад. В настоящем многополярном мире очень страшно: там, где каждый за себя, Россия с ее ВВП и ее демографией явно не будет

самым сильным полюсом. Хочет ли Владимир Владимирович Путин, или кто там придет после него, остаться один на один с Китаем в этом мире? У меня есть серьезные сомнения на сей счет.

**«В условиях кризиса международных отношений моральное лидерство будет очень важным».** Когда-то я говорил с бывшим замминистра иностранных дел, бывшим послом в Великобритании Анатолием Адамишиным. Он сказал: вот смотрите, если Россия выступает за то, чтобы не было бомбардировок Югославии, а Косово не отторгалось от Сербии, если Россия хочет быть хранителем чистых, незамутненных норм международного права, то она сама должна им соответствовать. Это была бы блестящая роль для страны с такой демографией, такой армией и такой экономикой — поднимать свою моральную силу. И тогда не было бы проблем ни с Грузией, ни с Украиной и Крымом.

Я думаю, в условиях большого кризиса международных отношений и неизбежного пересмотра определенных аспектов деятельности международных организаций в ближайшие годы моральное лидерство будет очень важным. Потому что в конечном счете эти организации строятся не только на интересах, но и на представлении государств и обществ о себе. Будем надеяться, что это моральное лидерство будет продемонстрировано. И может быть, даже в какой-то момент и в каком-то месте — Россией.

*Записала Наталья Корченкова*

## ПРИМЕЧАНИЯ

1 См. их исследование: Novosad P., Werker E. Who Runs the International System? Nationality and Leadership in the United Nations Secretariat // Center for Global Development Working Paper № 376. 2017. October.

2 В 1899 и 1907 годах прошли две Гаагские конференции, на которых страны-участники приняли ряд совместных конвенций, в том числе о метании снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров; о неупотреблении снарядов, распространяющих удушающие или вредоносные газы; о правилах и обычаях сухопутной войны и т.д.



Наталья Корченкова,  
журналист

**Андрес Веласко:  
«Между любовью  
к человечеству и любовью  
к стране нет конфликта»\***

**К**осмополитизм — система ценностей, в рамках которой интересы человечества ставятся выше интересов отдельной нации, и сейчас это понятие стало едва ли не ругательным, пишет Андрес Веласко, декан школы публичной политики Лондонской школы экономики. Мир переживает возрождение популизма и национализма, а слово «космополит» вызывает в воображении лишь образ праздношатающегося по миру обеспеченного человека, безразличного к своей родной стране и согражданам. Но на самом деле космополиты — идеалисты, для которых любовь к родине начинается с фундаментальной приверженности принципам равенства и достоинства всех людей, уверен Веласко.

**«Определить себя тем,  
что делает нас равными»**

Философ Марта Нуссбаум в своей новой книге «Традиция космополитизма» вспоминает, как на вопрос о своем происхождении отвечал Диоген Синопский (он же Диоген киник). Это было одно слово — «космополит», что означает «гражданин мира». Диоген был греком, но отказывался определять себя по происхождению или выдающемуся положению. Называя себя гражданином, подчеркивает Нуссбаум, Диоген открыл возможность «нравственного подхода к политике, ориентированного на принципы гуманиз-

\* Velasco A. In Defense of Cosmopolitanism // Project Syndicate. 2020. January 31 [www.project-syndicate.org/commentary/truth-about-cosmopolitan-liberals-by-andres-velasco-2020-01](http://www.project-syndicate.org/commentary/truth-about-cosmopolitan-liberals-by-andres-velasco-2020-01).

ма и человечности, которые *разделяем мы*, а не на признаки происхождения, статуса, класса и пола, которые *разделяют нас*».

Таким образом, вопреки распространенным сейчас представлениям, понятие космополитизма фактически синонимично понятию равенства, приходит к выводу Андрес Веласко. «Речь идет о том, чтобы определить себя именно тем, что делает нас равными — нашей общей человечностью, а не тем, посещали мы элитарное учебное заведение, получали дивиденды с акций технологических компаний или ездили в Давос», — поясняет он.

Космополитизм также отвергает любую иерархию, не воспекает ее, как многие сейчас думают, отмечает Веласко. И приводит в качестве примера известную притчу — тоже о Диогене. Однажды Александр Македонский подошел к Диогену, который молча сидел под солнцем. «Проси меня о чем угодно», — обратился он к философу. «Отойди, ты заслоняешь мне солнце», — ответил Диоген.

### «Пришло время провести контратаку»

«От Варшавы до Вашингтона, от Бразилиа до Будапешта и от Манилы до Мумбая мир сейчас переживает возрождение национализма — зачастую авторитарного», — пишет Андрес Веласко. Этический фундамент этого процесса преподносится его приверженцами как защита простых людей от предполагаемого вторжения *других*, будь то иностранцы, иммигранты или безродные космополиты. Но практическим результатом является возвращение

культы ненависти (президент США Дональд Трамп охарактеризовал расистов как «очень хороших людей»), ограничение гражданских свобод (мусульмане в Индии сталкиваются с многочисленными препонами при получении гражданства), а также ослабление или полное разрушение демократических институтов (как в Венгрии и Венесуэле), пишет автор.

«Пришло время провести контратаку», — уверен Веласко. Контраргументы здесь, по его словам, не могут быть технократическими: статистические данные о растущем потенциале глобализации не выглядят убедительными. «Эти контраргументы должны быть нравственными, и именно здесь на первый план выходит космополитизм».

### Равенство vs свобода

Левые популисты любят говорить, что они борются за равенство. Но либералы, борющиеся за равное достоинство всех людей, могут делать это с меньшей убедительностью, полагает Веласко. Начиная с Цицерона и заканчивая Джоном Ролсом, Аматией Сеном и Мартой Нуссбаум, либеральная космополитическая традиция подчеркивает, что справедливость требует выполнения «обязанностей по материальной помощи». Недостаточно провозгласить, что бедный ребенок так же ценен и важен, как и богатый. Для того чтобы этот ребенок смог реализовать свой человеческий потенциал, требуется некий базовый стандарт равного доступа к питанию, здравоохранению и образованию.

«Равенство не является *врагом* свободы; это *партнер* свободы. Вот почему

космополитический либерализм является мощным противоядием от популистской риторики левого толка», — подчеркивает Веласко.

Правые популисты утверждают, что выступают за любовь к стране. Но и здесь либералы-космополиты легко одержат победу. Между любовью к человечеству и любовью к стране нет конфликта, ссылается автор на Марту Нуссбаум. По ее словам, любовь к демократическим традициям и институтам является ключом к тому, чтобы сохранять их стабильными и способными гарантировать равные права и равное достоинство для всех.

### Национализм vs патриотизм

Современная политика неизбежно стремится к политике идентичности. Но вопрос в том, как политики определяют национальную идентичность, к которой они апеллируют. Правые популисты апеллируют к идентичности, основанной на «крови и почве».

Либералы, напротив, любят свою страну не из-за неуместного чувства этнического или расового превосходства. Например, президент Франции Эммануэль Макрон называет себя гордым французским патриотом, потому что Франция подарила миру свободу, равенство и братство. Он видит родственную душу в канадском премьер-министре Джастине Трюдо, который любит говорить, что всеохватывающее разнообразие — это то, что представляют собой Канада и канадский дух. А молодой голландский лидер партии зеленых Джесси Клавер вмиг оказался популярным, когда в телеэфире сказал попули-

сту Герту Вилдерсу, что подорвать голландские традиции рискует правая ксенофобия, а вовсе не иммиграция. На протяжении веков голландцы выступали за свободу, терпимость и сочувствие, сказал Клавер. Это примеры того, что философ Юрген Хабермас назвал *конституционным* (или *гражданским*) патриотизмом.

Джордж Оруэлл объяснил разницу между национализмом и патриотизмом еще в 1945 году: «Под национализмом я имею в виду привычку отождествлять себя с одной нацией, выводить ее за пределы добра и зла и не признавать никакой другой обязанности, кроме обязанности по продвижению ее интересов... Под патриотизмом я подразумеваю преданность определенному месту или образу жизни, который считается лучшим в мире, но не навязывается другим людям».

«Национализм токсичен; патриотизм нет. И лучший вид патриотизма — тот, который основан на вечных ценностях, таких как свобода, достоинство и взаимное уважение», — рассуждает Веласко.

\* \* \*

Либералы-космополиты — идеалисты, для которых любовь к стране начинается с фундаментальной приверженности принципам равенства и достоинства всех людей, заключает Андрес Веласко. Оказавшись сейчас в тени своих националистических противников, уверен он, они должны без колебаний дать им ответ и сказать вслед за Диогеном: «Отойдите, вы заслоняете нам солнце».



## Фрэнсис Фукуяма: «Ничего нового в политике идентичности»

---

*Беседа с Фрэнсисом Фукуямой —  
профессором, писателем, публичным интеллектуалом.  
Интервьюер: Мацией Макулски*

**Мацией Макулски (ММ):** Наш разговор я хотел бы посвятить вашей новой книге «Идентичность. Стремление к признанию и политика неприязни» (*Identity. Demand for Dignity and the Politics of Resentment*, 2018), чтобы ввести читателей в курс дела. Почему, на ваш взгляд, тема идентичности занимает сейчас центральное место? В книге вы рассказываете, как концепция идентичности развивалась на протяжении веков. И значит, эта тема присутствовала в публичных дебатах длительное время. Почему она остается столь же актуальной для политики XXI века?

**Фрэнсис Фукуяма (ФФ):** Думаю, что современная политика — это продолжение политики двадцатого столетия. В XX веке существовали серьезные политические разногласия по поводу экономической идеологии. Были левые, социал-демократы — и среди них порой марксисты, которые хотели большего экономического равенства, перераспределения и большей социальной защиты, — и правые, ориентированные на свободный рынок и индивидуальные свободы.

В последние годы все сдвинулось в сторону идентичности, в смысле принадлежности к группе в терминах этничности и расы, иногда религии. Этот сдвиг происходил в течение долгого времени, но наиболее заметным стал в 2016 году, когда избрали Дональда Трампа и проголосовали за брекзит в Соединенном Королевстве: два примера победы правых популистских движений, взывающих к идентичности. Трамп проводил консервативную экономическую политику, но по-настоящему привлек внимание нападками на иностранцев, мигрантов и намерением закрыть границы Соединенных Штатов от потока людей, декларировал нелиберальную торговую политику: сообщил, что ему нравятся торговые войны и их легко выиграть. Этот консерватизм

---

\* *Identity politics is nothing new // New Eastern Europe. 2019. November-December. № 6 (XXXIX). P. 7–13. Интервью было записано на Форуме Бориса Немцова 9–10 октября 2019 г. Варшава. Перевод с английского Юлии Тарковской.*

сильно отличается от того консерватизма, который существовал при Рональде Рейгане. Рейган выступал и за мигрантов, и за свободную торговлю, то есть фактически проводил интернациональную внешнюю политику.

Рост популистского национализма наблюдается во многих других странах: в Польше, Венгрии, даже в Турции — мы хорошо это видим. Вот причина, по которой я написал свою книгу, это реакция на рост популизма и попытка понять, почему так происходит.

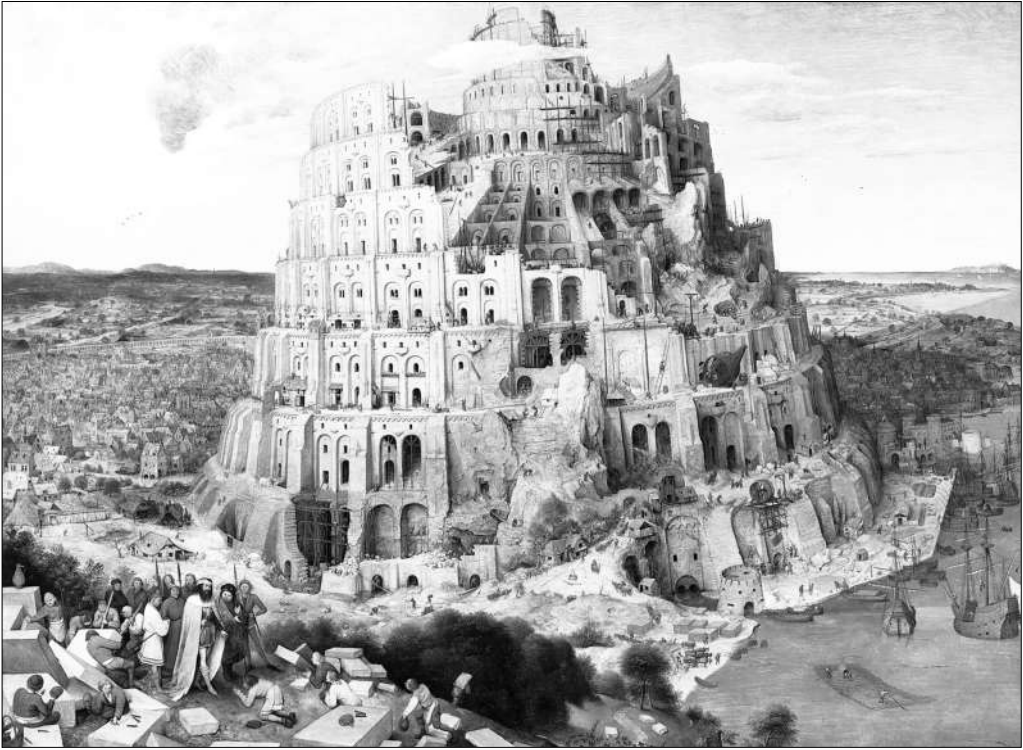
**ММ:** Я хочу добраться до сути проблемы идентичности. Когда я читал книгу, у меня сложилось впечатление, что вопрос идентичности пересекается с другими. В одной из глав вы говорите, что идентичность и политика идентичности сами по себе не так уж плохи, проблема начинается, когда идентичность заменяет публичные дискуссии на более важные социальные темы: экономическое неравенство и миграция. Иными словами, следует ли нам избегать инструментализации идентичности?

**ФФ:** Вопрос в том, какую идентичность защищать. На мой взгляд, одна из тенденций политики идентичности — сосредоточение внимания на узких идентичностях, а не широких и интегративных. В прогрессивной политике США, к примеру, левые перешли от заботы о рабочем классе к беспокойству о конкретных несправедливостях, связанных с афроамериканскими женщинами, ЛГБТ-сообществом, людьми с ограниченными возможностями или коренными народами. Речь о реальных проблемах социальной справедливости, но иногда в левой среде возникают внутренние конфликты, потому что им сложно договориться об общей повестке, и это сместило внимание к вопросам неравенства как такового.

В США наблюдается рост белого национализма и процветает идея, что среди настоящих американцев нет меньшинств, которые вообще-то и составляют население страны.

В других странах национальная идентичность принимает религиозную форму, как в Шри-Ланке или Мьянме, где можно видеть проявления нетерпимости со стороны последователей буддизма. В Индии рост популярности партии премьер-министра Нарендра Моди «Бхаратия джаната парти» демонстрирует уклон от либеральной повестки в сторону индуизма. С точки зрения либеральной демократии подобные случаи усугубляют ситуацию.

**ММ:** Как вы думаете, отличается наша современная политическая и социальная реальность от других периодов в истории? Многие эксперты полагают, что нынешняя политическая атмосфера похожа на межвоенный период во многом из-за растущего уровня национализ-



*Питер Брейгель Старший. Вавилонская башня. 1563*

ма в Европе. Вы находите такие сравнения уместными? Учит ли история?

**ФФ:** На самом деле мы, конечно, никогда не повторяем исторических паттернов, но правда и то, что политика идентичности не нова. Я думаю, что впервые она проявила себя в европейском национализме XIX века. Династическая политика средневековой Европы уступила место государствам, организованным по культурным признакам, языку и культурному происхождению; очевидно, что это был очень травматический период, который привел к двум мировым войнам и цивилизационному расколу Европы. Межвоенный период был последним этапом этой затяжной борьбы.

Я бы сказал, что сейчас все иначе. В некоторых кругах национализм возвращается, но ему противостоят гораздо более сильные институты. В Европейском союзе, в границах каждой отдельной демократии есть конституционные структуры, которые предпринимают попытку контролировать власти, но осуществить захват власти, как это сделали Муссолини или Гитлер в 1920–1930-е годы, намного сложнее. С этой точки зрения все изменилось, а опыт ранней формы национализма создал своего рода прививку против его возвращения в самой страшной форме.

**ММ:** В своей книге вы пишете, как важны теория и теоретическое мышление, а люди склонны об этом забывать. Я согласен с таким утверждением и хочу задать теоретический вопрос. Существует ли какая-то связь между национализмом и модернизацией? Вы размышляете об этих концепциях в своей книге. Всегда ли они идут рука об руку, или одна становится условием для другой, или ее следствием?

**ФФ:** Одна из традиционных исторических интерпретаций, почему национализм возник после Французской революции, связана с экономической модернизацией. Переход от аграрного общества к индустриальному разрушителен. Фердинанд Теннис называл это переходом от *Gemeinschaft* к *Gesellschaft* — из деревни в город. Люди теряют социальные связи, как только покидают свою маленькую деревню и переезжают в большой город, где чувствуют себя чужими и социально незащищенными.

Считалось, что национализм помогал это преодолевать, что и было одним из аргументов в его пользу. Он раскрывал людям, кто они: не просто Ганс, живущий в маленькой деревне, а немец, живущий в огромной стране Германия, связанный с другими людьми общими языком и культурой. Великий социальный антрополог Эрнест Геллнер объяснял, что мы наблюдаем сейчас рост исламизма в мусульманском мире именно потому, что там происходит аналогичный процесс урбанизации и социального разрыва. Люди уезжают из Марокко или Пакистана в Западную Европу, теряют связь со своей деревенской жизнью и ищут ответ на вопрос, кто они. Особенно актуален этот вопрос для второго поколения детей, связь которых с культурой родителей, дедушек и бабушек ослабла, но они по-прежнему не интегрированы в европейское общество, что способствует большей восприимчивости к словам мусульманского проповедника и к тому, чтобы позволить завербовать себя в определенный исламистский политический круг. Ибо он обеспечит им идентичность.

**ММ:** Я хочу несколько перевести наш разговор в сторону России и узнать, что вы думаете о России через призму политики идентичности? Часто требуют, чтобы Россия вестернизировалась. Неужели это единственный путь наладить отношения между Западом и Россией? А если Россия не разделяет ценностей и жизненных правил Запада? Вы видите другой способ выстраивания хороших отношений с Россией?

**ФФ:** Да, но для этого нужно изменить то, как нынешнее российское правительство воспринимает национальную идентичность. Я думаю, что Владимир Путин оказался у власти потому, что появился в тот момент, когда Россия была особенно слабой и испытывала огромное уни-

жение, потеряв статус великой державы при распаде СССР, и даже внутри Российской Федерации влияние власти было ослаблено. Он компенсировал эту утрату, сказав российскому народу, что тот должен гордиться собой — абсолютно правильное заявление лидера. Но, к сожалению, та версия русской национальной идентичности, которую он выбрал, включала в себя имперское представление о том, что Россия должна доминировать в странах — непосредственных соседях. Что привело к проблемам с Грузией, Украиной, к аннексии Крыма, а также к другим случаям вмешательства в политику всех соседних стран. Недавно я участвовал в панельной дискуссии, где Алексей Навальный говорил о том, как важна русская национальная идентичность. Россия, несомненно, может быть другой и может демонстрировать свое достоинство не в доминировании над соседними территориями, а быть одной из нормальных европейских стран, которая не стремится захватить территорию или заявить о себе на Ближнем Востоке. Нет никаких причин, почему этого не могло бы произойти. Я не считаю, что в русских генах живет желание быть империалистами, но сейчас Путин избрал такой курс.

**ММ:** Но для этого потребуется много времени. Путин построил миф на основе победы СССР во Второй мировой войне и того факта, что Россия — великая страна с богатой культурой, а также утверждая, что Россия всегда была мировой державой. Чтобы поменять этот нарратив, потребуется убедить россиян, что их идентичность может базироваться на других опорах.

**ФФ:** Верно, все может произойти, если вспомнить, что сделал в 1980-е годы Михаил Горбачев, это был достаточно быстрый сдвиг. А сейчас есть молодое поколение россиян, которые недовольны нынешним положением дел. Они не хотят жить в изоляции. Они не приветствуют санкции, они обеспокоены экономической стагнацией и тем, что живут в стране, где коррупционерами расхищается большая часть богатства. Мне кажется, перемены возможны...

**ММ:** Марк Лилла, профессор Колумбийского университета, говоря о либерализме и идентичности, написал в своей книге «The Once and Future Liberal: After Identity Politics», что среди различных процессов, которые влияют на либерализм, самый вредный — образование, основанное на идентичности, потому что такой подход усиливает разделение внутри общества. Вы с этим согласны?

**ФФ:** В значительной степени согласен и думаю, что необходимо понять, в какой момент в политике идентичности что-то пошло не так. Она произрастает из социальных движений, которые ищут справедли-

ности для определенных групп, и ничего плохого в этом нет. Проблема начинается в тот момент, когда идентичность рассматривается как существенная и более важная характеристика, чем любая другая. Скажем, тот факт, что человек — «белый», становится важнее его идей и таланта. Именно в этой точке политика становится источником нетерпимости, а плюрализму и либерализму не находится места. Вы можете наблюдать, как ярко это проявляется в университетах, в искусстве и некоторых областях культуры.

**ММ:** Если мы понимаем, что в системе образования есть проблемы, связанные с вопросами идентичности, думаю, мы также можем рассматривать образование как инструмент для решения этих вопросов. Как это сделать?

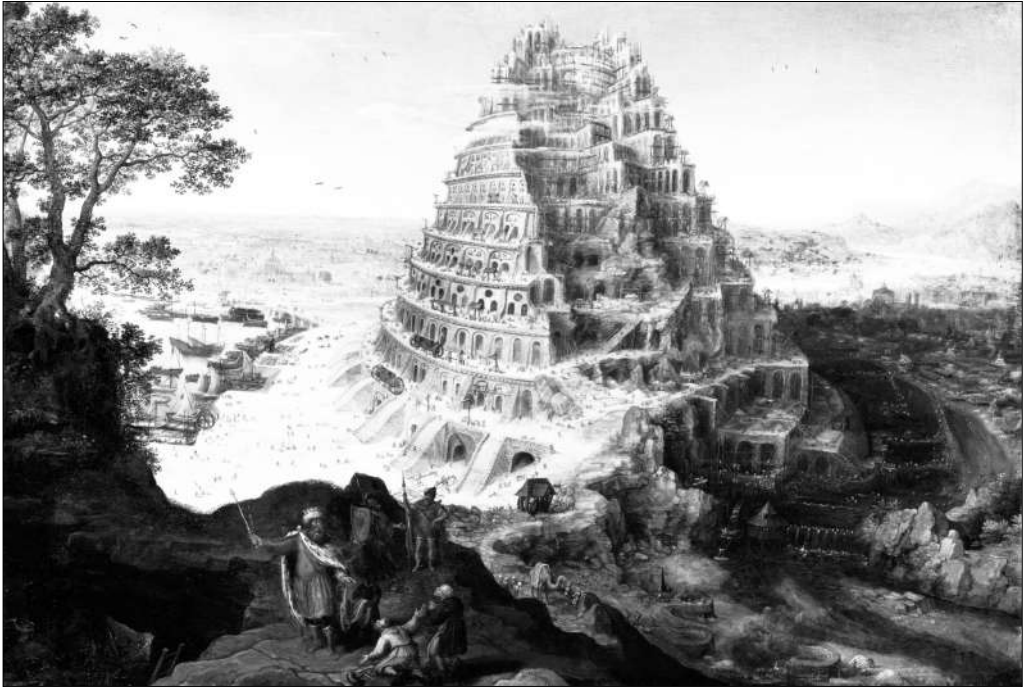
**ФФ:** Это очень сложный разговор. Ведь речь не только об институциональных изменениях в сфере образования, но в большей степени о содержании. В США, в гуманитарных науках, мы наблюдали рост постмодернизма как доминирующей модели, и на многих кафедрах по литературе или антропологии считают, что основа основ — культурный релятивизм, то есть вы не можете рассуждать об одной культуре как о культуре, которая превосходит другие (особенно это касается западной культуры). Иными словами, нет оснований ставить западную культуру выше культуры какого-то малоизвестного племени в южной части Тихого океана. Культурные обобщения недопустимы. И вот тут реальная проблема, потому что во многих школах перестали вести основные курсы о западной цивилизации, так как считается, что это область мертвых белых людей. Политика идентичности становится эссенциалистской, потому что если единственное, что вы знаете о Платоне, что он был белым мужчиной, а не великим философом, — это ошибочный путь.

В этом заключается главная проблема современного образования. В некоторых областях, например на антропологических факультетах, это особенно сильно развито. В культурной антропологии на самом деле существовала целая идеология отказа от вынесения суждений, особенно в том, что касается вопросов расы, пола, этнической принадлежности, сексуальной ориентации. Таким образом, сформировалось убеждение, что больше это не подлежит рациональному обсуждению.

**ММ:** То есть подменяет собой реальную дискуссию о содержании.

**ФФ:** Да, можно так сказать.

**ММ:** В конце книги вы пишете, что мы не можем уйти от политики идентичности, но при этом намекаете и даже рекомендуете Европейско-



*Лукас ван Валькенборх. Вавилонская башня. 1595*

му союзу и США, что можно сделать для того, чтобы политика идентичности стала более приемлемой. Какая самая важная задача стоит перед нами? Какая рекомендация наиболее важна?

**ФФ:** Нам нужно создавать интегративные идентичности на уровне национального государства. После Второй мировой войны в Европе была надежда, что может наступить постнациональная эпоха, когда выражение «быть европейцем» заменит выражение «быть немцем», итальянцем, голландцем и т.д. Но такого не случилось и не случится, в каком-то смысле потому, что реальным локусом власти по-прежнему остается национальное государство. Национальное государство формирует полицию, армию и механизмы принуждения. Некоторые полномочия по экономическим вопросам делегированы сегодня Европейскому союзу, но большинство людей не считают себя в первую очередь европейцами и только во вторую — поляками или немцами. Пока дела обстоят так, мы должны уделять внимание национальной идентичности. Она должна быть либеральной, открытой для людей. Но тут есть две угрозы: левые, которых совершенно не заботит национальная идентичность, и правые, которые стремятся определять национальную идентичность этнической принадлежностью. Оба подхода неадекватны.



*Михаил Соколов,  
кандидат исторических наук,  
журналист, радиоведущий,  
политический обозреватель*

## Невыученные уроки\*

**Н**ам стоит поговорить о последнем, тридцатилетнем периоде перемен. Иногда слышишь «прекрасно помню это время», а на самом деле мало кто что помнит. Особенно это касается коллег-журналистов.

Скажу сразу, мне повезло, поскольку, когда я готовился к выступлению, мне казалось, что можно будет закончить свой рассказ словом «застой». Но история у нас интересная, она шутит. И 15 января мы из застоя вошли в разворот. Я имею в виду желание нашего лидера как-то продлить свое правление.

Итак, о последних тридцати годах — от Ельцина к Путину. Когда видишь много молодых людей, то невольно вспоминаешь время, когда тебе было лет 25. Время перестройки. Иллюзий тогда относительно Сталина или перспектив строительства коммунизма не было, спасибо разным «голосам» и самиздату. Но были иллюзии относительно мягкой трансформации системы, социализма с человеческим лицом, какого-то НЭПа, свободной торговли, роспуска колхозов и пр. Все это не состоялось, и к 1991 году многим стало понятно, что будет все быстро и больно, никакой конвергенции. И отношения с Прибалтикой и с Украиной, куда я ездил в то время как журналист газеты «Собеседник», будут совершенно другими.

Во всяком случае, часть народонаселения — городская интеллигенция — примерно так мыслила. А большинству, и это показывали первые свободные социологические исследования, очень хотелось не свободы, а экономических благ. Очень большой слой советских

\* Выступление на семинаре Ассоциации школ политических исследований при Совете Европы в Оксфордском университете 30 января 2020 г.



людей, граждан СССР и России, в 1991 году вполне могли смириться с ГКЧП и отчасти воспроизвели себя в следующем поколении вместе со стереотипами, благодаря сохраненной недеформированной системе образования.

Если говорить о 1991 году, то август был действительно чудом. Но мгновенное политическое освобождение было революцией без революционеров, без ясной программы реформ, без политического актива по всей стране. И это одна из причин, почему Россия была обречена на то, что я называю реставрацией в новых декорациях. Не только советских элементов, но и некоторых практик, которые ушли и пришли потом через непрожитое политическое время из Российской империи до 1917 года. Эта смесь до сих пор у нас очень хорошо видна. Я помню, обидно было слышать и позже убедиться в том, что предупреждения такого замечательного историка, как Александр Янов, о грядущей веймарской России сбываются на наших глазах. Второй план Маршалла — на этот раз для постсоветской России — не состоялся.

И конечно, после этих событий страна пережила шок. У власти оказалась номенклатура второго уровня, время для проведения экономических реформ в правление Горбачева было упущено. Поэтому не случайно появился миф о проклятых 90-х годах, который наравне с неотрефлексированной памятью стал опорой для новой власти нулевых годов. Хотя она была порождена тем же самым временем и теми же людьми, которые, как они сами выражаются, «урганили» тогда.

Но как-то уходит со сцены то, что тогда происходило: появление частного бизнеса, криминализованного, но более

эффективного, чем деятельность красных директоров. А ряд каких-то отраслей, мы можем это вспомнить, появились с нуля — банки, мобильная связь, торговые сети, туристический бизнес. И изменение качества жизни было для многих фантастическим. Скажем, взрывная автомобилизация, которая произошла буквально в течение нескольких лет.

Была ли в тот момент неизбежна автократия? Не вполне. В конце концов, у нас есть результаты двух референдумов 1993 года, которые показали, что была поддержка и самого Ельцина, персонально, и курса правительства, которое все же смогло (там большая заслуга забытого, к сожалению, реформатора Бориса Федорова) снизить инфляцию, ввести разные бюджетные правила и так далее.

Самый важный момент, наверное, для сегодняшнего дня из того периода — это то, что власти новой России не решились взяться за реформу ключевых политических институтов. Я думаю, что это связано в какой-то степени с тем, что наши либералы вышли из марксистов. И им, может быть, как Егору Тимуровичу Гайдару, казалось, что новая экономика первична, появится средний класс, и он создаст новые политические институты. Плюс вера в просвещенный авторитаризм. Я очень хорошо помню моих друзей, которые работали в администрации президента Ельцина советниками и помощниками, и их слова: через президента Ельцина мы даруем некие преобразования и все будет неплохо. Кстати говоря, некоторые такие преобразования происходили, но оставались скорее декорациями, из-за того что в них не вовлекались массы народа. Например, если бы по-

явились настоящие выборы судей или шерифов, то, думаю, немного другая была бы ситуация на местах.

Второй урок — совершенно неудачная реформа силовых органов. Механически разделили КГБ на разные службы — контрразведку, погранслужбу, внешнюю разведку, правительственную связь, охрану. Но это не меняло их идеологию. Была одна попытка, забытая тоже, когда Ельцин хотел слить Министерство безопасности, наследника МВД, и КГБ. Мне теперь кажется, хотя тогда я так не думал, что это был бы хороший ход. Он растворил бы старые чекистские кадры внутри милиции и сделал бы корпорацию КГБ менее влиятельной. Но Конституционный суд явно по политическим мотивам это решение отменил. И теперь мы остались с тем, что имеем. Хотя, конечно, в Восточной Европе было сделано нечто иное. Там все же старые органы правления были ликвидированы и созданы заново. И, что важно, были закрыты учебные заведения, которые в России производят всю ту же систему ценностей от ВЧК до КГБ.

И еще один момент, связанный с исторической памятью, это закон о реабилитации, который был принят. Он восстанавливает права жертв террора, а не тех, кто боролся с коммунистическим режимом. Были отдельные указы по участникам восстания в Кронштадте и Тамбове, но на этом власть остановилась.

И архивная революция тоже была, конечно, недостаточной, поскольку полностью архивы спецслужб не были рассекречены. Все базировалось на допуске в архивы КПСС. Но интересно, что часть документов, которые публиковали тогда Волкогонов, Пихоя

и другие, видимо, специально не были рассекречены. Конечно, то, что сделано на Украине сейчас, — это альтернатива. А тогда, пожалуйста, все архивы советского времени открыты, работайте. Судебная реформа. Это очень вялая была попытка. Создан был суд присяжных, арбитражные суды. Но ключевой момент, который мешал, на мой взгляд, независимости судей, — это их назначение, а не выборность. Хотя можно было хотя бы на региональном уровне это сохранить. И, конечно, от туда идет отсчет появления достаточно закрытой судейской корпорации, которую потом власти было достаточно легко подчинить. А статистику современных оправдательных приговоров, наверное, все знают. Можно по-разному считать, но она составляет меньше процента, десятые доли.

По региональной власти, я бы сказал, был определенный прогресс. И выборы мэров, и глав регионов. Но, конечно, все было очень пестро. Я делал тогда программу, которая называлась «Время политики», много ездил по регионам. Забавно было видеть, как сильно, просто фантастически отличается местная региональная власть. Полная свобода где-нибудь в Нижегородской области благодаря Борису Немцову. А рядом, в Ульяновской области, Юрий Горячев дотирует хлеб и мешает любым рыночным преобразованиям, и там бедненько, чистенько и все бестолково. А где-нибудь в Белгороде — господин Савченко, он, кажется, до сих пор во власти. Там все очень клерикально. Важно, что было противостояние между мэрами и губернаторами. Я имею в виду мэров крупных городов, областных столиц. Это ограничивало произвол. Тогда все-таки была уравновешенная система.



Умберто Боччони. Улица входит в дом. 1911

Что касается прессы. Конечно, на нее в этот период смотреть хочется несколько идеалистически, поскольку журналисты были в числе выигравших. И отмена цензуры, и частные радиостанции, и телевидение, бизнес. Гонения на прессу, в общем, не поощрялись, хотя на низовом уровне было много того, что и сейчас делается. Тогда говорили: «Попробуйте не Ельцина ругать, а разобраться с мэром вашего райцентра». И вот какие у вас проблемы после этого

будут? Печально, что свобода слова была законодательно и конституционно все-таки слабо защищена. Если была бы первая поправка, как в американской конституции, о запрете любого ограничения свободы слова, то, конечно, это избавило бы нас от современной цензуры и Роскомнадзора. А негатив, который и тогда был, и тянется в современность, это, конечно, то, что основной слой традиционной прессы так и кормится от власти — фе-

деральной, региональной, муниципальной. Именно этот слой представляет собой опору государственной пропаганды, какой бы она ни была. Поэтому я, конечно, хотел бы увидеть прямой запрет на создание средств массовой информации государственными органами, и желательно даже на бюджетное финансирование частных медиа. Надо учиться жить не только за счет государства.

Это мои короткие воспоминания. Я не идеализирую этот период. Просто процесс шел, была система другая, чем сегодня, но я не уверен, что сворачивание свобод было неизбежным, несмотря на плохую историческую наследственность России, ее имперство, как теперь говорят, склонность к централизации, бюрократии, коррупции и так далее.

Еще хотел бы напомнить поворотные моменты, которые способствовали деградации неустоявшейся системы. Она подрывалась несколькими политическими кризисами.

Первый — 1993 год, когда конфликт властей не удалось разрешить без насилия. Хотя он достаточно быстро был урегулирован через принятие конституции, переходную Думу, Совет Федерации и амнистию противников Ельцина. Но, как мы видим, легитимность такой конституции оказалась сегодня слабовата.

Второй кризис — чеченская война, которой можно было избежать через переговоры. Но выбор был сделан иной. Была группа людей в Кремле, которая хотела поднять рейтинг Бориса Ельцина. И в результате все получилось совсем не так, учитывая огромное количество погибших, а выборы в Думу выиграла Компартия. К тому же эта война

остановила попытки реформирования силовых структур на годы.

Третий поворотный пункт — это президентские выборы 1996 года. Этих выборов могло не быть. Коржаков предлагал государственный переворот. Но в этом споре проиграл, а выиграл Чубайс с концепцией «перевыборы с помощью пропаганды». И, конечно, этой победе помог страх реванша коммунистов, наличие новой бизнес-элиты, хорошая доза телевнушения и подзабытая коалиция с генералом Лебедем.

А что было бы, если бы победил Зюганов? Некоторые говорят, что Зюганов и победил, просто все сфальсифицировали. Но так получилось, что мы все-таки пытались какой-то стандарт соблюдать. У нас одни люди работали со штабом Ельцина, другие пытались работать с Лебедем, с Явлинским. А мне достался Зюганов. И я с ним довольно много ездил по Центральной России. Было забавно смотреть на него. Я бы сказал, что его победа, конечно, не привела бы к масштабной реставрации в силу особенностей характера Геннадия Андреевича. Ну и потом, если посмотреть на то, что происходило дальше с мировой экономикой, конечно, если бы кризис 1998 года повторился, то ответили бы за него как раз коммунисты. Не говоря уже о том, что если бы в первом туре участвовал кандидат типа Бориса Немцова, то поворот в обратную сторону был бы неизбежен.

О 1998 году, я думаю, все знают. Единственное, что отмечу, поскольку у журналистов тогда, включая меня, были возможности разговаривать с людьми из кабинета министров напрямую, жесткий сценарий дефолта не был неизбежным. Но внутренние коллизии борьбы в правительстве к нему вели.

Я хорошо помню, как шел с пресс-конференции Кириенко и неожиданно мне позвонил Борис Немцов, спросил: «Что он там наговорил?» Я ему рассказываю, а он начал кричать: «Но мы же так не договаривались! Я же вечером ушел, а они мне ничего не сказали!» Имелись в виду Кириенко, Чубайс, Дубинин. Так что он был тогда, мягко говоря, обманут.

И еще один эффект 1998 года состоит в том, что после неудачи с молодыми реформаторами, после провала Виктора Черномырдина Ельцину пришлось опираться на силовиков. С Лебедем не сложилось, но мы видим целую цепочку силовиков, претендентов на должность русского Пиночета. Примакова, скорее всего, помнят. А дальше там был еще такой, например, генерал, как Бордюжа, или глава администрации президента Сергей Степашин, который побывал премьером. И с подачи Валентина Юмашева появился в конце концов Владимир Путин. Головокружительная карьера до позиции премьера буквально за два года.

И еще я отметил бы идеологическую роль одного персонажа, который сейчас пишет книги, — это Петр Авен, бывший министр, а потом банкир. Вот и он тогда обещал русского Пиночета, прикрывающего либеральные реформы. Но что получили, то получили. Зато теперь можем читать книги «Время Березовского» и «Революция Гайдара». Очень рекомендую как источник по этой эпохе, поскольку в них один бывший министр берет интервью у других бывших министров и политиков о том, как они довели страну до жизни такой.

И дальше мы видим разные любопытные сюжеты, например соблазнение

большинства в Государственной думе в 1999 году Путиным. Я до сих пор не очень понимаю, как удалось половине фракции «Яблока» уговорить голосовать за малоизвестную фигуру. А дальше подъем рейтинга телевидением на фоне войны в Чечне, взрывы жилых домов, «мочить в сортире». И парадокс в том, что против такой политики выступает сегодня та же самая партия «Яблоко», которая вела Путина на пост премьера.

И что интересно, в следующем сюжете мы снова видим ситуацию политического маневрирования, о котором тоже, кажется, подзабыли. Ведь сначала Путин был оппонентом не только коммунистов, но и старых региональных политиков того же блока Лужкова — Примакова, блока «Единство», который, в общем, был в негласном союзе с «Союзом правых сил» — Чубайсом, Немцовым и другими. И когда все они прошли в Думу, произошел совершенно замечательный поворот. «Единство» договаривается с коммунистами Зюганова и делится портфелями в Госдуме. А потом делается еще один поворот — и оно сливается с «Отечеством» Примакова и появляется «Единая Россия». В общем, я бы сказал, что эта перманентная беспринципность совпадает с позицией Бориса Березовского, который тогда хорошо просчитывал подобные комбинации.

И наконец, нулевые годы. С чего начинается российская новая власть? Она вроде бы борется с феодалами, а фактически упраздняет федеративные элементы. Появляются федеральные округа с генерал-губернаторами и полпредами. Кстати, это совершенно неконституционные фигуры, но, поскольку это идет от президента, система рабо-

тает. Есть образ молодого некоррупцированного политика, который обещает реформы, рост. Есть достаточно эффективное правительство Михаила Касьянова. Появляется частная собственность на землю, стабилизация бюджета, выплата внешнего долга за счет нефтедолларов, 13-процентная плоская шкала налогов с подачи «Союза правых сил». В общем, кое-что сделано.

А дальше полил нефтяной дождь, подъем зарплат, рост доходов. И параллельно очень грамотно просчитанный процесс национализации крупных частных компаний, которые были созданы во время Ельцина. Через выкуп, но с значительным теневым давлением. Разные «ТНК», «Сибнефть», «Ависма» и так далее недешево для бюджета становятся государственными. Во главе этих компаний старые друзья Владимира Путина по КГБ, питерской мэрии. И начинают работать замечательные схемы. Допустим, ставится на «Газпром» господин Миллер и поручает строительство газопроводов или страховой бизнес другим друзьям Путина. В стране из ничего возникают миллионеры, фамилии которых мы теперь все время слышим, — Тимченко, Шамаловы, Ротенберги и так далее.

Так возникает в России коррупционный государственный капитализм.

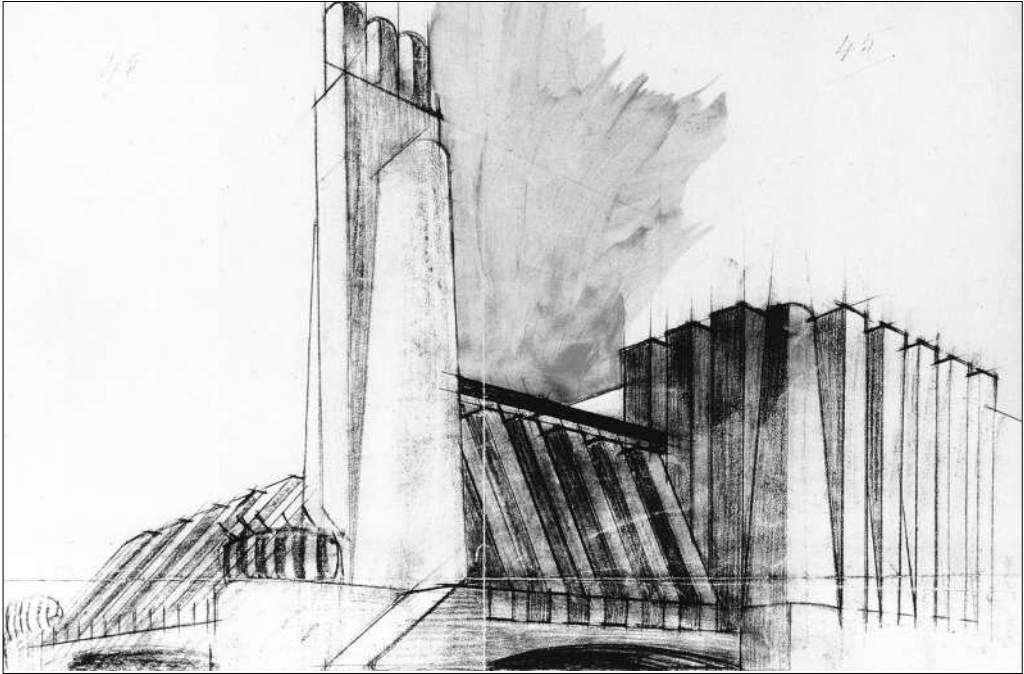
Еще один поворотный пункт — 2003 год, случай Ходорковского. Поскольку он не понял, что его избавят от политики и бизнеса за хорошие деньги, то соответственно компанию разгромили, хозяина посадили, партнеров в эмиграцию, «Юкос» вошел в «Роснефть», а во главе ее помощник Путина — Сечин. «Роснефть» разрастается, набирает долгов и для какой-то будущей власти это будет большой проблемой: что де-

лать с наследием этой распухшей корпорации, которая живет если не в убыток, то по нулям?

Эффект от уничтожения альтернативной бизнес-группировки — это окончательный разгром либеральных партий «Яблоко», СПС, ограничение доступа к медиa. И параллельно идет уже полный захват телевидения — история с захватом «НТВ», ликвидация «ТВ-6». На рынке главный игрок уже государство и деловые партнеры Владимира Путина, которым достаются разные телекомпании второго ряда.

Был в нулевые годы еще один интересный сюжет. О нем вспомнили сейчас, когда была пенсионная реформа в кавычках, подъем пенсионного возраста. Это — монетизация, когда хотели сэкономить на разных льготах, но были акции протеста и в результате заплатили населению много больше намеченного. С 2005 по 2018 год власти за социальную сферу вообще не брались, но тихо-тихо урезали расходы. Да так, что теперь надо собирать деньги на лечение детей. И конечно, удар был сделан по образованию, по медицине. И неожиданно власть стала это признавать. Только в конце прошлого года Путин провел три совещания по вопросу первичной медицины. Но за год или за два и даже за пять лет национальными проектами не поправишь то, что не сделано за десятилетия.

Дальше мы видим временное примирение с региональной фрондой. Об истории с Юрием Лужковым я подробно не буду говорить. Сейчас о нем вспоминают добрым словом некоторые идеалисты, но в строительстве автократии Юрий Михайлович преуспел очень сильно еще раньше Владимира Путина. Муниципальная власть была уже фак-



Антонио Сант'Элиа. Индустриальное здание с угловой башней.  
Из проекта «Город будущего». 1914

тически уничтожена, когда решили закрыть доступ в Мосгордуму и ввели для партий 10-процентный барьер. Еще один важный момент в период нулевых — создание концепции преследования оппозиции. Это появление так называемого экстремизма. За разные радикальные высказывания теперь можно подвести под статью практически любого. Законодательство так и развивается — в виде закона об оскорблении власти и так далее. В результате всякий совершенный теракт использовался и против прессы, повод — события на Дубровке. Для ограничения политических свобод, когда после Беслана были отменены прямые выборы губернаторов, в утешение были созданы общественные палаты. И начали быстро сворачивать выборы мэров. На внешней политике не буду останавливаться. Напомню лишь о выступле-

нии Путина в Мюнхене и о запугивании цветными революциями. Украина, Грузия, Киргизия... Очень обидно, что эта занятость ближним зарубежьем привела к катастрофе 2014 года. Вместо того чтобы заниматься своими делами, занимались бог знает чем на постсоветском пространстве.

Экономический кризис 2008 года был хорошо пережит за счет выплаты долгов из кубышки частных корпораций международным банкам. Урок 1998 года был выучен. Наступил период рокеровки, формального правления Медведева, когда Путин фактически руководил страной с поста премьера. Но все-таки это были надежды части элиты, которая рассчитывала на смягчение режима и конфронтации с Западом. Были такие сюжеты, когда можно было надеяться на что-то. С Грузией война, но зато Россия не стала мешать сверже-

нию Каддафи в Ливии и началась политика перезагрузки, правда без реального результата. Скорее наоборот. Только разговоры о том, что свобода лучше, чем несвобода, имитация реформы МВД. Но — одновременно! — изменилось зимнее время и телеканал «Дождь» ненадолго появился в федеральном эфире в качестве утешительной истории.

И в медведевский же период вытесняются старые губернские лидеры — Шаймиев, Рахимов, Россель, Лужков. И начинается достройка вертикали — технократы-губернаторы-варяги, ее усиление и централизация.

Так мы подходим к кризису 2011–2012 годов, когда возвращение Путина с новыми полномочиями и фальсификация выборов в Думу — все это вызывает массовые протесты в крупных городах. Однако опять здесь печальная история с расколом элит. Он наметился, но пока не произошел.

И еще одна история. Обидно и грустно было смотреть, как оппозиция сделала ошибку, устроила новогодние протесты почти на месяц, но не поняла, что надо требовать выдвижения своего кандидата на выборах президента. Не знаю, кто это мог бы быть — Явлинский, Навальный или кто-то еще. Но в результате в списке появился псевдооппозиционер Прохоров, который уже после выборов навсегда исчез с политической арены. Эта же история была очень плохо сыграна с Ксенией Собчак. Но были и разные уступки, которые оказались непринципиальными — выборы губернаторов, но с муниципальным фильтром, облегчение регистрации политических партий, но мы тут же получаем отказ в регистрации партии Навального. А сейчас приостановили

работу «Партии перемен» Гудкова. Ну и урок в том, что такие косметические уступки всерьез принимать нельзя. Существующее президентство ничего не может поменять принципиально, когда под контролем якобы ушедшего в тень автократа остаются все силовые ведомства. А дальше, собственно с 2012 года, в России бесконечное строительство твердого авторитарического государства — «Болотное дело», зачинчивание гаек, запрет на усыновление сирот в США, закон об иностранных агентах, который разрушает всю систему общественных гражданских организаций, закон о запрете идти в реальную политику осужденным, бьющий по Навальному. Сейчас в связи с поправкой в конституцию будут, видимо, еще цензы, связанные с проживанием за границей.

С другой стороны, этот репрессивный тренд еще до 2014 года, если мы посмотрим на рейтинги, не помогал. Рейтинг шел вниз, появлялась легкая усталость. И ключевой момент, на мой взгляд, это выборы в Москве, в которых участвовал Алексей Навальный. Достаточно успешная кампания, треть голосов, когда второй тур предотвратили только с помощью фальсификаций. И это, конечно, давало шансы оппозиции на представительство, если бы сохранился инерционный сценарий. Но тут такой случай, когда в очередной раз Владимир Владимирович Путин переворачивает доску — «помогла» Украина. Обострение политической войны, Майдан, бегство Януковича. А дальше — национальная мобилизация, постсоветская реконкиста, аннексия Крыма и гибридная война на Донбассе с претензиями на Новороссию.



В результате сбитый Boeing, серьезные санкции Запада. Зато у власти есть желаемый результат — года на три сплочение телеуправляемой части населения вокруг президента. Так сказать, осажденная крепость. А после этого убийство Немцова, после чего стихли антивоенные манифестации, телеистерия, продолжение точечных репрессий. Должен сказать, что в 2015 году мы просто чудом избежали перехода гибридной войны в действительную, какого-то похода на Киев, к которому призывали правые радикалы вроде священника Чаплина и других.

Ну и экономические результаты печальные, конечно. Это уже послекрымский период — сырьевая экономика, потери доходов граждан до 10% и новые фронты, которые открываются и за которые платят налогоплательщики. Один из главных — Сирия, где жертвами (мягко скажу) стали десятки тысяч человек. Плюс поставки наемников в Центральную Африку, Мозамбик, Ливию и т.д. Все это напоминает времена моего детства, когда Советский Союз лез в разнообразные войны в Африке, а в конце концов кончилось все войной в Афганистане и подрывом советской политической стабильности.

Так что если и говорить о политических достижениях 1990-х годов, то теперь мы имеем действительно постсоветскую конструкцию. В конституции написано, что президент формирует администрацию. И больше ничего о ней не сказано. Но эта администрация президента на Старой площади, ровно там же, где был ЦК КПСС, фактически выполняет те же самые функции контроля, манипуляции Думой с вечными четырьмя партиями, полпреды коман-

дуют губернаторами, кураторы контролируют региональные власти. Назначения регулируются уже вплоть до региональных министров и замминистров за счет кадрового резерва. Произошло усиление ФСБ, в которое вернули связь и погранвойска. В том же МВД у нас есть низовая политическая полиция по борьбе с экстремизмом. С судами у нас даже еще хуже. Тот же арбитражный суд упразднили, права суда присяжных сильно урезали. Недавно опубликовали хорошую статистику. Большая часть судей рекрутируется из числа секретарей и канцелярских работников, которые втягиваются в корпорацию, со стороны очень мало кто приходит, особенно из адвокатуры. И даже из следствия и прокуратуры не больше 25%. То есть такое весьма специфического характера воспроизводство.

Очень интересно, на мой взгляд, то, что происходит с выборами. На эту тему часто пишет Дмитрий Орешкин. Все-таки у нас есть такой любопытный резерв правящей партии и правительства, как национальные республики — Чечня, Татарстан, Тува и прочие, где высокая на бумаге явка и высокое голосование за власть. В результате в Думе увеличивается представительство этих территорий. А там, где есть контроль и нет больших приписок, то есть в мегаполисах, представительство занижено.

И еще один элемент этой системы. Мы видим унифицированную страну, проткнутую вертикалью до низа, а теперь хотят и еще ниже, чтобы все муниципальные образования были под государством. Сошлюсь на уникальный случай Чечни, которая находится фактически вне правового поля России. О ней



. Ольга Розанова. Город. 1913

можно сказать, что это личная уния между Путиным и Кадыровым. И то, что там происходит, это даже не XIX век, а какое-то средневековье.

А история с частной собственностью! Раньше изъятия были у миллиардеров и миллионеров, например господина Евтушенкова освободили в свое время

от акций «Башнефти» через домашний арест. А программа так называемой реновации, начавшаяся в Москве, может лишить человека не только части собственности или ее качества. В случае переселения ему могут дать другую квартиру вне зависимости от его желания и возможности защитить свои права в суде просто из-за отсутствия нужных денег.

Что касается СМИ — ситуация кардинально поменялась по сравнению с 1990-ми. Никаких негосударственных общеполитических каналов федерального уровня. Напомню о судьбе одной из первых известных негосударственных телекомпаний СССР и России в Томске ТВ-2. Она прекратила свое вещание 8 февраля 2015 года. «Дождь» сослали в интернет. Но забавно слушать коллег, когда они рассказывают, как господин Громов (первый замглавы администрации президента) проводит летучки и дает указания различным телеканалам и другим СМИ, как государственным, так и частным, поскольку они находятся в руках лояльных олигархов и встроены в механизм государственной пропаганды.

И последний наш замечательный период — это выборы 2018 года. Триумфальная победа, несбыточные обещания. Победа, кстати, над отсутствующей оппозицией. И, как говорится, головокружение от успехов и перегибы — повышение налогов, пенсионная реформа. Все это при поддержке президента реализует правительство Медведева. Опять подвел социальный вопрос. Мы видим сразу проигрыши четырех кандидатов от Путина на осенних выборах губернаторов в первых турах. И еще человека три было, которые наверняка бы проиграли, но

результаты были удачно сфальсифицированы. Плюс серия протестов — пограничный в Ингушетии, антиклерикальный Екатеринбург, мусорный в Московской области, Архангельске и Коми.

И еще одна тема, которая меня всегда волнует, — разрыв между регионами и столицей. Все-таки когда 20% бюджета тратится на перекладку плитки и бордюров, на украшательство — это нечто невероятное. В этом году на новогоднюю иллюминацию ушел годовой бюджет областного центра в 300 тысяч человек, типа Пскова. А о том, как живут райцентры и областные центры, многие из присутствующих, я думаю, знают лучше меня.

Но — Москва богатая, а значительная часть жителей недовольна. Коррупция, произвол, отсутствие обратной связи. Молодежное недовольство прорвалось, как вы помните, весной 2019 года из-за ущемления прав на представительство. Все-таки подписи за кандидатов реально собирались, произошла политическая мобилизация. И жесткий отказ в регистрации вызвал демонстрации протеста, которые, на мой взгляд, напугали власть. Во всяком случае, последние новости о конституционном или антиконституционном перевороте относятся к последствиям этих событий.

В любом случае мы видим новую репрессивность режима. Мой коллега Володя Кара-Мурза — младший хорошо все посчитал. У него есть такая табличка: в России 19 запрещенных НКО, полсотни репрессивных законов, по данным «Мемориала» — более 300 политических заключенных, а самому «Мемориалу» выписано почти 5 миллионов рублей штрафов якобы за не-

маркировку проектов в интернете клеймом иностранного агента. Не говоря уже о «Фонде борьбы с коррупцией» Навального.

И вот эта история с внесением поправки в конституцию. Я вижу в этом превращение России из президентской республики в сверхпрезидентскую. Это назначение и увольнение судей Конституционного суда, председателей и замов и глав облсуда, чистка самого Конституционного суда, когда его сократят почти в два раза, возможность блокировать вето Думы и Совета Федерации и так далее. Дискриминационное ограничение возможностей граждан, живших за границей, и прочее по части вертикали муниципалитетов. Вы знаете, я не юрист. Но то, что пишут юристы — единая система власти, включающая в себя все органы государственной власти и местного самоуправления, — это, конечно, нечто. Это придумка такая! Но совершенно понятно, что все органы местного самоуправления, где иногда оппозиционерам удавалось какие-то должности занять, вроде Ильи Яшина в качестве начальника одного из муниципалитетов, конечно, их хотят построить уже окончательно.

И прикрывается это все двумя популистскими поправками по прожиточному минимуму и индексацией пенсий. С индексацией все хитро. Отсылка-то к закону, а в законе можно написать все, что угодно. Индексировать раз в 10 лет. Или индексировать работающим пенсионерам на ноль с десятками и так далее. Обещаний дано на 500 миллиардов рублей, а выполнять их будет новое правительство господина Мишустина, с которым мы теперь благодаря новым технологиям и интернету знакомимся,

изучаем собственность, домики разные, предыдущий его бизнес 1990-х годов. Вот такой достойный преемник Дмитрия Медведева с его резиденциями и уточками. Вот теперь новый человек, непонятно как это все набравший и записавший на своих родственников.

И что интересно, я бы назвал правительство, которое мы сейчас получили, правительством Мишустина — Собянина, поскольку там пять выдвиженцев московского мэра. И у них интересный вкусный сектор — строительство, природопользование и наука. Можно хорошо подкормиться.

И еще немножечко о наших замечательных партиях, о партийной системе, которая голосует единогласно за все поправки в первом чтении. Как я понимаю из комментариев, которые до меня доходят от участников этого процесса, взамен они получают возможность участвовать беспрепятственно в предстоящих думских выборах. В общем, все у них будет хорошо.

Оппозиция находится в очень неопределенной позиции. Мне кажется, удачнее других выступил Явлинский, который предложил сыграть на волне и поработать над альтернативными поправками к конституции, которые, конечно, не будут в ближайшее время приняты. А Навальный отошел от идеи акций протеста. Видимо, решил, что бесполезно идти против течения, тем более когда эта инициатива прикрывается большим денежным пакетом, а возможно еще и патриотической риторикой. Тут же появились инициативы, чтобы написать в преамбуле, что страна — наследник великой победы и так далее. Но а как же голосовать против великой победы и индексации пенсий?

Что касается конфигурации, которую мы увидим, мне кажется, что вопрос совершенно не закрыт. Если даже уберут слово «подряд», то можно же начать отсчет сроков с нуля. Вариант с главой госсовета, он же лидер правящей партии, премьер, мне пока кажется не очень вероятным, поскольку есть перечень органов власти в первой главе, он исчерпывающий. И если туда не вписать этот госсовет, то он вроде как и не орган власти. В общем, мы на какой-то развилке и Путин на развилке. В общем, видит себя президент вечным. А общество, если оно еще и осталось, пока борьбу за сменяемость власти на всех уровнях проиграло. Поживем — увидим надолго ли.

И еще я как историк вспоминаю товарища Сталина. Если говорить об узурпации власти, то в конце концов Сталин же не все время был председателем Совнаркома или генеральным секретарем. Были периоды, когда он был просто секретарем ЦК. И ничего, рулил, казнил. Так что есть такая опасность.

Хотелось бы напомнить слова замечательного Льва Гудкова о пропаганде, что она не создает новых представлений, а лишь интерпретирует и заново активизирует применительно к контексту текущих событий слои давно сложившихся стереотипов и спящих предрасудков, образующих неосознаваемые пласты национальной культуры, соединяя настоящее с фиктивным и воображаемым прошлым. Вот, собственно, это и делается. Есть те самые пласты, о которых я говорил в самом начале. Есть советский народ, условно говоря —

постсоветский народ, который верит в некоторые мифы. Например, в подвиг 28 панфиловцев. По мнению Мединского, подвига не было, но миф нужен. Люди верят этим мифам, к сожалению, власть ими кормит. Но и посылает разные сигналы. Вы смотрите красивый фильм о декабристах, и вам посылается сигнал, что слово государя — это закон. Вот и поймите правильно. Это значит выходить на площадь не надо, реформ подождите, смены власти не требуйте. И вот мальчик-наследник вырастет, он вам, может быть, крепостное право отменит.

И теперь почти последнее. Как я вижу задачи нынешней власти на самом деле? Знаете, вопрос же в преемственности. Один генеральный секретарь передавал власть другому. А здесь нужно передать не только власть, но и собственность. Условно говоря, Патрушеву-старшему — пост в Совете безопасности Патрушеву-младшему... От Владимира Владимировича, президента Российской Федерации, к дочери его Катерине Тихоновой, чей фонд «Интерпрактика», как мы знаем, активно набивают деньгами разнообразные государственные корпорации.

Ну а нам, журналистам, что делать? Не знаю. Не все получается, но что-то получается. Объективные данные говорят в пользу европейского пути России. Вот что нам позволяет в каком-то смысле оппонировать власти, предлагать какие-то новые смыслы. И хочется, чтобы все пережили современную автократию, не участвуя во лжи. Вот, наверное, это задача для вашего поколения.



*Фредрик Эрикссон,  
экономист, директор  
европейского Центра  
международной политической  
экономики (ECIPE),  
Швеция*

## *Личная ответственность в современной экономике\**

**В** исторической перспективе нам известно большое количество идей, теорий и концепций того, как работает экономика. Те из них, которые выстояли и сохранили свою актуальность, фокусируются на личной ответственности, на том, как каждый из нас поступает, следуя культурным нормам, представлениям о рациональном выборе, традициям и так далее. Но вне зависимости от того, как мы поступаем и действуем, речь, несомненно, идет о нашей вовлеченности в экономику как таковую. На правах потребителя, предпринимателя, наемного работника или государственного служащего. Вот об этом мне и хотелось сегодня поговорить: почему *личная ответственность* имеет значение.

Когда экономисты говорят о некоей перспективе и факторах экономического роста, они имеют в виду рост производительности труда. Экономика может расти по-разному, и речь идет о разных факторах роста. Допустим, мы производим вливание капитала или увеличиваем рабочий штат и понимаем, что делаем это на пределе возможностей. Осознаем, что все сводится к вопросу о производительности, об эффективном сочетании производственных факторов с целью создания стоимости условно производимого товара в рамках тех ресурсов, которые у нас есть. Это и называется производительностью труда. Речь идет о фактических результатах труда при начальном условии тех или иных материальных ресурсов.

Большинство стран мира заняты попытками повышения производительности, а не большего вливания ресурсов. И в связи с этим следует отметить одно тре-

---

*\* Выступление на семинаре Ассоциации школ политических исследований при Совете Европы в Стокгольме 23 апреля 2019 г.*

важное обстоятельство: производительность в мире падает на протяжении последних десятилетий. Например, с 1970 по 2012 год мы наблюдали падение этих показателей. Если в начале 1970-х годов в странах «Большой семерки» в среднем рост производительности составлял 3% в год, то сейчас этот показатель снизился до 1,5% в лучшем случае. Даже в Китае за последние пятнадцать лет произошло существенное снижение производительности.

Рост производительности неравномерен. Динамика показателя совокупной производительности пяти государств — Франции, Италии, Соединенных Штатов, Великобритании и Германии — с конца 1970-х до 2012 года показывает определенные колебания, тем не менее вектор роста даже в Соединенных Штатах в целом снижается.

Полагаю, что мы неэффективно используем плоды научно-технической революции и доступные материальные ресурсы. По каким причинам мы потеряли способность производить добавочную стоимость в соответствии с потребностями, почему не можем обеспечить рост производительности? Ведь речь о капиталистической системе, о совокупности факторов — состязательности, запретительных тарифах и пошлин, протекционизме, различных формах бюрократических институтов в странах, где существует определенный уровень предпринимательской свободы. Но даже в этих странах, в классических капиталистических системах происходит снижение производительности и эффективности.

Мне кажется, что существенный урон росту нанесло падение личностной вовлеченности, личной ответственности. Выбирая путь экономически активного агента, вы совершаете осознанный выбор. Вы должны управлять собственным сознанием сообразно выбранной цели, применять свои навыки и таланты в конкретных делах. Кроме этого должна быть соответствующая экономическая среда. Молодой человек, только собирающийся войти во взрослую жизнь, должен иметь свободу движения в условиях конкуренции на рынке труда. У него должна быть возможность основать собственное дело, если в этом есть необходимость. Так экономика работала на протяжении длительного времени. Речь о сознательном выборе в применении наших природных способностей и навыков. Скажу коротко в этой связи о капитализме как системе и о некоторых очень тревожных процессах в этой системе за последние двадцать лет.

Мы всегда воспринимали деловой частный сектор как совокупность предпринимателей, обладающих новыми идеями и трансформирующими мир. Но не следует забывать о финансовом факторе и прибыли. Начинающему предпринимателю нужен стартовый капитал. В течение столетий предприниматели всегда были потребителями капитала: корпорации имеют идеи, но не всегда обладают капиталом. Поэтому они его занимают, что ведет к эмиссии ценных бумаг и процессу обраще-

ния средств в рамках частного бизнеса. Это классическая парадигма экономики капитализма на протяжении длительного времени.

В начале XXI века обстоятельства, однако, меняются, что связано с кризисом 2007–2008 годов. Корпоративный сектор перестал быть потребителем капитала и превратился в классического заимодавца излишков капитала, не имея идей, как его использовать. Конечно, можно инвестировать в инновационные технологии, и они это делают, но в меньшем объеме, чем прежде: слишком возросли риски, в том числе и для личных инвестиций людей. Это может быть объяснено монетарной политикой, которая проводилась в течение длительного времени, она снизила стоимость капитала. Крупные компании, например IBM, стали выпускать облигации, которые дадут их обладателям отрицательный процент. То есть за корпоративную облигацию спустя десять лет можно получить меньше денег, чем вы вложили сейчас. И выходит, что держатели ценных бумаг финансируют корпорации и банки своими вкладами. Что-то странное происходит в экономике, раз капитал можно получать под отрицательные процентные ставки.

Все это следует из того факта, что все центральные банки мира не только снижали процентные ставки, но выпускали новые ликвидные бумаги, которые привели к избытку наличной массы: наша экономика буквально купается в свободном капитале. Этот капитал частично используется для выкупа собственных акций, чтобы потом меньше потерять.

С конца 1970-х годов мы наблюдаем снижение роста инвестиций. Дивиденды совершенно определенно необходимы экономике, но если они высокие в течение длительного срока, а прибыли используют, чтобы выкупить собственные акции, это показывает, что у компаний слишком много наличных денег и они не знают, на что их потратить. Наступил такой этап развития экономики, когда есть не только избыточное количество капитала, но и дефицит проектов и идей, так как никто не хочет рисковать.

Даже там, где все же происходит рост инвестиций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, объемы их невелики. Рост инвестиций в НИОКР за последние двадцать лет стал меньше, чем тот рост, который мы наблюдали в предыдущие десятилетия. У нас сложилась такая экономика, в которой не хватает идей. Мы вкладываем деньги, но их эффективность падает.

Отчего так происходит? Во-первых, из-за того, что принято называть углублением капитала\*. То есть из-за более высоких, чем прежде, за-

---

\* Ситуация, когда в экономике увеличивается размер капитала в расчете на одного работника.



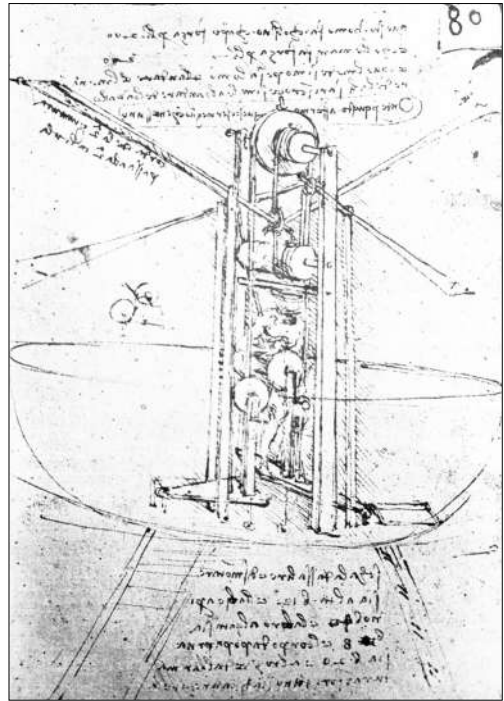
трат на каждую новую единицу продукта. И во-вторых, из-за невозвратных затрат — тех, что уже были сделаны, но их невозможно вернуть, так как продукция не пользуется спросом или изыскания не дают результата. Как бы мы ни вели себя в экономике, мы должны все больше и больше капитала вкладывать в производство. И по мере того, как мы это делаем, наши возможности снижаются.

Какой капитал был накоплен за последние 30–40 лет и как его использовать по-новому? Прежде всего это человеческий капитал. Здесь нужно подчеркнуть роль образования. Сорок лет назад можно было закончить только среднюю школу и при этом создать будущее для себя и своей семьи. Сегодня это чрезвычайно сложно, особенно если вы работаете в современной экономике.

Теперь больше 50% молодежи заканчивают университеты и получают высшее образование. 25 лет назад, когда я заканчивал школу, мне нужно было пройти практику. И после этого мне предложили должность клерка, кассира в банке. Сейчас для такой должности нужно учиться четыре года в университете. Конечно, различия есть, но, по сути, работа та же самая. Раньше ее можно было поручить выпускнику колледжа, а теперь университета. То есть за последние десятилетия сделаны колоссальные вложения в человеческий капитал. И чем больше мы вкладываем в него, а именно в образование, тем более дорогостоящим все будет.

Мне потребовалось восемь лет обучения в университете, чтобы стать экономистом. Если бы я однажды проснулся утром и подумал, что не хочу быть экономистом, мне было бы непросто дальше на что-то решиться, ведь я потратил столько денег и времени на университет и карьеру.

Наиболее консервативный и медленно развивающийся сектор сегодняшней экономики — медицинское обслуживание. Больницы организованы так, что их ядро, основа — человеческий капитал. Врачи и медсестры обеспечивают охрану здоровья; закупается различное оборудование, но все это связано прежде всего с человеческим капиталом. И если мы рассмотрим сценарий, что этот капитал нужно было бы поменять, то пришлось бы менять и всю социально-экономическую среду.



Леонардо да Винчи. Летящая машина. 1487

Я являюсь попечителем университетской больницы. Нам нужно было снести старые корпуса, чтобы выстроить новую университетскую клинику для нашего медицинского факультета. И я узнал, что новая клиника во всем походит на старую, то есть авторы проекта не воспользовались возможностью инвестировать в помещения, которые не сносили, не стали адаптировать их для новой техники. И все оборудование, что было куплено, было поставлено. Но человеческий капитал, обеспечивающий работу больницы, не менялся. Тот же персонал, который работал до реконструкции, перешел на работу в новую больницу. Все было сделано не для того, чтобы изменить положение дел или нанять новых людей.

Чем больше требуется вкладывать в человеческий капитал, чтобы повышать эффективность, тем больше нужно времени и инвестиций. И тем сложнее прекратить заниматься тем, что мы делаем сейчас, и взяться за новую работу.

Но инновации в том и состоят, что каждый должен прекратить заниматься тем, что делает, чтобы заняться чем-то новым. В экономике, которую мы строим сейчас, сделать это становится все сложнее. Потому что всякий раз, когда мы бросаем одно дело, чтобы заняться чем-то новым, мы несем невозвратные затраты. Стоимость смены профессии невероятно велика.

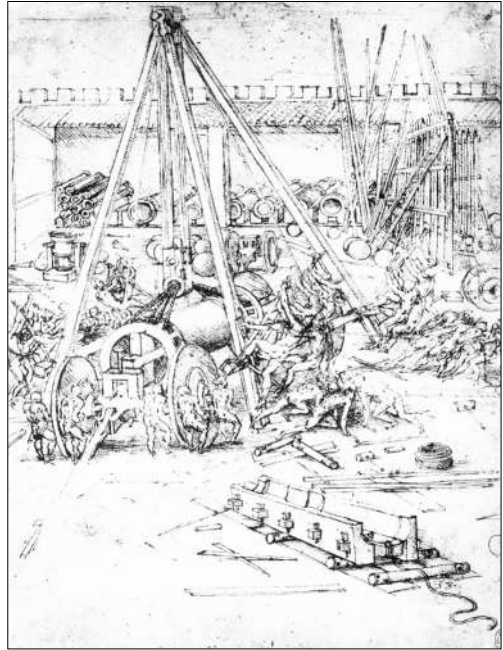
Пространство для конкуренции сузилось, приходится запускать поисковик, конкурирующий с Google, или новый магазин, который будет конкурировать с Amazon. Последние пару лет идут дебаты, в ходе которых все больше говорят, что мощь отдельных компаний, особенно в цифровой экономике, очень сильно выросла. И меня это не так беспокоит, потому что в таких секторах экономика меняется крайне быстро, меняются технологии, которые лежат в их основе. Меня скорее беспокоят другие рынки, где некоторые субъекты рынка становятся все более мощными. Они в состоянии воздействовать на рынок так, что сужается пространство для конкуренции. Они создают барьеры, препятствующие входу на рынок новых субъектов, которые могли бы с ними конкурировать. Огромная доля рынка занята крупнейшими фирмами. В большинстве экономик мира происходит все большая экономическая концентрация, которая настолько чудовищна, что лишь единицы компаний способны реально конкурировать друг с другом, — мы дошли до ситуации монополии. И нам стоит подумать об этих компаниях, которые подминают рынок под себя, не давая пробиться конкурентам.

Если вдруг вы изобретете какой-то новый двигатель для автомобиля, который будет на 25% лучше по всем параметрам по сравнению с существующими, как вы думаете, дадут вам выйти на рынок? Если бы вы захотели это сделать, вам прежде всего пришлось бы создать специальную логистическую цепочку, включающую все компоненты, не-

обходимые для производства. А чтобы ее создать, вам придется обратиться к тем фирмам, которые выпускают свои двигатели. Однако по контрактам с брендами многие производители сегодня ограничены в возможностях сотрудничества с производителями-конкурентами, потому что все мощности работают на главного заказчика. Поэтому просто невозможно начать работать с новой компанией. На любой рынок очень сложно войти новым игрокам и конкурировать с действующими, физически невозможно наладить хозяйственные связи.

Человек, который попытался сделать подобное на рынке, — Илон Маск. Кроме ракет он выпускает электромобиль Tesla, но, по сути, это убыточное предприятие уже в течение пятнадцати лет. Они дошли до момента, когда производство невозможно, потому что образовался разрыв в цепочке поставок компонентов машины. Такие компании, как Mercedes, активно осваивают рынок электромобилей и собираются вытеснить Tesla, запретив своим партнерам поставки Маску под угрозой расторжения контрактов. У Tesla есть огромные заказы, но компания не может их выполнить, потому что не хватает производственных связей. И очень скоро мы обнаружим, что Маску придется продавать автомобильный сектор своей компании, потому что просто физически невозможно конкурировать на рынке, где все места заняты.

Возвращаемся к вопросу корпоративной бюрократии. В капиталистических странах мы задумываемся, почему сложилась ситуация, когда люди все меньше способны достигать таких перемен, которые давали бы более ощутимые результаты. Думаю, что одно из препятствий состоит в том, что растет доля корпоративной бюрократии. Фирма Boston Consulting посчитала, что корпоративная бюрократия растет на 7% в год с 50-х годов прошлого века. Она отнимает время и силы работников — все эти планы, бумажная работа и прочее... Растет число сотрудников, которых необходимо нанимать только для того, чтобы компания смогла обеспечить документооборот. Это приводит к возникновению новой иерархии в крупных компаниях, что, в свою очередь, ведет к подавлению инициативы снизу. Культура «менеджеризма» раньше была свойственна государственным компаниям, но теперь она проникла в частный бизнес. Я работал со многими международ-



Леонардо да Винчи. Литейный завод. 1487

ными компаниями, и количество бумажной волокиты, впустую потраченного времени, по моим наблюдениям, выросло в этих компаниях за последние десятилетия. Многие хотят быть более эффективными, ощущать себя более свободными, но часто это невозможно, потому что все забюрократизировано до крайности. Опрос в Европе показал, что около 60% работников компаний не имеют прямого отношения к тому, что делает их компания-работодатель.

Другая сложнейшая сфера функционирования государства: в большинстве обществ растет численность пенсионеров, требуется больше накоплений для обеспечения им выплат. Мы должны откладывать больше, чем прежде. Мы вкладываем деньги, которые зарабатываем, в фонды, банки, инвестиционные дома, а они вкладывают в корпорации, которые дают небольшой, но надежный процент. Рискованные вложения нам не нужны, мы не можем рисковать пенсионными деньгами. Мы ушли от экономики 1970-х, когда 10% акций, выпускаемых в западном мире, принадлежали таким финансовым институтам, как пенсионные фонды. Сегодня в западных экономиках почти две трети ценных бумаг принадлежат таким институтам. Мы видим, что все больше сбережений в мире связано с пенсионными накоплениями. Это переход к экономике рантье, когда люди рассчитывают на предсказуемый и стабильный доход.

Увеличение доли пенсионеров приведет ко все большему размещению капитала в пенсионные фонды с небольшой, но надежной доходностью консервативных вложений. И это, конечно же, снижает предприимчивость и пространство для личного выбора. Инвестируя в консервативные предприятия, мы провоцируем застой на рынке и появление экономики, где наряду с логикой рантье все больше нарастает корпоративная бюрократия, которая устанавливает правила поведения для таких компаний.

На протяжении нескольких столетий капиталистическая экономика зиждилась на принципе вовлеченности динамичных и отважных людей в бизнес, их умении сделать выбор, на предпринимательском духе. Это ее отличало от архаичной меркантилистской, или так называемой социалистической, экономики, построенной на доминировании государства, подавлении рыночных механизмов, опоре на национальный изоляционизм и т.д. Капитализм поощрял движение против течения, и, наверно, в этом состояла одна из причин его экономического успеха вместе с умением индуцировать рост производительности, личной ответственностью и инициативностью. В сегодняшней экономике пространство личной инициативы сужается. Мы видим это повсеместно, и так или иначе это относится к каждому из нас.

## Достоинство человека, свобода и ответственность



*Юлиус фон Фрайтаг-Лорингховен,  
проектный директор,  
Фонд Фридриха Наумана*

С 2012 года я возглавляю работу немецкого либерального Фонда Фридриха Наумана в России и с тех пор стараюсь понять, что происходит вокруг меня и «что делать?». Другой русский вопрос: «Кто виноват?» — никогда не казался мне значительным, ведь я не могу повлиять на то, что уже случилось. Обвинения не могут ничего изменить. Когда мы говорим о настоящем, я также не вижу смысла в том, чтобы обвинять или восхвалять президента Владимира Путина за то, что происходит в стране. Скорее уместно вспомнить вопрос Джона Кеннеди: «Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя, спроси, что ты можешь сделать для своей страны?» Американский президент говорил об индивидуальной ответственности, но необходим более широкий контекст, чтобы наполнить ответственность смыслом.

Будучи либеральным фондом, Фонд Фридриха Наумана более десяти лет назад присоединил к своему названию слова «за свободу». Каждая политическая традиция имеет свою идею: для социалистов — это традиционно материальное равенство, для консерваторов — стабильность и безопасность, а для либералов — индивидуальная свобода. Работа нашего фонда тесно связана со свободой, будь то совместная поддержка с Московской школой более 25 лет так называемых либеральных клубов в России и культуры открытой дискуссии, будь то организация «Ночи провалов»\* с молодыми предпринимателями, которые говорят, что дух индивидуальной свободы делает эко-

\* *Fuck Up Nights* — мировое движение, где участники делятся своим неудачным опытом в области бизнеса и проектов.

номику эффективной, или организация ряда проектов в области прав человека и верховенства права.

Некоторое время я полагал, что индивидуальная свобода в рамках правового поля — это достижение процветающей экономики: мы называем ее рыночной, так как каждый из конкурирующих участников рынка стремится заработать и таким образом создает общественное благо отнюдь не по принципу госплана, когда все решения за других принимают несколько человек. И я думал, что свобода личности — единственное, что необходимо для того, чтобы общество развивалось. Но во время обедов с моими друзьями Леной Немировской и Юрием Сенокосовым и их гостями я понял, что свободу личности нужно рассматривать также в контексте человеческого достоинства, чтобы увидеть связь между ответственностью и свободой. Поскольку лишь тогда становится понятно, какой смысл сам Иммануил Кант вкладывал в выражение *Sapere aude*, заимствовав его из поэмы Горация. Благодаря Лене, Юре и названию их школы я понял, что Кант вручил нам компас, чтобы ориентироваться в сегодняшней жизни и что основы просвещения совпадают с основами политического либерализма.

«Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине — это такое несовершеннолетие, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны

кого-то другого. *Sapere Aude!* — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения».

Если я прав, миссия Школы заключается в том, чтобы, преодолевая несовершеннолетие, начать самостоятельно мыслить, а вовсе не в том, чтобы вступать в либеральную партию. Меня всегда восхищало, что в Школу приходят не только единомышленники, но люди из разных слоев общества и с разными убеждениями, чтобы обогатить дискуссию, искать истину и хотя бы иногда отвечать на вопрос «Что делать?».

Из бесед с участниками наших программ я понял, что либерализм — это система ценностей, в которой человеческое достоинство, свобода и ответственность — цель и основа наших социальных и экономических действий. Как и почему соединяются эти три понятия?

Свобода — это способность действовать и меняться без принуждения. В основе концепции свободы лежит стремление делать или не делать что-то. Достоинство — более сложное понятие: со времен Просвещения оно понимается как право человека на то, чтобы его ценили и уважали, потому что существуют этические нормы.

Тот, для кого свобода — это действие, берет на себя и ответственность. Человеческое достоинство определяется свободой принимать самостоятельные решения. Но это непросто, поскольку так определяемое достоинство включает и моральное требование, как должно пользоваться свободой.

Из морального требования Канта следует, что мы ответственны за свободу, удовлетворяющую наше человеческое достоинство. Свобода, достоинство и

ответственность не разные ценности, а тесно связанные между собой понятия. Великий русский поэт Александр Пушкин выразил эту мысль в стихотворении 1830 года по-своему: «Самостоянье человека, залог величия его». Фридрих Шиллер, который больше известен как поэт, чем как философ, написал о связи достоинства и свободы, что контроль над своими желаниями через нравственную силу есть свобода ума и достоинство.

В этой взаимосвязи достоинства, свободы и ответственности существует, однако, скрытый конфликт, потому что взять на себя ответственность за других — значит фактически ограничить их свободу и достоинство. Выражая свое отношение к преступлениям, совершенным в рамках утопических представлений о коммунизме и национал-социализме, Карл Поппер во время Второй мировой войны написал свою знаменитую книгу «Открытое общество и его враги», в которой предупреждал, что идея пожертвовать индивидуальной свободой ради утопического блага заключает в себе все ужасы тоталитаризма. «Попытка создать рай на земле, — писал он, — неизбежно приводит к созданию преисподней. Она вызывает нетерпимость. Она вызывает религиозные войны и спасение душ посредством инквизиции». На фоне этой жесткой позиции о создании идеального общества либералы выглядят слабыми и лишенными эмпатии, так как люди обычно не обращают внимания на скрытый моральный конфликт, полагаясь на коллективную помощь.

Размышляя в том же ключе, что и Карл Поппер, международное сообщество объединилось после ужасов Второй мировой войны и основало Органи-

зацию Объединенных Наций как совокупность институтов и ценностей, которые принимают представители всего мира. Закономерно, что первая статья Всеобщей декларации прав человека 1948 года начинается с либеральных основ Просвещения: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью...»

Предполагается, что все люди равны в достоинстве и правах и, значит, свободны принимать решения и снова брать за них ответственность, что подтверждает окончание фразы первой статьи: «...и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».

Когда 30 июля 1975 года в Хельсинки участники Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе старались примирить восточные и западные страны, разделенные холодной войной, они согласились с положениями принятой ими 1 августа Декларации, VII статья которой также гласила об уважении «прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений... [и стремлении] поощрять и развивать эффективное осуществление гражданских, политических, экономических, социальных, культурных и других прав и свобод, которые все вытекают из достоинства, присущего человеческой личности, и являются существенными для ее свободного и полного развития».

Несмотря на то что политическая реальность в Советском Союзе при Брежневе не допускала и половины такой свободы слова, как в сегодняшней России, подпись Брежнева подтвердила, что даже Советский Союз испытывал дискомфорт, не признавая человеческое достоинство и свободу в ка-



*Генри Мур. Овал с точками. 1968*

честве основных элементов мирного порядка.

Либеральная идея основывается на морали и лишь во вторую очередь связана с экономикой. Некоторые либералы, рассуждая о преимуществах либераль-

ной идеи, исключая мораль, утверждали, что, даже если мы видим только утилитарные результаты либеральной политики, нужно признать, что она обеспечивает большее благосостояние для большего числа людей, чем любая



другая. Австрийская и чикагская школы назывались нередко «неолиберальными» для характеристики нового капитализма, который приобрел некоторые устойчивые особенности в результате восстановления власти и дохода класса собственников. Но, заглянув глубже в идеи Фридриха фон Хайека и Милтона Фридмана, вы обнаружите моральный аргумент, основанный на кантовском *Sapere Aude*, корни которого тянутся к «Никомаховой этике» Аристотеля, согласно которой человек наделен активностью души и разума или по крайней мере не находится в противоречии с разумом. Все мировые религии признают моральную ответственность индивида в отношениях с другими. Золотое правило нравственности издревле известно в буддизме, христианстве, индуизме, иудаизме, даосизме, зороастризме. В Талмуде оно сформулировано так: «Что неприятно тебе, не делай и ближнему своему».

В эпоху Просвещения, исходя из моральной ответственности защищать достоинство и свободу других, не только философы, но и экономисты пишут философские книги. В «Двух трактатах о правлении» Джон Локк объясняет, что свобода, жизнь и права собственности — неизменные основные права каждого гражданина. Создавая институты как гарантии этих прав, Локк стал одним из основоположников либерального конституционализма. Адам Смит в своем знаменитом «Исследовании о природе и причинах богатства народов» интерпретировал эту позицию как господство индивидуальной свободы в экономическом мире и стал основателем экономической науки.

Фундаментальные либеральные идеи, ставящие достоинство личности, сво-

боду и ответственность в центр политического мышления, распространяются по всему миру начиная с XIX века.

Сегодня, как и в прошлом, активны и правые, и левые силы политического и философского спектра, и не всем нравится, что права и свободы личности занимают центральное место. Недовольны этим и авторитарные лидеры, и рядовые члены антиглобалистских движений, коммунисты и националисты, реакционные консерваторы и экосоциалисты — все они против того, чтобы в центре общественного внимания находился человек, а не коллектив. Одни продолжают при этом верить в марксизм и идею классовой борьбы, других больше интересует проблема «столкновения цивилизаций», о которой писал Сэмюэл Хантингтон. Со стороны левых все еще преобладает намерение перевоспитать или перепрограммировать людей в рамках видения ими собственного утопического мира, в то время как правые стремятся предотвратить распад наций и коллективного сознания. Авторитарные же лидеры, которые боятся потерять власть, подавляют любые попытки индивида отстаивать свои права и используют коллективистскую риторику с целью контроля общественного сознания.

Однако либералы тем не менее преуспели, принимая во внимание появление в конце XX века на планете рекордного количества демократий правового порядка и увеличение процента мирового населения, преодолевшего черту бедности благодаря рыночному экономическому порядку.

Хотя китайские и иные авторитарные инновации могут вновь бросить вызов этому порядку, социальные исследования показывают, что демократические

институты, гарантирующие индивидуальные права, права собственности и т.д. — главные факторы успеха современных экономик и государств.

Управлять — значит взять на себя ответственность за других. Для либералов это всегда некоторое покушение на свободу, ответственность и достоинство другого. Поэтому важны работающие институты демократии. Верховенство права, права человека, образование — все это способствует улучшению «жизненных шансов», по выражению Ральфа Дарендорфа, который считал, что за них стоит бороться, когда мы находимся в конфликте с концепциями тотального контроля, предлагаемыми с целью обеспечения потребностей населения.

Будучи сам известным публичным интеллектуалом и политиком в немецком и британском парламентах, комиссаром Евросоюза по торговле, Ральф Дарендорф (1929–2009) призывал интеллектуалов к гражданской ответственности, подчеркивая особую их роль в современном обществе. В последней своей книге «Искушения несвободы» он задает вопрос, почему многие из них поддались искушениям коллективистского утопического мышления. Например, известный немецкий философ Мартин Хайдеггер прославлял нацистов, Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар идеализировали Фиделя Кастро. А другие мыслители — Карл Поппер, Раймонд Арон, Исая Берлин — не поддались, и

Дарендорф рассказывает, как во времена переломов они противостояли искушениям несвободы. Он делает вывод, что такие добродетели, как благообразие, справедливость, сила духа и сдержанность, помогли им продолжить поиски истины, не подвергая риску других людей.

Книга Ральфа Дарендорфа «Искушения несвободы — интеллектуалы во времена испытаний» переведена на русский язык при поддержке Фонда Фридриха Наумана и будет издана «Новым литературным обозрением». Надеюсь, что она поможет нам ответить на вопрос «Что делать?», не забывая о человеческом достоинстве, свободе и ответственности.

В книге «Приключение Свобода. Цивилизованное презрение», которая тоже переведена на русский язык и уже издана, швейцарский и израильский психоаналитик и профессор философии Карло Штрэнгер говорит, что либерализм, понятый как жизненная философия, не обещает рая на земле, но в сравнении с другими общественными проектами представляет собой несомненное достижение цивилизации. От нас зависит, сумеем ли мы донести до будущих поколений, что либерализм включает в себя как начало конфликта и страдания, так и концепцию свободы как счастья.

*Перевод с английского  
Юлии Тарковской*

## Фатален ли кризис прав человека?\*

**Я** буду говорить на английском языке, и сейчас вы поймете почему. Я латыш из Америки и говорю по-русски с трудом. Я политолог по образованию, писал свою докторскую о балтийских национальных движениях и развале Советского Союза. Переселился в Латвию в 1993 году, возглавлял Латвийский центр по правам человека и этническим исследованиям, а потом стал министром по особым поручениям по делам общественной интеграции в двух правительствах. Далее был директором Института социальных и политических исследований в университете, а затем комиссаром Совета Европы по правам человека. Итак, я продолжу на английском языке.

Я буду говорить о кризисе прав человека, с которым нам приходится иметь дело в последние годы, и хочу поделиться опытом, который приобрел на посту комиссара по правам человека. В своем докладе я сосредоточусь на европейской ситуации; это естественно, учитывая, что я столько лет здесь прожил и что именно здесь была сосредоточена моя деятельность в этой области. Конечно, проблема прав человека затрагивает не только европейский континент, достаточно упомянуть господина Трампа или, например, бразильского и филиппинского президентов. Но я все же буду говорить о Европе.

За шесть лет пребывания на посту комиссара по правам человека я посетил все 47 государств — членов Совета Европы. В 40 из них я был по меньшей мере дважды. В частности, средоточием моих усилий



*Нильс Муйжниецс,  
латвийский политолог,  
комиссар Совета Европы по  
правам человека (2012–2018)*

\* Выступление на семинаре Ассоциации школ политических исследований при Совете Европы в г. Юрмала (Латвия) 3 октября 2019 г.

были Украина и Турция. Я бы с удовольствием ездил и в Россию, однако после 2014 года, после того как я написал доклад о ситуации с Крымом, я стал персоной нон грата в этой стране.

Я полагаю, что мы можем наблюдать сегодня многоуровневый и многогранный кризис, связанный с правами человека. Назову несколько составляющих в этой схеме: это политический популизм, угрожающий самим правовым принципам, это кризис на уровне ЕС и на уровне национальных государств, а также это неэффективность организаций, созданных для поддержания правовых норм. Я попытаюсь рассмотреть эти факторы по отдельности, а затем обсудить их с вами.

На мой взгляд, принципы, лежащие в основе системы прав человека, следующие. Во-первых, это индивидуализм. В панамериканской системе, например, правами наделена окружающая среда, африканский устав делает упор на права народа, в Европе же мы говорим прежде всего о правах личности. Это имеет свои плюсы и минусы. Для нас важен отказ от дискриминации: при этом не зря судьи Европейского суда называют Конвенцию по правам человека живым инструментом. Норма подвижна, она все время меняется, и то, что было возможно еще пятнадцать лет назад, сейчас недопустимо. Пятнадцать лет назад был зафиксирован несколько иной, чем сейчас, статус женщины, пятнадцать лет назад не был зафиксирован запрет бить детей. Таким образом, европейская Конвенция по защите прав человека — это эволюционирующий живой документ, которым должны были руководствоваться государства — члены ЕС и выступать бастионами защиты прав человека на национальном уровне.

Поговорим о популистах, причем о популистах правого толка, потому что левые популисты в большинстве своем не бросают вызов правам человека как таковым. Популисты на правом фланге говорят нам, что права человека были предоставлены в том числе не заслуживающим этого группам и лицам. Кому же? Эмигрантам, лицам, принадлежащим к сексуальным меньшинствам, к тем или иным девиантным, с их точки зрения, группам, придерживающимся неприемлемого образа жизни и поведения. И соответственно такие популисты уверяют нас, что нынешняя ситуация с правами человека угрожает нашей культуре и идентичности, семейным и традиционным ценностям. И, поскольку Конвенция непомерно раздута, мы теряем управление над собой и собственной страной, нашей страной управляют судьи, которых мы не избирали, и чиновники, которых мне назначали. Правда, популисты забывают упомянуть, что судьи Европейского суда как раз назначаются национальными государствами.

Весь европейский континент находится в атмосфере угрозы и риска, и мы можем заметить, что этот страх очень сильно влияет на ситуацию с правами человека. Возьмем право на убежище. Мы понимаем, что сегодня значительная часть европейских стран делает все, что в их силах, чтобы отказать лицам, нуждающимся в убежище. Это делается посред-

ством укрепления границ и патрульных служб, это происходит и в Латвии на ее восточных границах, и в южноевропейских государствах. То есть делается все для того, чтобы человеку было максимально сложно запрашивать и тем более получать убежище и статус беженца.

Перейдем к мусульманам, которых многие готовы воспринимать или изображать как социальную группу со склонностью к терроризму или со склонностью ущемлять права женщин. Фактически мы наблюдаем дискриминационную политику, мы наблюдаем тревожащие нас тенденции в средствах массовой информации, как в традиционных, так и в частных.

Мы слышим слова о необходимости укрепления границ, о том, что нам нужен патриотизм, мы видим, как укрепляются ксенофобские тенденции.

*Пятнадцать лет назад был зафиксирован  
иной, чем сейчас, статус женщины,  
пятнадцать лет назад не был  
зафиксирован запрет бить детей.*

*Европейская Конвенция по защите прав  
человека – это эволюционирующий живой  
документ*

---

Следующий вопрос: равенство полов и права женщин. Популисты на правом фланге стремятся сопротивляться правам женщин, в том числе праву на аборт, праву на свободу выбора. Такая же ситуация за океаном. Господин Трамп вообще попытался исключить понятие пола из многих международных документов по правам человека.

Права ЛГБТ-сообщества. Российская специфика состоит в том, чтобы противопоставлять права ребенка и права ЛГБТ-сообщества. В этом в значительной степени преуспело российское правительство, оно придерживается такой риторики: мы ни в коем случае не против гомосексуализма, мы лишь выступаем за права детей. И таких примеров очень много.

За время моего пребывания на посту комиссара по правам человека мы прошли через несколько кризисов в гуманитарной сфере, последствия которых будут ощущаться на протяжении многих лет. Во-первых, экономический кризис, которые не мог не отразиться на многих странах — от Испании, Португалии, Италии, Хорватии и Кипра до Прибалтики и стран Северной Европы. Экономический кризис привел к эрозии в сфере различных прав, и не только социальных и экономических, но и в сфере равенства. Кто пострадал сильнее всего от финансового кризиса? Дети, пожилые люди, социально уязвимые группы. И это общая ситуация для всех стран, в которых я побывал.

Важно сказать о доступности правосудия, которая сильно уменьшилась из-за повышения судебных издержек, сужения бюджетов судов, и это в то время, когда гражданам как никогда требуется равный и справедливый доступ к правосудию.

Такая же ситуация с доступом к медицинским услугам, вообще со здравоохранением. Взять, например, психиатрические лечебницы, где из-за сокращения персонала, сокращения бюджетов мы стали свидетелями совершенно непопустительного обращения с пациентами.

Десятки тысяч погибших на Украине — гуманитарная катастрофа в сердце Европы. На востоке Украины мы наблюдаем это полное поражение в правах значительной части граждан, мы видим дискриминацию этнических групп, в частности татар, на которых навешивают ярлык экстремистов. Я полагаю, что в ближайшие десятилетия мы увидим десятки тысяч исков, связанных с нарушением прав на собственность и т.д.

Я однажды встречался с так называемым министром внутренних дел Донецкой республики. И причина, по которой он со мной встретился, состояла в том, что он пытался для себя выяснить, как можно насолить Киеву, подавая иски в Европейский суд по правам человека. Разумеется, этот конфликт привел к гибридной войне, как ее сейчас называют, и к взаимным волнам санкций, обвинений, и конца этому не видно.

Начиная с 2015 года нарастает иммиграция. И мы видим, что меры, которые принимаются для оказания помощи на побережье Средиземного моря, совершенно не адекватны спросу. Но почему вообще ситуация на Средиземном море воспринимается как локальная итальянская или греческая проблема, почему Италия и Греция не получают достаточной помощи от Европейского союза?

Что же было предпринято? Было принято решение заплатить власть предрержащим Турции, Ливии или Марокко, для того чтобы эти правительства не позволяли иммигрантам проникать в Европу. И это ставит под сомнение всю Шенгенскую систему. Берет верх ошибочное представление (и Дания тут в авангарде), что люди не станут стремиться в Европу, если сделать их жизнь здесь тяжелой: не давать им пособий, не помогать им, не позволять соединяться семьям.

Терроризм. Тема не нова и хорошо известна всем, от Ирландии и Испании до России. Но в последние годы мы видим новую волну террористических актов, которые совпали с кризисом иммиграции, что подняло антимусульманскую риторику на беспрецедентный уровень. И мы видим, как после терактов колоссальным образом возросли жалобы на проверки по национальному и религиозному признаку, на так называемый скрининг. Граждане жалуются на унижения со стороны властей. Подобная государственная политика приводит к ограничению деятельности разного рода ассоциаций, к ограничению разного рода гражданских свобод.

Ну и наконец, у нас есть национальный уровень. Здесь обычно называют пять стран, и я тоже остановлюсь на этом списке.

Первая — Россия. Одно из серьезных обстоятельств, с которым мне пришлось встретиться, когда я стал комиссаром по правам человека



*Христо. Окруженные острова. 1983*

Совета Европы, это, конечно, закон об иностранных агентах и репрессивное законодательство в целом, принятое в эти годы. В мое первое посещение России в 2012 году я наблюдал массовые репрессивные проверки, направленные против неправительственных организаций, вследствие чего эти организации вынуждены были сражаться с государственной машиной. Мы провели анализ законотворчества и судебной практики и пришли к выводу, что суды весьма вольно трактовали и без того репрессивное законодательство. Сегодня мы наблюдаем еще большее ужесточение этой ситуации. Помимо уведомлений российские организации должны теперь получать разрешительную документацию.

Снижается свобода слова в интернете, гомофобия выходит фактически на уровень государственной политики. Мы видим это на примере ряда законодательных актов, которые фактически разжигают ненависть к представителям сексуальных меньшинств.

Еще опаснее меры, принятые в 2014 году. Теперь Конституционный суд может решать, выполнять или нет постановления Европейского суда. Подумайте, что произошло бы, если каждая из стран разрешила бы такой подход. Система пришла бы к коллапсу. К счастью, пока Конституционный суд России не заходил слишком далеко.

Северный Кавказ, и прежде всего Чечня, — зона, свободная от прав человека. Достаточно вспомнить недавнюю атаку против геев, а также против журналистов, против защитников прав человека.

Страна номер два — Азербайджан. Очень часто она берет пример с России, а иногда выдумывает собственные рецепты несоблюдения

прав. Я лично считаю, что было совершенно неправильно давать Азербайджану председательствовать в Совете Европы. На тот момент у них были политические узники. Некоторые из них эмигрировали, но другие по-прежнему в тюрьме. Есть и те, кто был вынужден отказаться от своей правозащитной деятельности. В Европейском суде по правам человека очень много дел ждут рассмотрения, и лидирует 18-я статья (пределы использования ограничений в отношении прав).

Номер три — Турция. Это просто катастрофа сейчас! На юго-востоке огромный кризис, о котором мало известно в мире. Власти, по сути, бомбили селения, чтобы освободить их от курдских террористов. Размах разрушений был огромным. ООН воспользовалась снимками со спутников, которые показывали бомбардировки городских районов Юго-Восточной Турции. Целые кварталы сводили под ноль под предлогом убийства террористов.

В Турции в заключении находится больше журналистов, чем в Китае. Это поразительно! Также сидят многие оппозиционные политики, а независимость судов буквально уничтожена. Изменения были закреплены самой конституцией страны, которую приняли после референдума, проходившего с большим количеством грубых нарушений.

Венгрия и Польша. В этих странах последние несколько лет идет систематическое разрушение судебной системы. Как и в России, введены и действуют ограничения на деятельность НКО, а государственные телевизионные каналы стали просто каналами пропаганды.

Если в Венгрии это пропаганда против иммигрантов и против Сороса, то в Польше это война с судами, с собственной судебной системой. Таким образом, одна из ветвей власти ведет кампанию против другой, рассказывая, насколько та прогнила и испорчена коррупцией. Идет наступление на права женщин. Думаю, вы помните марши женщин, когда тысячи выходили против ограничения репродуктивных и сексуальных прав. Огромное давление оказывается на женские НКО: они буквально находятся на передовой.

Конечно, этими пятью странами печальный список не ограничивается, но в фокусе моего внимания были именно они.

Перейдем к кризису в организациях. Многие страны открыто не подчиняются Европейскому суду или всячески затягивают исполнение решений суда. Здесь среди лидеров Россия, Молдова и Украина.

Россия была единственной страной, которая открыто отказалась от сотрудничества со мной и моими коллегами. В других странах говорили, что не станут нас слушать или что Венецианская комиссия (Европейская комиссия за демократию через право) занимается просто политическим туризмом.

Что касается бюджетов. Россия выплатила все задолженности по взносам в Совет Европы, но я думаю, что денежный вопрос еще не закрыт,



потому что государства-члены не хотят учитывать инфляцию. Бюджет по факту становится меньше. Был большой коррупционный скандал на Парламентской ассамблее, связанный с лоббированием интересов Азербайджана. И есть также спор об участии российской делегации после того, как она не исполнила ни одного из условий, которое выставила Парламентская ассамблея. В Страсбурге просто бойкотируют пленарные заседания.

У ОБСЕ, по моему мнению, внутренние процедуры совершенно дисфункциональны. Например, одна единственная страна может заблокировать решения по бюджету. Также одна-единственная страна может заблокировать назначение кандидата на высокий пост. Около трех лет назад в ОБСЕ должны были выбрать руководство. И они не смогли договориться по кандидатам и голосовали пакетом. Представьте себе, если бы Совет Европы не смог выбрать генерального секретаря или председателя Конгресса местных и региональных властей. Это политика, которая просто уничтожает идею и систему прав человека.

ЕС. Я уже говорил, что для Шенгенской зоны есть определенные угрозы. Но и зона евро в опасности. Посмотрите, Италия еле-еле выжила, у нас есть брекзит, у нас есть разбитый скептиками Европейский парламент. И вопрос с точки зрения политики такой: сможет ли ЕС выжить, если в его состав входят недемократичные государства-члены? Я считаю, что, если авторитарные режимы Польши и Венгрии укрепятся, они поставят под удар весь европейский проект.

Что же делать организациям? Нам нужно говорить о социально-экономических правах. Нам нужно говорить о равенстве, избегая при этом популизма. Нам нужно лучше коммуницировать. Наши доклады и отчеты очень скучны, их никто не читает. Нам нужно научиться пользоваться социальными сетями. Мы должны охватить новые аудитории, ведь мы говорим сами с собой. У нас должны быть новые формы участия, например местные референдумы. Ведь расцвет популизма показал, что люди желают участвовать, им интересна общественная жизнь. Поэтому надо их привлекать. Сработает ли это? Не знаю, я немного скептик в этом отношении.

Сама система прав человека была построена на пепелище Второй мировой войны. Люди сами не хотели больше войны, геноцида, диктатуры. Мы ездили по странам, разговаривали и с популистами, и с простыми людьми. Теперь они не боятся геноцида, они боятся иммиграции, террористов, экономической неопределенности. Поэтому мы должны по-другому изложить историю прав человека, изменить наше повествование так, чтобы ответить на волнующие вопросы, актуальные сейчас.

Популисты, наверное, такими и останутся. Есть прекрасная книжка Роджера Итуэлла и Мэтью Гудвина «Национал-популизм: Восстание

против либеральной демократии», в которой среди прочего дан долгосрочный прогноз. Главный вывод книги в том, что популисты никуда не уйдут. Будут подъемы и падения, но они точно останутся.

И я беспокоюсь о долгосрочных последствиях экономического кризиса. Самой страшной бедой всегда считался детский голод, проблемы со здоровьем и безработица молодежи, потому что эти вещи оказывают огромное воздействие на пострадавшее поколение. Это не те проблемы, которые можно решить за день или за год. Дети, которые голодают сегодня, будут помнить об этом всю жизнь.

Кризис, который мы наблюдаем, очень серьезен. Есть пара ключевых вопросов. Как поведут себя страны, придерживающиеся либеральной концепции прав человека? Как они будут реагировать на решения стран, уходящих от прав человека? Есть разные примеры, в том числе и вполне позитивные. Например, Нидерланды в ответ на решение Трампа урезать финансирование организациям, занимающимся вопросами планирования семьи, то есть дающим среди прочего консультации по контрацепции и абортам, приняли решение создать новый фонд, который будет финансировать эту работу.

Но устоит ли система в целом, справится ли она с новыми вызовами? Например, как будет решаться глобальный вопрос изменения климата? А он явно пересекается с правами человека — с правом на жизнь, с правом на здоровье. Как система будет справляться с новой реальностью искусственного интеллекта?

А интересно ли это молодому поколению? Интересны ли молодежи права человека, беспокоит ли их война? Если бы я был сейчас молодым человеком, получившим хорошее образование, я бы сидел и играл в компьютерные игры, потому что из-за кризиса не смог бы найти работу. И мне было бы наплевать на Европу. Меня бы интересовало только мое экономическое положение, моя стабильность. Поэтому молодежь нужно заинтересовать вопросами прав человека, вопросами Европы. И это огромный вызов.

## Гражданское образование в истории отечественной общественно-политической мысли

Очерк 3. Просветительская мысль  
второй половины XIX века между  
академической наукой, революционным  
порывом и художественным вымыслом\*



*История ничему не учит, а только  
наказывает за незнание уроков.*

Василий Ключевский

*Александр Согомов,  
ведущий научный сотрудник  
Института социологии  
ФНИСЦ РАН*

**В** предыдущих очерках мы рассматривали утонченную философическую и публицистическую мысль, которая по своему социальному происхождению была преимущественно дворянской. Сейчас же обратимся к тем отечественным интеллектуалам, кто в эпоху великих реформ XIX века выбрал для себя стезю профессионального служения отныне уже в более свободной и открытой России. И кто четко осознавал и никогда не изменял своей общественно-просветительской миссии. Эта новая мысль была не столь жестко привязана к власти, поддерживая или оппонирова ей, и проявляла себя в публичном пространстве куда более независимо, чем ранее. А свободный разум со времени интронизации Александра II действительно становился публичным и вполне автономным, причем не только от внешнего контроля и цензуры, но и от многих других рестрикций деспотизма. Зазор «дозволенности» для независимой мысли существенно расширился, и туда устремились сотни и тысячи независимых умов России.

Писатель Толстой. Философ и социолог Лавров. Историки Соловьев и Ключевский. Все они были яркими и самобытными личностями, высокообразованны-

\* Продолжение. Начало см.: *Общая тетрадь*. 2018. № 3–4 (75); 2019. № 1–2 (76), № 3–4 (77); 2020. № 1 (78).

ми и самостоятельно мыслящими публичными деятелями. Все они стали своеобразными символами великой эпохи масштабных преобразований и одновременно — разочарований. Каждый из них оставил свой уникальный след в истории русской просветительской мысли. И каждый по-прежнему воспринимается мастером своего дела и классиком просветительского жанра.

Надо сказать, что для всего просветительского движения 1861 год был во всех смыслах переломным. Он буквально спутал все карты. Казалось бы, главная цель просветителей первой половины XIX века была достигнута. Крепостное право упразднено, страна встала на путь глубинной модернизации, а широкомасштабным реформам был дан старт. Все это было принципиально значимо для ранних просветителей. И вот оно свершилось. Причем, что было особенно важно, с соизволения самого императора. Время зримых перемен сменило собой затянувшийся период николаевского застоя.

Империя, как казалось тогда многим, впервые вздохнула более или менее свободно. Но, увы, русским просветителям не становилось от этого более радостно, большинство из них так и не увидело принципиальных перемен в стране, а по многим магистральным направлениям они констатировали даже ухудшение ситуации. Так уже случилось в отечественной общественной мысли, когда долгожданное и вот наконец-то свершившееся явление разочаровывало историю страны по непредсказуемому для всех сценарию. Вызывало гнев и фрустрацию прежде всего у тех, кто еще накануне смены вех считались лидерами общественного мнения и главными инициаторами перемен.

Пореформенное просветительство в России тоже пошло неожиданным путем для современников. Во-первых, веры в просвещенную монархию заметно поубавилось, хоть это было несправедливо в случае с Александром II. Следовательно, и главная задача старого образца — максимально просветить императора, подвигнув его на реформы и конституционализм, была, хоть и не полностью, но все же снята с повестки дня. Во-вторых, главные протагонисты на просветительском поприще России стали формулировать свои цели и миссии непредсказуемо и неповторимо, исходя из своих профессиональных интересов, а также сугубо личных представлений об общественной пользе, гражданине и гражданственности в целом.

Более или менее ясная для предшествующего поколения просветителей развилка между западничеством и славянофильством была частично преодолена усилием коллективной мысли. И уже в третьей четверти XIX века просветительский мир империи множился яркими участниками и самобытными идейными направлениями, пусть даже и находившимися формально в форватере спора славянофилов и западников. Кроме того, начавшееся революционное движение перехлестывало контрольной все прошлые успехи просветительства, продуцируя в актуальном настоящем поздней империи серьезные вызовы для поступательно-эволюционного развития страны.

Одним словом, просветительское движение в пореформенной России внутри самого себя становилось гораздо более конфликтным, чем даже во времена Николая I. Усложнение общества, новые социально-политические реалии и

плюрализм общественной мысли во второй половине XIX века ставили перед третьей волной просветительства невероятно сложные задачи. И решались они тогда весьма нестандартно, а порой и очень неожиданно. Хотя, конечно же, поздние просветители свою духовную связь с предшественниками никогда не прерывали и находились с ними во внутреннем и воображаемом диалоге, полемизировали или развивали их идеи.

Империя под занавес XIX века развивается удивительную и мало предсказуемую по накалу страстей театрализацию просвещения и гражданственности.

### **Сергей Михайлович Соловьев. Просвещение через историчность**

Центральной фигурой в русской университетской науке всего XIX столетия, безусловно, был С.М. Соловьев (1820–1879). Однако советская историография относилась к нему с недоверием, хотя и не могла отрицать его вклада в развитие отечественной исторической науки. Соловьева именовали «буржуазным» историком. И к нему можно было апеллировать, когда речь шла об анализе отдельных фактов или событий, но его концептуальные построения в обязательном порядке должны были подвергаться критике с марксистских позиций. Поэтому его многотомная «История России» в дореволюционные времена XX века была доступна лишь узкому кругу читателей, представлявших научно-академическую среду, но так и не стала просветительским изданием, рассчитанным на широкую публику<sup>1</sup>.



*С.М. Соловьев, профессор русской истории.  
Фото из альбома профессоров  
Императорского Московского университета.  
1861*

Впрочем, как ни пытались власти заретушировать его научные «следы» в исторической науке и университетском преподавании, с высоты времени отчетливо видно, что так или иначе, но именно соловьевская периодизация русской истории оставалась незыблемой даже в самые сложные идеологические времена советского тоталитаризма. Удивительно, что только в 1980 году выходит первая научная монография, посвященная его жизни и творчеству, в которой, правда, наряду с восторженными оценками академических и профессионально-этических достижений и личностных качеств Соловьева, его наследие по-прежнему рассматривалось сквозь призму классового подхода<sup>2</sup>.

Жизненный путь Соловьева был до такой степени прозрачным и очевидным, что его вполне можно изучать в

качестве образца модельной биографии современного ученого. Обозначим его пунктирно. Родился в весьма небогатой семье церковного служащего. Умственные таланты проявились в раннем детстве. Отличная учеба в школе, блестящие результаты в университете. Европейская стажировка на деньги главного университетского попечителя. Знакомство с передовой западной наукой и культурой. Университетская кафедра, защита докторской диссертации и профессорство в 27 лет. Быстро растущая известность и популярность, причем не только в научных кругах. Казалось бы, что могло воспрепятствовать тому, чтобы продолжить это триумфальное восхождение на академический Олимп в согласии с официально признанной властями исторической доксой? Пожалуй, ничего. Однако все в жизни Соловьева складывалось нелинейно.

Соловьеву действительно суждено было стать реформатором. Он хоть и достиг самых вершин в университетской карьере, тем не менее это далось ему чрезвычайно тяжело. А чиновничье сопротивление и препятствия, которые создавали коллеги по академическому цеху, казались временами непосильной ношей.

И все же, несмотря на непродолжительную жизнь, Соловьев смог совершить невероятное. Вопреки всем министерским запретам и бюрократическим препонам он был первым, кто превратил русскую историю в подлинно публичное и открытое для народного просвещения «общее знание». Выход в свет каждого тома его российской истории был событием всероссийского масштаба. С ее помощью он учил думать не одно подрастающее поколение сту-

дентов Московского университета, побуждал размышлять над истиной, искать связи между разрозненными фактами отечественного и мирового прошлого. Именно ему суждено было сесть в кресло ректора университета и впоследствии избраться в академики, что для пытливого и свободного ума России в то время было случаем абсолютно уникальным.

Однако все же не его высокие регалии и бесконечная череда исторических публикаций важны были в XIX веке и остаются ценными для нас поныне. Соловьев придал истории свежий публично-просветительский статус. Он первым нанес серьезное, пусть еще и не сокрушительное, поражение застывшей во времени николаевской России исторической доксе. Отчасти отверг Карамзина, хоть и безмерно восторгался им в юности. Главное же, Соловьев извлек историю из академических кабинетов и университетских аудиторий, утвердил незыблемое право народа на знание своего аутентичного прошлого. Но знания особого свойства. Его Соловьев предпочитал именовать *историчностью*.

Свой концептуальный труд «Наблюдения над исторической жизнью народов» (1868) он начинает со ставшей впоследствии канонической формулы предназначения истории в просветительских целях. Он утверждает, что история «первоначально есть наука народного самопознания... но самый лучший способ для народа познать самого себя — это познать другие народы и сравнить себя с ними; познать же другие народы можно только посредством познания их истории. Познание это тем обширнее и яснее, чем большее число народов становится предметом позна-

ния, и, естественно, рождается потребность достигнуть полноты знания, изучить историю всех народов, сошедших с исторической сцены и продолжающих на ней действовать, изучить историю всего человечества, и, таким образом, история становится наукою самопознания для целого человечества»<sup>3</sup>. Для Соловьева все это не пустые и не возвышенно-пафосные слова, а апология истории как позитивной публичной науки, действующей в интересах народного просвещения, осуществляемого, в свою очередь, через познание *опыта прошлого всего человечества*.

Будучи студентом, Соловьев тяготел к славянофильству и даже печатался в славянофильских изданиях. Но вскоре стал симпатизировать западникам. А активное участие в университетском кружке Т.Н. Грановского сделало его на всю жизнь последовательным западником, сторонником универсализма в трактовке ценностной и институциональной природы современных обществ, гражданской культуры и поборником западной модели просвещения. Возможно, что те два года жизни, которые он провел в Европе (1842–1844), окончательно укрепили его в этом мировоззренческом выборе, хотя, судя по его воспоминаниям, он скорее становился западником под влиянием ярких отечественных и лишь отчасти зарубежных мыслителей, а не личного знакомства с западной организацией общественной жизни.

В.О. Ключевский уже после его кончины вспоминал, каким был Соловьев как Учитель. Оратором он был без лишнего

красноречия, речь его была лишена изысков. Он не смотрел на слушателей, вещая перед ними, слегка прикрыв глаза. Соловьев как будто бы говорил свои лекции. «Он именно *говорил*, а не *читал*, и говорил отрывисто, точно резал свою мысль». И далее: «Чтение

*Вопреки всем министерским запретам  
и бюрократическим препонам он был  
первым, кто превратил русскую историю  
в подлинно публичное и открытое для  
народного просвещения «общее знание»*

---

Соловьева не трогало и не пленяло, не било ни на чувства, ни на воображение, но оно заставляло размышлять»<sup>4</sup>. Соловьев отверг для себя модель профессора как искусного ратора, предпочитая в студенческой аудитории размышлять вслух, как если бы он находился в своем личном кабинете. Его учебную методiku все тот же Ключевский емко определил как «говорящее размышление». И именно этот нарративный стиль всю свою жизнь Соловьев пытался превратить в публичный жанр.

Для эволюции отечественной просветительской дидактики Соловьев знаменует своим творчеством важный шаг вперед, приведший к полному разрыву с романтизмом в просвещении. Прежде всего с Карамзиным, хотя и не только с ним. Он ударил по *чувственному историзму*, предпочитая ему научный и объективный поиск. Не принял Соловьев и дидактики воображения Белинского. А ведь русский критик еще совсем недавно публично настаивал на важности истории именно для развития гражданского вообра-



*Преподобный Дионисий архимандрит Радонежский.  
Икона из ризницы Свято-Троицкой Сергиевой лавры*

жения. И был, видимо, не понят до конца своими современниками. Соловьеву весь этот пафос казался ненужным, а возможно, даже и вредоносным. Его подход для формирования гражданского сознания был чисто по-

зитивистским: думать, знать, размышлять через исторический опыт. Легкость речи отражала его ясность ума. Причем ясность рождалась не сама по себе, а в результате тщательного и взвешенного анализа фактов.



Все лишнее им отметалось, во главу угла ставились связи между историческими событиями. Развивая свою идею о гармонии мысли и слова у Соловьева, Ключевский особо подчеркивал, что у него «слово было всегда по росту мысли»<sup>5</sup>. Как же он этого достигал? Нонконформизмом в мысли, жесточайшей логикой и умением подчинить факты идеям. То есть предложил *заменить историческую доксу на историчность*. И соответственно, романтическое чувство на научный смысл о прошлом. Гражданам реформируемой империи, его современникам, важен был независимый и критический ум, а не подчинение навязываемым извне державным или оппозиционным режиму эмоциям и аффектам. А стране в целом — *автономные* образовательно-просветительские институты (университеты первым делом), а не прислуживание «высоким» интересам власти.

Историчность в мастерском исполнении Соловьева означала такое нарративное повествование, при котором он «не давал слушателю ни одного крупного факта, не озарив его светом этих идей»<sup>6</sup>. Исторический поток течет не спонтанно, а по руслу заданной автором исторической логики. Соловьев был настолько целостным и системным в своем мышлении, что, как писал все тот же Ключевский, «ни одно явление не смущало его мысли своей неожиданностью или случайностью»; в его глазах «историческая жизнь не только двигалась, но и размышляла, сама оправдывала свое движение»<sup>7</sup>.

Парадоксальным образом именно бесстрастному и умиротворенному своим научным творчеством историку Соло-

вьеву впервые в истории отечественной мысли России удалось в просветительстве *сочетать прагматический и моралистический подходы*. Историчность для него значила, с одной стороны, нечто надындивидуальное и закономерное в исторической жизни. Его любимыми словами на лекциях не случайно были «естественно и необходимо». И повторял он их постоянно, как рефрен к теме закономерностей эволюционного развития, цивилизационного взросления народов.

В то же время, пишет Ключевский, он был историком-моралистом и поэтому во всех явлениях людской жизни видел руку Немезиды, подобно тому как в древних летописях проявляло себя «знамение правды божией». Ключевский очень точно подмечает, что в этом не было никакого научного греха, ибо моралистика Соловьева была все той же позитивистской прагматикой, только обращенной к современникам своей нравственной стороной<sup>8</sup>. И в этом смысле публичное выступление Соловьева как бы одновременно содержало в себе *лекцию и урок*. В первом он препарировал прошлое, отвечая на вопрос, что бы все это значило. Вторым — повествуя о том, что было, выносил прошлому и его действующим лицам нравственные вердикты.

Свою просветительскую философию Соловьев строил на дидактическом допущении перекрестного рассмотрения исторических явлений, как сквозь призму причинно-следственных связей, так одновременно — добра и зла, нравственных помыслов и воздействий. Новый гражданский порядок, принципы и ценности которого исповедовал Соловьев, предполагал «жерт-

ву», которую в обязательном порядке совершает человек во имя интересов общего. Частный интерес допустим и нормативен, если только члены гражданского общества осознают свои обязанности в отношении других людей и социальных интересов в целом. Ковалевский пересказывает мысль западника Соловьева о судьбе мировой цивилизации, важную для понимания его просветительской позиции, словами самого же историка: «европейское качество всегда торжествовало над азиатским количеством». А это качество состояло в «перевесе сил нравственных над материальными». И величие древней Руси, по мнению Соловьева, заключалось в осознании своих *несовершенств*, «в сбережении ею способности не мириться со злом, в искреннем и горячем искании выхода в положение лучшее посредством просвещения»<sup>9</sup>. Живые свидетельства, воспоминания и научные сочинения Соловьева, в особенности его «Записки»<sup>10</sup>, позволяют нам сделать несколько важных комментариев относительно нескольких весьма расхожих мифов о нем и его творчестве:

1. Великий историк не был ни бунтарем против научного истеблишмента, ни вольнодумцем в старорежимном смысле слова, хотя, очевидно, стал самым крупным реформатором исторической науки в XIX веке.
2. Во имя интересов университета он часто шел на компромиссы, но эти поступки не были «делками с совестью», и за них он страдал неоднократно.
3. Вызов, брошенный им Карамзину, скорее был чистым протестом против романтизма в науке, нежели чем-то личным по отношению к отцу-основателю отечественной историографии.

4. Соловьева обычно причисляют к историкам-этатистам и русским гегельянцам, то есть к тому кругу ученых, кто был сосредоточен лишь на изучении процессов генезиса и восхождения государства<sup>11</sup>. Он, действительно, не считал для себя возможным, подобно Карамзину, мыслить отечественное прошлое лишь через жизнь и деяния правителей. Но так может ошибочно показаться, ознакомившись, к примеру, с его «Учебной книгой по русской истории», выдержавшей более десятка изданий до 1917 года, в дореволюционный период, где в основу последовательной эволюции страны Соловьевым был положен именно персонально-династический принцип. Но в отличие от представителей чистого этатизма он не склонен был противопоставлять «народ» и «государство».

5. Смысл российской истории не сводился им лишь к теме генезиса и победы российского государства над архаическими, прежде всего родовыми формами социальности и политического устройства. Соловьев был последовательным западником, институционалистом и универсалистом в глубинных значениях этих понятий. И поэтому всякое его публичное размышление об исторической логике торжества модернистских институтов, в том числе и государства, избавляло Соловьева от необходимости оппонировать всем мифотворцам и псевдоидеологам, спекулировавшим в середине XIX века на теме уникальности исторического пути России («особый путь»).

Впрочем, не так все было однозначно в его жизни и творчестве, как, может быть, нам, потомкам, хотелось бы. Соловьев был сложным и порой весь-

ма парадоксальным мыслителем, а соответственно, совсем непростым для корректного понимания русским просветителем. Его современники, за редкими исключениями, относились к нему с известной опаской. Либералы были недовольны его пафосом русской государственности и опорой на патриотическое чувство в историко-просветительской деятельности; консерваторы считали его опасным «прогрессистом».

В научном же сочинительстве его мысль порой обгоняла самого автора, а иногда была, напротив, чрезмерно дисциплинированной. Обратимся в качестве иллюстрации к двум из его самых известных сочинений, принципиальным образом повлиявшим на развитие гражданского просвещения в России. Слово «просвещение» довольно часто встречается в текстах Соловьева. Исторический прогресс он соизмерял не только с развитостью государства и его институтов, но также с просвещенностью граждан, полагая, что одно исторически не могло развиваться в отрыве от другого. В этом смысле, не употребляя самого термина, Соловьев впервые в отечественной истории мысли стал развивать идею о становлении нации-государства в качестве центральной для научного анализа и в целях просвещения гражданского общества.

Соловьев, как историк-компаративист, считал, что в истории все взаимосвязано, «ничто не начинается вдруг». Все народы мира проходят в своей эволюции два этапа: на первом, младенческом, преобладают «чувства», на вто-

ром, зрелом, — «мысли». Соответственно, судьба народов на первом этапе определялась родовыми отношениями, на втором — просвещением и государственностью<sup>12</sup>. И именно на втором этапе у любого народа рождается главный вопрос для его гражданского само-

*Соловьев полагал неуместными и чрезмерную похвалу, и неумеренное порицание в адрес великих исторических фигур. А избежать этого историку помогают христианская вера и наука*

познания: насколько разумно или неразумно существующее?<sup>13</sup>

Просветители поэтому должны были нести людям гражданский свет и правду, не ограничиваясь, как писали в старину, только лишь «хитростью грамматической и философством книжным». Просвещение, в том числе и первоначально исходящее от духовенства, в трактовке Соловьева делало из толпы осмысленное и способное на согласованные действия сообщество. Для него «непросвещенность» была равнозначна негражданскому состоянию социума. А лучшим периодом истории, демонстрирующим этот качественный переход, Соловьев считал годы смуты (1598–1613): именно тогда самым яростным образом столкнулись оба состояния российского общества.

В этой связи молодой Соловьев публикует небольшую в сравнении с другими его сочинениями статью «Русские исповедники просвещения в XVII веке»<sup>14</sup>. Она написана живым высокохудожественным языком, и, видимо, сам автор воспринимал ее скорее как бел-

летристическое произведение. Главный герой статьи — архимандрит Троицко-Сергиевской лавры Дионисий, впавший в немилость и перенесший страшные физические и моральные истязания в своем сопротивлении непросвещенности масс и правителей. Время действия — годы Смуты начала XVII столетия. Соловьев описывает удивительный феномен того догражданского состояния русского общества, когда его лидерами становились люди, приметные голосом и внешним видом, а не своими духовными или умственными качествами. Они именовались горланами (мужики-горланы) и весьма умело манипулировали толпой, ее настроениями и направленностью коллективных действий. Но, утверждает Соловьев, это вовсе не сопоставимо с современным управлением общественным мнением из-за отсутствия такового в то время. Горланы были весьма популярными в народе и очень умелыми в деле организации смуты. По сути, эта статья Соловьева как раз и дает нам картину того контекста, в котором зарождалось русское просветительство, тогда еще, разумеется, тесно связанное с православным реформаторством, и анализ *гражданского подвига*, необходимого для того, чтобы сдвинуть сознание «бессмысленной толпы» в сторону духовности и гражданской образованности.

Уже в этом относительно раннем тексте Соловьев пытался решить для себя проблему роли личности в русской истории, хотя «деятели» и «народ» представлены им еще довольно аморфно. Но и тогда, и позже Соловьев старался уйти от однозначного и наивного разрешения этой дилеммы. Более того, в отличие от всех своих предшественни-

ков, он, избегая крайностей, не возвышал и не принижал историческую личность. Об этом он пишет во вводных абзацах своих публичных чтений о Петре I. Соловьев полагал неуместными и чрезмерную похвалу, и неумеренное порицание в адрес великих исторических фигур. А избежать этого историку помогают христианская вера и наука.

Как и следовало ожидать, Соловьев на закате своей научной карьеры привлекает публичное внимание к главной исторической теме всего отечественного просветительства XIX века — деяниям Петра Великого и их значению в развитии страны. 1872-й юбилейный год — 200-летие со дня рождения царя-реформатора — послужил хорошим поводом, как для составления им полновесного цикла лекций, так и для их публичного чтения в Москве в зале Благородного собрания<sup>15</sup>. Этот цикл был не просто образовательным по своим задачам, но скорее широким просветительским проектом маститого и уже пожилого ученого, который обращался к русскому образованному обществу с характерным для его стиля мышления нетривиальным вопросом: а *что*, собственно говоря, мы празднуем?

«Чтение первое» отчетливо проясняет нам эту просветительскую повестку. Важнейшей обязанностью просвещенного общества Соловьев считал проникновение в подлинные смыслы прошлого и деятельность великих личностей в том числе. Необходимо разумное отношение к историческому явлению, не нужно «подчиняться ему безотчетно». Мало понимать значение деятельности великих людей, важно осознать *свое* к ней отношение, ее результатам, определиться с тем, какой эффект она



Соловьев С.М.  
*Общедоступные чтения о русской истории, 1874. Титульный лист*

произвела и какова ее роль для настоящего и будущего. Без всего этого, утверждает Соловьев, «праздник будет праздным». Но ведь «200 лет... русский человек думал о Петре, думал постоянно: что же он надумал?».

В своем вступлении Соловьев предельно емко определяет, что значит быть великим человеком в истории. Это, безусловно, человек, начавший некое мощное историческое движение, по имени которого потомки знают и именуют все его время. В ранние исторические эпохи, в «младенческих» обществах, когда люди были движимы только чувствами и воображением, для них такие великие деятели были сверхъестественными существами, полубогами.

Они обладали мощью и силой, не имевшей отношения к своему времени и своему народу. Они руководствовались волей и действовали по произволу. Народ подчинялся им слепо и «страдательно носил на себе все следствия их деятельности»<sup>16</sup>. Таким великим принадлежал почин во всем, и творили они историю средствами своей сверхъестественной природы.

И тут мы обнаруживаем у Соловьева парадокс, вполне соответствующий духу его мысли: христианство и наука дают нам возможность освободиться от такого представления о великих людях. *В просвещении вера и знание неразлучны!* Христианская вера запрещает нам верить в полубогов; научное знание

позволяет вскрыть самую суть исторического процесса и законов, по которым народы развиваются. Поэтому во «взрослом» обществе великими становятся лишь те, кто одарен наибольшими способностями и оказывает народу наибольшую услугу. Они «яснее других сознают потребность времени, необходимость известных перемен... при таком переходе народа от одного порядка жизни своей к другому»<sup>17</sup>. Как все люди, они тоже ошибаются, и ошибки их тем виднее, чем виднее их деятельность. Признательные же народы величают именно таких людей «великими и благодетелями своими». Одним словом, великий человек — сын своего времени и своего народа. Да, «он теряет свое сверхъестественное значение, его деятельность теряет характер случайности, произвола». И он становится *выразителем народной мысли*. Он выводит свой народ на новую дорогу, необходимую для продолжения его исторической жизни. Казалось бы, чем это отличается от известного для всей второй половины XIX века нарратива о «героях и героическом в истории»<sup>18</sup>? Безусловно, напоминает, но лишь отчасти. Такая трактовка величия исторической личности приводит Соловьева к несколько неожиданному для его современников гражданскому выводу. С помощью такого научного взгляда «на значение великого человека и его деятельности высоко понимается сам народ... история является цельной... неподверженной произволу, капризу одного сильного средствами человека, который может... толкнуть народ на другую дорогу вопреки воле народной»<sup>19</sup>. Согласитесь, что в этой цитате прозрачно читается тезис об *амбивалентной взаимозависи-*

*мости* единичной воли и общего народного умонастроения.

У Соловьева познание опыта прошлого, его истинное понимание и выстроенное на этом основании подлинное просвещение, как видим, очень тесно переплетено. И поэтому он не предлагает разрешить дилемму исторической роли личности и народных масс в пользу кого-либо из этой оппозиции. Историческая личность — производная гражданской мысли, народной среды, ожидания перемен. Народ же сам по себе аморфная масса, а исторические и гражданские смыслы его деятельности придают именно великие личности. А посему, вновь подчеркивает Соловьев, академическая наука история может по праву считаться главным инструментом «народного самопознания»<sup>20</sup>.

Казалось бы, все очевидно. Но почему же тогда за прошедшие 200 лет со дня рождения Петра I, вопрошает Соловьев, просвещенный русский ум так часто сталкивался с самыми различными, а подчас и совершенно противоположными оценками его как человека и реформатора?<sup>21</sup> И в очередной раз историк демонстрирует нам всю парадоксальность своего мышления своим ответом: лишь постольку, поскольку долгое время к делу Петра относились *неисторично*, «как в благоговейном уважении к этому делу, так и в порицании его»<sup>22</sup>.

Иными словами, разность взглядов, по мнению историка, напрямую зависела от *незрелости* исторической науки, «от неустановленности основных начал при изучении жизни народов»<sup>23</sup>. И, продолжает Соловьев-универсалист, не так опасны выводы, сделанные на основе неподходящей к русскому про-

шлomu «мерки», сколько его изучение «особняком, не подозревая, что при всем различии своем оно подчиняется общим основным законам, действующим в жизни каждого исторического народа»<sup>24</sup>.

Итак, «приведение Петром России от небытия к бытию было общеупотребительным выражением», но такая оценка лежит за гранью науки и просветительской историчности<sup>25</sup>. Почему? Потому что деятельность одного человека извлекается из жизни целого народа, а многовековая деятельность народа до Петра объявлялась несуществующей. Но «иллюзией» Соловьев именовал также и противоположный взгляд, когда жизнь до Петра трактуется как якобы нравственная и чистая, а пришел Петр и нарушил ее правильное течение. При кажущейся радикальной противоположности двух взглядов, их объединяет, по мысли Соловьева, именно *неисторичность*, а посему и рассматривать их всерьез он не рекомендовал.

Формула историчности эпохи Петра у Соловьева до удивления проста: великий человек совершает только предсказуемые деяния, происходящие из недр народных потребностей; а величина его успеха напрямую зависит от «народного капитала», то есть от того, что он скопил в своей предшествующей жизни. Впрочем, пишет Соловьев, произвол даже сильной и великой личности вряд ли сможет повлиять на ход истории народа-младенца. Великие перемены наступают, когда народ уже прожил долгую и внутренне многотрудную историческую жизнь, коим и был русский народ накануне царствования Петра<sup>26</sup>. И в юбилейный год, по его мнению, это

могло бы означать для историка только одну просветительскую задачу: понять, откуда произошел переворот, который связан с именем Петра Великого, и для чего этот переворот вообще понадобился? Действительно ли он ознаменовал собой вступление русской нации во второй эволюционный возраст, то есть период «господства мысли»?

Соловьеву, просветителю, важно было донести до публики свою, пожалуй, самую сокровенную мысль: в опыте прошлого не следует различать превосходства одной эпохи над другими, как и одного народа над другими. В младенческий исторический период чувств известные предметы люди почитают священными и неприкосновенными; народы требуют постоянства в отношении к ним и поэтому рано или поздно скатываются в фанатизм, а их жизнь обретает черты пагубной неподвижности. Однако и период господства мысли, знаменующий процветанием наук и просвещения, тоже имеет свои темные стороны. Объявляя постоянство отношения суеверным, предрассудочным, свободная мысль одинаково подчиняет себе все, ставит человека в холодное отношение к миру и народам. И тем не менее этот переход из одного возраста в другой есть прогресс.

В этом рассуждении Соловьев выступает откровенным и последовательным западником-универсалистом. Он пишет, что всякий народ, способный к развитию, свое движение начинает *со знакомства с чужим*... «мысль начинает свободно относиться к своему и чужому, отдавать преимущество жизни народов чужих, опередивших в развитии... выведши народ в широкую сферу наблюдений над множеством явлений в разных странах, у разных наро-

дов, в широкую сферу сравнений, соображений и выводов, покинув вопрос о своем и чужом, мысль стремится переставить отношения на новых общих началах». Но когда старые верования и отношения разрушены, а новые «многоразличны» и противоречивы, повсюду раздаются скорбные вопли: «Где же истина?» И наконец следует принципиальный для Соловьева вывод: «Древо познания не есть древо жизни! Червь сомнения подтачивает все! Общество погибает, потому что чувство иссыкает, не умеряет мысль! Ставится страшный вопрос, что выиграл человек, перешедши из одной крайности в другую, променявши суеверие на неверие?»<sup>27</sup>

Соловьев без лишних сомнений признает отставание народов славянских, прежде всего русских, от их романогерманских соседей — длиной приблизительно в два века. Впрочем, это было отставанием, но не отсталостью, акцентирует наше внимание историк. Ему важно было подчеркнуть не столько сам факт отставания, сколько то, что запаздывающее развитие России все равно привело ее к тем же масштабным и глубинным преобразованиям, которые ранее произошли в Европе в XVI–XVII веках. Задержка в развитии была вызвана исключительно внешними обстоятельствами и громадными размерами континентального государства, не защищенного природными границами. Внутренние же условия и духовная культура у европейцев и русских, по мнению Соловьева, были тождественными.

Начало просветительского движения в России Соловьев описывает довольно нетривиально. Он полагал, что уже Иван IV, вопреки расхожему мнению, отчетливо понимал необходимость

просвещения. Но науки в то время можно было получить только из-за моря и первый русский царь действительно хотел призвать иностранных учителей. Однако понимал всю опасность этого действия: «учиться — ведь это значит признать превосходство учителя, подчиниться ему, верить ему, делать так, как он велит, как сам делает, подражать ему... но какое страшное искушение: подчиниться влиянию учителя во всем, исключая одного — веры». Что же было все-таки предпринято и какие имело последствия? «Решено было, что иноверные учителя опасны, и потому лучше послать русских людей учиться за границу, чтобы они по возвращении стали учителями... опасность не уменьшилась: русский человек, лишенный влияния народной среды, совершенно предавался чуждому влиянию. Никто из отправленных не возвратился»<sup>28</sup>. Но движение началось, и прежде всего в лоне церкви. Книгопечатание и приезд иноземных монахов и теологов лишь добавили этому процессу ускорение.

Прогресс был налицо: мысль была разбужена и возбуждена религиозными вопросами. «Богословские споры овладели вниманием общества... иезуитов выгнали... но опасность не уменьшилась». Раскол стал неизбежностью. Духовенство находилось меж двух огней: одни, как пишет Соловьев, «из своих» отвергли официальную церковь из-за отступничества от старой веры и склонности к еретичеству; другие, но уже иные «свои же», обвинили ее в отсталости и неспособности сопротивляться внешнему давлению. «Единственное средство выйти из этого затруднительного положения состояло в том, чтоб выйти вместе с народом на новую



дорогу, приобрести могущество знания»<sup>29</sup>.

Просвещение в России, иными словами, согласно Соловьеву, приходит *осознанно и вынужденно*. С одной стороны, новое могущество знания необходимо было для общественного транзита на вторую эволюционную стадию исторического развития (в терминологии историка — на «второй возраст»), чтобы стать в один ряд с другими европейскими нациями. С другой, знание нужно было для борьбы с людьми, желавшими остаться «при старом начале во всей его исключительности, односторонности». Мысль должна была наконец-то умерить чувства и суеверия, привести к отказу от фанатического утверждения «превосходства своего над чужим». И в конечном итоге «необходимость науки была осознана и провозглашена торжественно»<sup>30</sup>.

Но не все так просто и гладко у Соловьева. Он полагал, что более или менее свободная мобильность русских людей на Запад и обратно в Россию помогла им оценить могущество знания, ибо за рубежом они воочию увидели «перед собой врагов своей веры, своей народности, вооруженных могуществом науки». И поэтому осознание нужды в просвещении явилось русским как «поспешность... вооружиться этим могуществом, чтоб бороться с врагами равным оружием», а сама дорога за науками необходима была, «чтоб сделать Россию богатой и сильной, чтоб дать ей почетное место среди народов»<sup>31</sup>. Соловьев исключает личностную детерминанту в историческом обосновании реформ и просвещения, и выводит их именно из общественной потребности народа, вставшего на путь



96-Венчание на царство Ивана Грозного.  
Лицевой летописный свод. 1568—1576 годы

гражданского строительства; донести это до широкой публики с такой ясностью и откровенностью изложения пока еще не удавалось никому из русских мыслителей.

Однако Соловьев все-таки не принял западную науку в одностороннем порядке, ибо полагал, что она хоть и есть великое могущество и благодетельница народов, но сама по себе не способна «умерить гордыню знания и алчность пытливого разума». И следовательно, наука должна быть уравновешена чувством, которое, собственно, и определяет, «где оканчивается область знания и где начинается область веры». Пони-

мание подлинного просвещения как баланса знания и веры приводит Соловьева к авторской трактовке сути гражданского образования: наука и православная вера не исключают друг друга и никогда не являлись в истории России противоборствующими идеологическими крайностями, напротив, выступали средствами гармонизации воспитания гражданина в «правильности и согласии». Наука была «заимствована». А церковь готовила людей к новому восприятию жизни, и в этом смысле тоже служила науке, переходу русского народа в «возраст мысли».

Казалось бы, все было готово в русском обществе к началу нового исторического движения, обязанности были определены, «народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился»<sup>32</sup>. Соловьев не позволяет себе возиться с множеством деталей и преданий о той эпохе, особенно о малолетстве Петра. Ему важно подчеркнуть главные черты времени и личности Петра, чтобы все-таки решить для себя и широкой публики вопрос об их историчности.

Он принимает эпитет «Великий», но не на нем заостряет наше внимание. Соловьев вычитывает в одном из ранних писем Петра к матери непривычную для царя самоидентификацию — «в работе пребывающий» — и предлагает именно через нее понимать сущность всех тогдашних перемен<sup>33</sup>. «Петр работник», Петр с мозолистыми руками — вот олицетворение всего русского народа в так называемую эпоху преобразований. Здесь не было только сближения с народами образованными, подражания им, учения у них; здесь не были только школы, книги — здесь была мастерская, надобно

было усиленной работой, «пробыванием в работе добыть народу хлеб насущный»<sup>34</sup>.

Посыл историка не был сложным. Просвещенная публика должна была признать *две его идеи об историчности* эпохи и личности Петра: (1) о «народности» царя и (2) о «державности» народа. В этом нет никакого сумбура. Именно так Соловьев и мыслил. «Народы в своей истории не делают прыжков», утверждал он<sup>35</sup>. Время не терпело больше отставания и промедления, и от того рьяно принялся за дело царь-работник, «представитель своего времени, выразитель его потребностей»<sup>36</sup>.

Мне не кажется, что в этом рассуждении неумело скрыта уваровская формула русской идентичности. Но очевидно, что за попыткой Соловьева перефразировать тезис о самодержавном деспотизме первого русского императора и упрятать его в концепцию благотворного для страны «народного вождизма» считается его неоднозначный государственно-патриотический и просветительский посыл. Он не случайно постоянно подчеркивает в своих публичных чтениях мысль о том, что преобразования Петра имели глубокое и долгосрочное воспитательное воздействие на все русское общество, в том числе и в плане последовательной европеизации культуры, этикета, внешнего вида, нравственных правил, учреждения принципов цивилизма и лаицизма в обустройстве общества и государства. Этим сюжетам посвящено вступление к десятому чтению, в котором он останавливается на «учительском значении» и «нравственном влиянии» преобразований. И все же для Соловьева-универсалиста

не менее важно было показать и гражданско-просветительский эффект петровских институциональных реформ и инноваций, особенно для приучения людей «к деятельности сообща»<sup>37</sup>. Петровские реформы — это прежде всего *про-социальные преобразования* русского общества, привыкшего жить *а-социально*.

Соловьев считал важным обратить внимание своих слушателей и читателей на различие двух социо-временных алгоритмов *историчности просвещения*. Западноевропейцы обучались знаниям и умению самостоятельно мыслить у «народов мертвых», «с законченной деятельностью»; их содержание было исчерпано, и «ученик, получивши от школы побуждение и средство к умственному развитию, мог легко приступить к самостоятельной деятельности, пойти дальше учителей». У русских не было таких выгод: они должны были обратиться «к народам живым, брать от них живых учителей, следовательно, подчиняться влиянию живой чуждой национальности или национальностей»<sup>38</sup>.

И конечно же, великий историк видел в этом пролонгированную угрозу для России, не говоря уж о том, что такой переход в новый исторический возраст ставил русских в положение народа, который вынужден был пользоваться только чужими плодами цивилизации и «осужден был гнаться за ними без отдыха, со страшным напряжением сил»<sup>39</sup>. Внимание к разнообразию явлений у других народов вело к притуплению интереса ко всему своему, аутентичному, пусть даже и чрезмерно традиционному. Соловьев, не употребляя современной терминологии, по сути, говорил о «догоняющей модер-

низации», как главном проклятии России в эпоху Петра и во все постпетровские времена. Он не оставляет нам никакой иной возможности, кроме как считать западное влияние и просвещение серьезным *вызовом для страны*, который был потяжелее татарского, «ибо это был натиск духовных сил, натиск нравственный, умственный»<sup>40</sup>.

Возможно, именно поэтому разъяснение сущности государства, его прогрессистской роли и гражданской культуры служения государству занимает немало места в чтениях. Но и «преобразователь» твердил о государстве, заставлял присягать ему, твердил, что надобно стараться о пользе общей, от которой народ получит облегчение. Однако, пишет Соловьев, для многих это были только слова — слова «языка чуждого, непонятного»<sup>41</sup>. Слова же благодарности мы должны сказать российскому государю, первому учителю и «благоговейно отнестись к его скорби о тяжелой борьбе с укоренившимися противообщественными привычками»<sup>42</sup>.

Отождествив общественные интересы с государственными целями, Соловьев-просветитель тем самым как бы закрыл для себя путь к утверждению примата гражданского над политическим, равно как и автономии отдельной личности над диктатом целого. Его просветительский станс так и остался, казалось, преимущественно *этактистским*. Таким он запомнился современникам. И когда уже после смерти были опубликованы его «Записки», в которых он нелицеприятно высказывался в адрес августейших персон XVIII–XIX столетий, для всей симпатизирующей ему публики это стало шокирующим откровением, или,

как говорили тогда, «преступлением» против самого себя.

Между тем мы не находим у Соловьева ни антизападнических настроений, ни славянофильской идеализации допетровской России. Напротив, он считал реформы естественными и необходимыми, хотя и связывал с ними серьезные и, главное, долгосрочные утраты. Впрочем, по его мнению, Петр на то и прозван был Великим, что, *приняв универсализм* западного опыта, смог *не допустить страдательного* положения страны и духовного принижения народа. «Без иностранцев обойтись было нельзя; но чтобы сохранить к ним свободное, независимое, мало того — властелинское, хозяйское отношение, надобно было приобрести способность надзора, проверки, а такую способность Петр и, по его примеру и побуждению, его сотрудники могли приобрести [только] этой неутомимой работой»<sup>43</sup>.

Следовательно, Петр «работающий» не только чистая аллегория, но и отражение практики государственного строительства. Методом проб и ошибок он учил страну опыту управленческому, дипломатическому, строительному, военному. Но... *не гражданскому!* Народный царь жил со своим народом одной повседневностью и совсем не гражданской жизнью. При этом складывается впечатление, что Соловьев не очень-то и сокрушался по этому поводу. В тот юбилейный год праздновали все же величие российского государства и его вождя, нежели успехи русского народа на почве гражданственности и гражданского просвещения. А тут в воспитательном смысле все должно было быть предельно просто, легко усвояемо и воспроизводимо: «Сильный чело-

век — представитель сильного народа»<sup>44</sup>. Вот и вся историческая «отгадка».

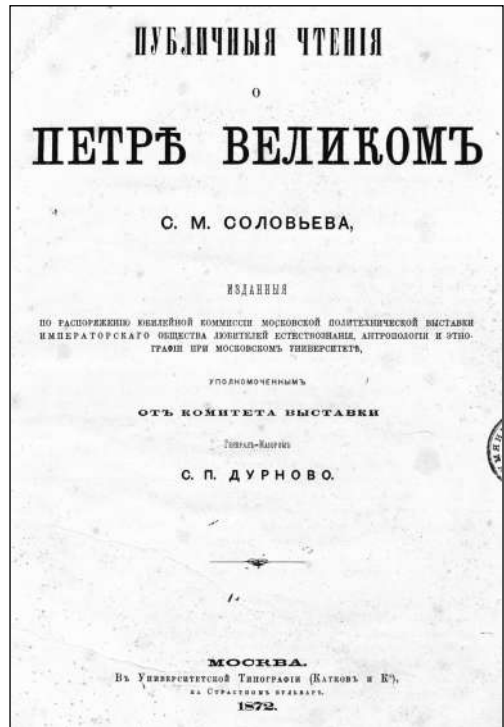
Соловьев изменил бы самому себе, если бы не извлек из истории Петра моральный урок. Формулируя его, он, по сути дела, предложил своим слушателям и читателям общий абрис гражданского общества и его этики. В шестом чтении он декларирует: «Горе тому обществу, где сила не находит себе нравственных границ, где она не считается с другими силами, не чувствует обязанности сторониться перед ними, где перед нею расступается доступная ее давлению мягкая слабая толпа, и сила разнуждывается беспрепятственно. Горе тому обществу, которое не может встретить каждую силу строгим вопросом: откуда она и куда направлено ее стремление; не может испытать, настоящая ли эта сила, или фальшивая, самозваная. Горе тому обществу, которое способно преклониться и служить этой фальшивой, самозваной силе. Горе тому обществу, в которое можно вступить, не охорашиваясь нравственно, с полным неряшеством, без уважения к общественному уху в словах своих, без уважения к общественному смыслу в мыслях своих... Горе тому обществу, которое не умеет поверить ни слов, ни дел, которое безотчетно увлекается, как ребенок, первым движениям, первым громким словом. Такое общество не может дать хорошего воспитания»<sup>45</sup>. Согласитесь, красочное и емкое описание любого не гражданского, по существу своему, общества.

Именно такой была допетровская, до реформенная Россия. А посему и воспитание, которое она могла дать молодому Петру, неизбежно и естественно было безнравственным, грубым и в

гражданском смысле асоциальным. Все это, возможно, и объясняет почти что «нулевой» интерес первого императора к гражданственной культуре и гражданскому образованию. Народу же было вполне достаточно новых технических навыков, материального опыта и ориентированных на практику знаний о внешнем физическом мире.

Соловьев не был популяризатором исторических знаний, скорее он был их распространителем. И исполнил он эту миссию блестяще, со всей свойственной профессиональной этике ученого ответственностью перед нарождающимся гражданским обществом. После Соловьева накал дискуссий между западниками и антизападниками полностью не остыл, но это уже были совершенно иные споры. В академической среде стало непозволительно прибегать к мифотворчеству, хотя такие попытки все же предпринимались. А в публичной сфере эти дискуссии трансформировались в завершенные по своей форме и содержанию идеологии, которые в конечном итоге легли в основание нового для России партийно-государственного строительства, политические результаты которого Россия увидела в распределении мест в Государственной думе.

Соловьева обычно изображали человеком очень умеренным не только в повседневных привычках, преподавании, но и в политических взглядах. Мне кажется, что эта характеристика не совсем точно отражает его мировоззрение. Соловьев по природе своей был амбивалентным мыслителем и просветителем. Разночинное происхождение делало его критичным по отношению к сословности в обществе. Хотя он, безусловно, был сторонни-



*Соловьев С.М.  
Публичные чтения о Петре Великом, 1872.  
Титульный лист*

ком концепции просвещенной монархии и настойчиво подчеркивал свои симпатии к конституционно-монархическому строю. Он не терпел крепостничества, но видел возможность его отмены только с соизволения императора. Православное воспитание сделало его на всю жизнь нетерпимым к неверию, иноверцам и атеистам, но и православным «агитатором» он тоже не стал. Либералом он был весьма осторожным, не принимал крайностей, радикализма. Западником был скорее в научном мышлении, к республиканским и прогрессистским веяниям в Европе относился весьма прохладно, европейскую революционность не принял. Социалистическую идею выносил с трудом, а к ее русским носителям, подобно Герцену, от-

носился очень критично и холодно. Соловьев находился под большим влиянием французских историков эпохи Реставрации, но так и не приложил ни их теорию феодализма, ни концепцию классовой борьбы к историческим реалиям России.

И так буквально во всем. Его творческая зрелость вращается вокруг 1861 года и делит его сознательную жизнь на две равноценные половинки. А оттого и его просветительская деятельность вечно содержала в себе некоторую неопределенность и мировоззренческую амбивалентность. Таким он и остался в памяти своих современников, и почти все они искали в нем нечто близкое себе, даже притом, что многих он отталкивал патриотическим пафосом. Сам же о себе Соловьев предпочитал говорить следующим образом: при Николае I считался либералом, а при Александре II — консерватором.

Двусмысленность интерпретаций Соловьева стала порождением многозначности его мысли, ее парадоксальности и внутренней конфликтности. Почти все русские мыслители и просветители второй половины XIX века так или иначе высказались в его адрес. Чернышевский считал его величайшей заслугой открытие смыслов событий в развитии отечественной государственной жизни. Лавров, напротив, считал, что Соловьев вскрыл нам подлинный характер русской гражданской жизни. А граф Толстой по понятным причинам увидел в его истории прежде всего созидательность народа. Он в своих дневниковых записях, в частности, писал: «Читаю историю Соловьева. Все, по истории этой, было безобразно в допетровской России: жестокость, грабеж, правед, грубость, глупость, не-

умение ничего сделать. Правительство стало исправлять. И правительство это такое же безобразное до нашего времени... Но как же так ряд безобразий произвели великое единое государство? Уж это одно доказывает, что не правительство производило историю». Пафос державной народности привлек внимание Толстого в многотомной «Истории» Соловьева, хотя русскому писателю не хватало там последовательности в проведении этой путеводной для русского просвещения мысли.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 29 томов «Истории», регулярно выходявшие в свет, начиная с 1851 года и до дня смерти историка, в советское время были опубликованы ограниченным тиражом (1959–1966 гг.). Доступное же для широкой публики издание появилось лишь в 1988 году.
- 2 *Иллерицкий В.Е.* Сергей Михайлович Соловьев. М.: Наука, 1980. Блестящий очерк Н.Л. Рубинштейна, посвященный Соловьеву, хоть и написанный почти 80 лет тому назад, совершенно не устарел. См.: *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. Гл. 19.
- 3 *Соловьев С.М.* Наблюдения над исторической жизнью народов. М.: АСТ-Астрель, 2003. С. 5.
- 4 *Ключевский В.О.* С.М. Соловьев как преподаватель // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М.: «Мысль», 1989. Т. 7. С. 322–323.
- 5 Там же. С. 323.
- 6 Там же. С. 326.
- 7 Там же. С. 326.
- 8 Там же. С. 327.
- 9 Там же. С. 327–328.
- 10 *Соловьев С.М.* Записки для моих детей, а если можно, и для других // Соловьев С.М.

Наблюдения над исторической жизнью народов. М.: АСТ-Астрель, 2003.

11 Доподлинно известно, что он внимательно читал «Философию истории» Гегеля, хотя и не был очень ею увлечен, но все же делал записи и впоследствии использовал их. А вот государственным он стал, скорее всего, под влиянием своего младшего современника, гегельянца правого крыла Б.Н. Чичерина. Так, в частности, полагал Н.Л. Рубинштейн, см.: *Рубинштейн Н.Л.* Указ. соч. С. 358–359.

12 О том, каким образом атрибутировать эти теоретические воззрения Соловьева и о спорах вокруг них см., в частности: *Дмитриев С.С.* Соловьев — человек, историк // Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. С. 17–19.

13 Гегелевскую апологию «существующего» он так и не принял.

14 Статья была опубликована в либеральном журнале М.Н. Каткова «Русский вестник» в 1857 году. Т. 11. № 9.

15 *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом (Памятники исторической мысли). М.: Наука, 1984.

16 Там же. С. 9.

17 Там же. С. 9.

18 Мощным толчком к дискуссии о таком нарративе послужило издание Томасом Карлейлем книги «Герои, почитание героев и героическое в истории (1841).

19 Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. С. 9–10.

20 Там же. С. 10.

21 Любопытно, что Соловьев подробно

рассматривал Петра и его время еще в начале 1860-х гг., когда готовил к изданию XIII–XVI тома своей «Истории». Тогда он был еще полон надежд на успехи александровских реформ и сосредоточен на личности царя. Ко времени же написания «Публичных чтений», разочаровавшись в Александре II как реформаторе, он перенес акценты на тему преобразований Петра. Об этом см.: Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 364.

22 *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом. С. 10.

23 Там же. С. 10.

24 Там же.

25 Там же. С. 10–11.

26 Там же. С. 12.

27 Там же. С. 15.

28 Там же. С. 35.

29 Там же. С. 36.

30 Там же. С. 37.

31 Там же. С. 37.

32 Там же. С. 38.

33 Там же. С. 44.

34 Там же. С. 45.

35 Там же.

36 Там же.

37 Там же. С. 127.

38 Там же. С. 47.

39 Там же. С. 47.

40 Там же. С. 48.

41 Там же. С. 129.

42 Там же. С. 130.

43 Там же. С. 50.

44 Там же. С. 75.

45 Там же. С. 62–63.



*Андрей Захаров,  
доцент факультета истории,  
политологии и права РГГУ*

## *Алексис де Токвиль: аристократ, очарованный демократией\**

**П**режде всего позволю себе небольшое самооправдание. Почему, собственно, Алексис де Токвиль? Да, признанный социальный мыслитель и изысканный француз-дворянин, но при этом за плечами всего пара книг плюс сборник воспоминаний — и весьма короткая, особенно по современным меркам, жизнь: пятьдесят лет с небольшим хвостиком. Что же в нем такого? Почему сегодня, если вы читаете о демократии, свободе и равенстве, то все время приходится встречать его имя? И почему представители классических идейных трендов — консерваторы, либералы, либертарианцы — без усталости стараются прописать его в стане своих сторонников? Разобраться в этом непросто, поскольку, как справедливо отметил один из его комментаторов, «де Токвиля гораздо чаще цитируют, чем читают»<sup>1</sup>. Тем не менее попытаться стоит, поскольку помимо немногочисленных книг у нашего героя была и весьма показательная жизнь, прочно связанная с тем, о чем он думал, и привносившая во все его размышления особенности характера. «Русская биографическая традиция часто разделяет жизнь и творчество, выводя анализ художественного или философского наследия за пределы биографического жанра, — пишет Андрей Зорин в своей недавней книге о Льве Толстом, который был, кстати, современником де Токвиля. — Между тем произведения великих писателей и мыслителей не столько „отражают“ жизнь их создателей, сколько составляют ее»<sup>2</sup>. К герою настоящей статьи эти слова применимы в полной мере.

*\* Основу настоящей публикации составила публичная лекция, прочитанная автором на одном из семинаров Ассоциации школ политических исследований Совета Европы осенью 2019 г.*



## Детство и отрочество настоящего роялиста

Алексис-Карл-Анри Клерель де Токвиль родился в 1805 году, всего через двенадцать лет после того, как Франция пережила якобинский террор. Мальчику повезло, потому что революция едва не уничтожила его родителей. В декабре 1793 года Эрве и Луиза де Токвиль были арестованы якобинцами в загородном поместье, принадлежавшем родственникам девушки, и доставлены в парижскую тюрьму, где на протяжении полугода им довелось наблюдать за тем, как их дядюшки, тетюшки и кузины с кузенами по очереди отправлялись на свидание с «парикмахером», как изящно называли тогда гильотину. Причиной репрессий послужило то, что дед Луизы, известный и просвещенный адвокат Кретьен Гийом де Ламуаньон де Мальзерб, осмелился защищать свергнутого Людовика XVI на суде в Конвенте. Спас молодую чету — но не ее родню, включая самого де Мальзерба, — только термидорианский переворот, случившийся через полгода и отстранивший радикалов от власти: казнь Эрве и Луизы была запланирована на 30 июля, но 27 июля Робеспьер был низвергнут, а через три месяца будущих родителей великого мыслителя освободили. Среди последствий этой истории было то, что будущий отец Алексиса, представитель одной из самых знатных дворянских фамилий Франции<sup>3</sup>, к двадцати двум годам стал абсолютно седым; кроме того, он приобрел привычку каждый день в середине дня укладываться на час спать, чтобы пропускать отметку 15.30 — время, когда революционный трибунал обычно оглашал аристократам смертные приговоры. Что касается будущей матери, принадлежавшей к роду де Розанбо, также одной из виднейших дворянских семей, то она в тюрьме пережила нервный срыв и до конца жизни к эмоциональному равновесию так и не вернулась. Именно от матери, как считают биографы, Алексис де Токвиль унаследовал меланхолический темперамент, регулярно повторяющиеся приступы тревоги и слабое здоровье.

О Французской революции нужно упомянуть еще и потому, что она оставила колоссальный отпечаток на всей интеллектуальной жизни нашего героя. Он постоянно возвращается к размышлениям о том, в чем были причины революции, какими оказались ее итоги и как она продолжала влиять на жизнь современной ему Франции. Семейные земли семейства располагались в Нормандии на севере страны; этот край был известен консервативными настроениями, причем такая репутация сохранилась за ним вплоть до наших дней. (Известно, например, что мать генерала Шарля де Голля, родившегося в тех же краях на столетие позже, будучи рьяной католичкой, всю жизнь сокрушалась о том, почему Господь не изобрел для людей какого-то альтернативного способа размножения.) Эрве де Токвиль, сполна впитавший дух родных мест, был убежденным легитимистом и сторонником

Бурбонов, которые вновь воцарились во Франции после крушения Наполеона — правда, теперь им суждено было править всего пятнадцать лет, с 1815 по 1830 год. Алексиса вообще окружали сплошные консерваторы: например, одним из его дальних родственников по линии матери был Франсуа-Рене де Шатобриан, монархист, дипломат и литератор, который, собственно, в конце 1820-х годов и ввел в оборот сам термин «консерватизм». Кстати, именно этот человек позже убедил молодого Алексиса отправиться в Америку — в путешествие, его прославившее.

Алексис был младшим и болезненным ребенком, детство которого прошло в атмосфере всеобщего обожания. Отец, увлекавшийся литературным творчеством — он среди прочего был автором исторических работ, посвященных царствованию Людовика XV, — привил мальчику любовь к книгам<sup>4</sup>. О книгах в доме говорили постоянно, они составляли важнейшую часть семейной атмосферы. Сам Алексис читал без усталости, предпочитая те книги, которые были ему «не по возрасту». Кроме того, Эрве де Токвиль увлек сына и вопросами функционирования государства: в годы бурбонской Реставрации граф занимал ответственный пост префекта — главного администратора и представителя короны — в нескольких городах, включая Дижон, Амьен, Мец и Версаль. Не стоит, однако, думать, будто детство и юность Алексиса были безоблачными: после завершения революции Эрве де Токвиль увидел, что большая часть его семейного состояния разорена и разграблена, земли находятся в запустении или же вообще экспроприированы. Лишь через четверть века де Токвиль-отец смог обеспечить своему семейству твердую финансовую почву, но для этого ему пришлось целиком отдать себя государственной службе, постоянно переезжая с места на место. Пока муж работал в разных городах Франции, его жена с детьми жила в Париже, где Алексис учился в школе. В 1820 году, когда мальчику исполнилось 15 лет, отец, скучавший по семье, предложил матери отправить сына к нему — тогда он был префектом в Меце.

Оказавшись там, Алексис стал студентом лицея, занимавшимся в основном греческим и латинским, классической литературой, всеобщей историей и историей Франции. Об этом периоде жизни юноши известно очень мало; мы знаем лишь, что в 18 лет он был легко ранен на дуэли товарищем-лицеистом и что у него завязался роман с девушкой из простой семьи, длившийся пять лет, но закончившийся ничем: поскольку избранница де Токвиля была гораздо более низкого положения, перспектива брака не рассматривалась — такой исход считали бы грандиозным мезальянсом. Здесь же в 16 лет он пережил глубочайший духовный кризис, спровоцированный неутолимой тягой к чтению. Продолжая знакомиться с современной ему французской литературой, Алексис не мог обойти вниманием и просветителей, сочи-

нения которых были широко представлены в отцовской библиотеке (в то время как мать юноши всегда оставалась истовой католичкой, для отца религиозность была лишь элементом приличий). Из этих трудов благовоспитанный мальчик, всегда уважавший монархию и церковь, «вдруг узнал, что ни одно из его прежних убеждений больше не является основательным, что социально-политические институты вызваны к жизни не волей богов и не канонами традиций, а придуманы самими людьми и, следовательно, с легкостью ими перестраиваются, что религия представляет собой всего лишь человеческое изобретение, сковывающее разум, что наука способна раскрыть все наиболее значимые тайны Вселенной»<sup>5</sup>. Кстати, именно в

*Алексис де Токвиль стал сторонником  
радикального сомнения, человеком,  
ничего не принимающим на веру,  
способным идти против убеждений  
большинства и пользующимся  
единственным критерием истины –  
здравым смыслом*

---

отцовской библиотеке де Токвиль впервые познакомился с тремя авторами, книги которых, по его собственному признанию, впредь сопровождали его повсюду: с Паскалем, Монтескье и Руссо<sup>6</sup>.

Впрочем, даже эти обретения не смогли воспрепятствовать тому, что шестнадцатилетнего юношу вдруг охватили черная меланхолия и отвращение к жизни. Интересно, что этой травмы он просветителям так и не простил, через много лет подвергнув их сокрушительной критике в книге «Старый порядок и революция». «Они были бесконечно удалены от какой бы то ни было практики, и никакой опыт не мог умерить порывы их жаркой натуры, — говорилось на ее страницах о „властителях дум“ революционной поры. — Ничто не предупреждало их о тех препятствиях, какие могли поставить реальные обстоятельства на пути даже самых желательных реформ. Литераторы не имели и малейшего представления об опасностях, постоянно сопутствующих даже неизбежным революционным изменениям». Главная беда заключалась в том, что, выстраивая отвлеченные интеллектуальные схемы, популярные философы не задумывались о последствиях своих действий. В частности, они безответственно дискредитировали все религиозные верования французов, а это «оказало самое большое влияние на революцию и определило ее характер». «Ничто иное не способствовало в такой мере приданию ее образа того ужасающего вида, какой нам хорошо известен», — заключает де Токвиль<sup>7</sup>. Интересно заметить, что сам автор этих строк никогда не был истово верующим, скорее даже наоборот; однако, важная роль религии в поддержании социального порядка в традиционном обществе не вызвала у него никаких сомнений.

Как бы то ни было, подобные кризисы помогают человеку оценить значение такого интеллектуального инструмента, как сомнение. Именно это произошло и в данном случае. Молодой Алексис стал сторонником радикального сомнения, человеком, ничего не принимающим на веру, способным идти против убеждений большинства и пользующимся единственным критерием истины — здравым смыслом. В результате он обрел то интеллектуальное спокойствие, которое в конечном счете и помогло ему стать выдающимся ученым. В 1831 году, в возрасте 26 лет, он напишет одному из своих друзей: «Человеческая жизнь на самом деле не является ни чем-то потрясающим, ни чем-то отвратительным; она, если можно так выразиться, весьма средняя штука, в которой есть и то и другое. Не стоит ожидать от нее слишком многого, но и бояться ее особенно не стоит; нужно постараться принимать ее такой, какая она есть — без отвращения или энтузиазма, как свершившееся событие, которое не вы задумали, не вы прервете, и главной особенностью которого выступает то, что оно просто длится»<sup>8</sup>. Именно этот кризис заставил молодого Алексиса обратиться к изучению того, как работают общества: «Он был заморожен бесконечным калейдоскопом законов, нравов, интересов, исторических институтов и событий, которые придают каждому обществу его неповторимый характер»<sup>9</sup>. Всеми этому Алексис де Токвиль посвятит свою дальнейшую жизнь.

### **Скромный аудитор отправляется в командировку**

Дворянская традиция требовала, чтобы де Токвиль, сын аристократа, выбрал военную карьеру — как, собственно, и сделали два его старших брата. Его отец, однако, считал, что младший сын слишком умен для этого, и резервировал для него государственную службу. В эпоху Реставрации, при Людовике XVIII и Карле X, при избрании в Национальную ассамблею действовал возрастной ценз в 40 лет. Поскольку для парламентской работы Алексис в силу молодости был пока непригоден, после завершения образования, в 1828 году, в возрасте 22 лет, его по протекции отца сделали судебным аудитором в Версале. Эта низшая судебная должность не оплачивалась: замещавшие ее люди были, что называется, «на подхвате» — собирали документы, готовили заседания, иногда замещали судей. Считалось, однако, что подобная работа хорошо готовит молодого человека к будущей административной деятельности. Обычай требовал, чтобы судебная сессия каждого года открывалась речами, которые готовили самые младшие судебские чины — как раз упомянутые судебские аудиторы. Выступать можно было на любую тему, связанную с правом: действие представляло собой что-то вроде «разогрева» перед ре-

альной работой. Молодой де Токвиль, присоединившись к аудиторскому сообществу, решил высказаться по теме дуэльных боев, весьма распространенных во Франции того времени. Главная идея его речи заключалась в том, что дуэли никогда не удастся блокировать законодательным путем, если им потворствуют нравы страны. На эту мысль, заимствованную у Монтескье, стоит обратить внимание, потому что позже де Токвиль не раз будет рассуждать о том, что законы должны сочетаться с нравами населения — а иначе их просто не будут соблюдать.

Как уже говорилось, французский судебный аудитор трудился бесплатно. Но работа тем не менее приносила определенные выгоды — среди них были, например, полезные и интересные знакомства.

Именно на этой службе Алексис познакомился с Гюставом де Бомоном, таким же начинающим судебным чиновником, литературно одаренным и занимающимся живописью, аристократом, позднее женившимся на внучке маркиза де Лафайетта — знаменитого французского генерала, сражавшегося за независимость США. По наблюдению Генриха Гейне, сделанному в 1843 году, спустя полтора десятилетия после начала их дружбы, эти двое, «человек мысли» и «человек чувства», составляли весьма органичный тандем: «То, чего недостает г-ну Токвилю, — нежная душевность, — в высшей степени присуще его другу, господину де Бомону, и эти двое неразлучных, всегда появляющиеся вместе, как в своих путешествиях, так и в своих сочинениях, прекрасно дополняют друг друга и в Палате депутатов. Один, острый мыслитель, и другой, мягкий, душевный человек, связаны между собою, как бутылочка с уксусом и бутылочка с прованским маслом»<sup>10</sup>. Именно с де Бомоном, который был моложе его на три года, де Токвиль вскоре отправится в Америку, а потом будет заседать на парламентской скамье. Причем у молодых друзей, как отмечают комментаторы, была и еще одна общая особенность: «В каждом из них стойкая лояльность классу, в котором он был рожден, постепенно размывалась пробуждающимся либеральным чувством»<sup>11</sup>.

Кроме того, в версальский период Алексис продолжает самообразование: если в лицее его интересовала прежде всего древняя история гре-



*Неизвестный художник. Алексис де Токвиль*

ков и римлян, то теперь он сосредотачивается на новейшей французской истории. В круге чтения выделялись два автора, в будущем, кстати, сделавшиеся его политическими оппонентами, — Луи-Адольф Тьер и Франсуа Гизо. Написанная первым многотомная «История Французской революции» позволила Алексису познакомиться с той интерпретацией великого события, которая совершенно не сочеталась с роялистской трактовкой, знакомой ему с детства. Влияние второго оказалось еще более фундаментальным и не ограничивалось только текстами: обладая широчайшим кругозором, историк и политический теоретик Гизо был еще и прекрасным лектором — друзья-аудиторы старались не упускать возможности послушать его выступления, делая конспекты и потом обмениваясь ими. Воззрения обоих мэтров позже были осмыслены в писаниях самого де Токвиля, хотя Гизо он ставил на первое место: именно этот человек, по его собственному признанию, научил его по-новому смотреть на историю, общество и культуру. В этой связи Франсуа Гизо называют «наиболее важным из всех современников, повлиявших на де Токвиля»<sup>12</sup>.

Между тем во Франции наступила Июльская революция. Карл X Бурбон летом 1830 года решил перетасовать свой кабинет министров, укомплектовав его сплошными реакционерами. Общество выразило недовольство, и тогда король выпустил четыре ордонанса, призванных умиротворить публику: первым он ограничивал свободу слова, вторым распускал Палату депутатов, третьим менял избирательное законодательство в свою пользу, а четвертым назначал досрочные выборы. Поскольку дело происходило не в России, а во Франции, инициативы не сошли короне с рук просто так — у нее ничего не получилось. На улицах Парижа появились баррикады, запоздалый отзыв ордонансов уже не мог поправить ситуацию, и в августе монарх спешно покинул столицу. Его место занял Луи-Филипп, герцог Орлеанский, чье восшествие на престол прошло в согласии с настроениями французской буржуазии. Фактически, это был выборный и конституционный монарх, который отныне именовался не «королем Франции», но «королем французов», как в постреволюционной Конституции 1791 года. Несмотря на довольно широкие полномочия, венценосец больше не являлся источником власти — в этой роли теперь выступал французский народ, причем, вступая в должность, монарх должен был клясться не Богу, но парламенту. Кроме того, отныне королевская власть перестала быть наследственной, Палата депутатов получала такое же право на принятие законодательных актов, каким ранее обладал лишь король, католицизм утрачивал статус государственной религии, а избирательное право существенно расширилось.

Главная проблема, с которой столкнулись де Токвиль и де Бомон, заключалась в том, что новый монарх с подозрением относился к семь-

ям обоих, поскольку оба рода оставались преданными сторонниками Бурбонов. Новый режим не был принят многими роялистами, предпочитавшими «предательству» внутреннюю эмиграцию. Наши аудиторы через силу принесли клятву верности новоявленному королю (кстати, Эрве де Токвиль, а также два других его сына, от такой присяги отказались и покинули государственную службу), но при этом чувствовали, что нормально работать им все равно не дадут. Однако молодые люди придумали изящный выход из затруднения, созданного очередной революцией: они обратились к вышестоящему начальству с просьбой командировать их в Северную Америку для изучения тамошней

*«Среди множества предметов и явлений, привлечших к себе мое внимание во время пребывания в Соединенных Штатах, сильнее всего я был поражен равенством условий существования людей»*

---

пенитенциарной системы. Дело в том, что французские тюрьмы той поры широко критиковались в обществе; фактически, это были грязные узилища, не дававшие правонарушителю ни малейшего шанса на исправление. Поэтому повод для командировки был более чем благозвучным. Более того, де Токвиль и де Бомон настолько торопились уехать из страны, что даже согласились оплатить поездку за свой счет, рассчитывая, что потом правительство возместит им затраты. (Как выяснилось позже, они ошибались.) Как бы то ни было, молодые люди получили санкцию на то, чтобы покинуть Францию — на восемнадцать месяцев.

Путешествие началось в апреле 1831 года, когда французы поднялись в Гавре на борт американского корабля. С собой у них было более 70 рекомендательных писем. Пересечение Атлантики заняло 38 дней. За это время юноши очень сдружились; они еще не знали, что их предприятие принесет славу прежде всего Алексису де Токвилю, а Гюстав де Бомон, не менее яркий молодой человек, останется на вторых ролях. Кстати, забегая вперед, можно сказать, что в 1840-е годы он присоединится к де Токвилю в качестве депутата Национального собрания; потом он будет послом Франции в Лондоне и Вене; после будет редактировать посмертные издания сочинений де Токвиля — но слава его всегда будет отражением славы его друга. В Нью-Йорке путешественников встретили со всей серьезностью: еще до их прибытия в газетах появилось сообщение о том, что два французских чиновника едут в страну с официальной миссией. В общей сложности их поездка продлилась 271 день и еще 15 дней они провели в Канаде. На первых порах американские нравы поражали французских аристократов — в письме одному из своих корреспондентов де Токвиль писал о «младенческом состоянии» искусства приготовления и по-

дачи пищи в США: «овощи и рыбу подают до мяса, а устрицы вообще идут на десерт — полное варварство, одним словом»<sup>13</sup>. Друзей раздражали безвкусовые музыкальные вечера в американских домах, на которых не столько пели, сколько, по их мнению, «выли». Оба обратили внимание на дурное качество американских кроватей и некоторую неотесанность американских девушек.

Но главное все-таки было не в этом. За свою поездку французы посетили 17 штатов из 24, имевшихся на тот момент. Преодолевая тысячи и тысячи километров, они получали все новые впечатления, касавшиеся всех сфер американской жизни. Американцы очень хорошо их принимали: друзья могли разговаривать с самыми высокопоставленными людьми — достаточно сказать, что они встретились не только с бывшим президентом Джоном Куинси Адамсом, но и получили 45-минутную аудиенцию у действующего хозяина Белого дома Эндрю Джексона. Впрочем, американский лидер «показался им солдафоном, не обладающим ни культурой, ни интеллектуальным любопытством», а во время посещения обеих палат Конгресса они обнаружили, что «уровень политического дискурса народных избранников остается за пределами низким»<sup>14</sup>.

Путешественники переживали, что им не удалось провести побольше времени на юге страны, но главное огорчение в конечном счете им причинила не Америка, а Франция: в сентябре 1831 года французское министерство юстиции уведомило командированных, что их визит будет сокращен вдвое. К счастью, огромный материал уже был собран: в дневниках, письмах, конспектах была начата та работа, которая позже вылилась в книги. В феврале 1832 года тот же самый корабль, который доставил путешественников на американские берега, отплыл вместе с ними назад во Францию.

Покидая Америку, де Токвиль писал отцу, что девяти месяцев недостаточно для того, чтобы понять столь огромную и разнообразную страну; на это требуется минимум два года. Одновременно он начал задумываться о том, как лучше упорядочить свои впечатления. Но, как нередко бывает у творческих людей, сразу же сесть за дело мешали всевозможные жизненные катаклизмы. Прежде всего возникла неприятность с де Бомоном: пока друзья путешествовали, их недоброжелатели сделали так, что того уволили с работы, причем самым оскорбительным образом — молодой аудитор узнал о собственном увольнении из газет. Оценив ситуацию, Алексис в знак солидарности тоже подал в отставку. Выбил его из колеи и другой эпизод: Луи де Керголе, еще один давний и верный приятель, попал под суд — его обвинили в причастности к заговору легитимистов, который в 1832 году возглавила герцогиня Берри, желавшая восстановить династию Бурбонов. Де Токвиль выступал на суде защитником, де Керголе оправдали, но все равно история оказалась малоприятной. Одним



словом, творчество не клеилось. «Мой разум в летаргии, и я абсолютно не знаю, когда он проснется», — писал Алексис де Бомону<sup>15</sup>. Тем не менее в январе 1833 года друзья опубликовали доклад под названием «Пенитенциарная система в США в ее приложении к Франции». Работа не только вызвала общественный интерес, но и получила премию Французской академии в 3000 франков — сумма, весьма приятная по тем временам. Алексис де Токвиль, правда, всем говорил, что он был лишь подмастерьем, а основным автором текста выступил Гюстав де Бомон.

### **Американская демократия и литературная слава**

Время шло, а наш герой так и не мог сесть за книгу об Америке. Де Токвилю пришла в голову идея съездить в Англию, чтобы сопоставить американский опыт не только с французским, но и с британским. Летом 1833 года он отправился в Лондон и провел там пять недель. Как свидетельствуют дневниковые записи, главным предметом интереса де Токвиля была проблема централизации; английский политический режим, как и американский строй, был децентрализованным, в то время как Франция задыхалась от централизации. Позже этот сюжет получит дальнейшее развитие в работе «Старый порядок и революция». Надо сказать, что противопоставление сосредоточения власти ее рассредоточению было одной из центральных тем политико-правовых дебатов, кипевших во Франции с начала Реставрации и до краха Орлеанской монархии. Мыслители-роялисты связывали властную децентрализацию с возрождением дворянских вольностей, к моменту Французской революции едва ли не полностью изъятых короной: сам 1789 год казался им закономерным итогом того социально-политического убожества, до которого монархия довела благородное сословие. Апеллируя к идеям Монтескье, они полагали, что возрождение местного дворянства как самостоятельного политического актора способно блокировать как монархический деспотизм, так и диктатуру якобинского типа<sup>16</sup>. Алексис де Токвиль был согласен с этим лишь отчасти, поскольку реанимация дворянского сословия в атмосфере всеобщего уравнивания прав и состояний казалось ему несбыточной и даже вредной утопией. Более эффективным инструментом децентрализации ему представлялось расширение низового самоуправления и самоорганизации широких масс.

Британская поездка вообще вывела де Токвиля из ступора: вернувшись домой, он осенью 1833 года взялся за перо. Первым делом автору требовалось найти системообразующий принцип, главную идею, на которую можно было бы потом нанизать все повествование, — иначе говоря, впечатление, наиболее поразившее путешественника. Алексис



жизни», — пишет мыслитель. Политическое равенство — а оно и есть демократия — представляет собой фундаментальный факт социальности, причем такой факт, который преобразует все. Более того, его утверждение в мире политики практически не зависит от намерений политических лидеров и ориентаций политических систем: «Самые различные события, случающиеся в жизни народов, оказываются на руку демократии. Все люди помогают ей своими усилиями: и те, кто сознательно содействует ее успеху, и те, кто и не думает служить ей, равно как и люди, сражающиеся за демократию, а также люди, провозгласившие себя ее врагами. Все они бредут вперемешку, подталкиваемые в одном направлении, и все сообща трудятся на нее: одни против своей воли, а другие, даже не осознавая этого, будучи слепыми орудиями в руках Господа»<sup>18</sup>.

Это означает, что демократическая эпоха приходит с неумолимостью времени года, ею можно восторгаться или ее можно поносить, но отвергать ее нельзя. Для де Токвиля это что-то вроде наблюдения естествоиспытателя — демократии будет все больше и больше, потому что так устроена жизнь: «Постепенное установление равенства условий есть предначертанная свыше неизбежность. Этот процесс носит всемирный, долговременный характер и с каждым днем все менее и менее зависит от воли людей; все события, как и все люди, способствуют его развитию». Мыслитель чистосердечно признается читателю в том, что его книга «была целиком написана в состоянии своего рода священного трепета, охватившего душу автора при виде этой неудержимой революции, наступающей в течение столь многих веков, преодолевающей любые преграды и даже сегодня продолжающей идти вперед сквозь произведенные ею разрушения»<sup>19</sup>. Но эта замороженность отнюдь не отменяет для де Токвиля вопроса о том, куда способна завести демократия человеческий род. Исходя из всех его рассуждений, просматриваются лишь три варианта. Первый — это анархия, и его де Токвиль считает не слишком вероятным. Второй — «тирания большинства» или, как говорит автор, «демократический деспотизм», и такая опасность весьма реальна. А третий — наслаждение благами демократии при умелой и последовательной минимизации ее многочисленных минусов, путь кропотливого совершенствования ее институтов, а также соответствующего образования и воспитания.

На протяжении всей своей книги он на разный лад повторяет одно и то же: в аристократическом мире, говорит он, имелось много дефектов, но было и много хорошего — однако этот мир умирает, о нем остается лишь сожалеть. Время равенства не будет идеальным, потому что демократия не является системой совершенной, и не случайно Руссо называл ее «строем богов». Человечеству, однако, придется играть теми картами, которые розданы. Но что из этого следует? По мысли де

Токвиля, это означает простую вещь: если вы политический руководитель в те времена, когда демократию уже нельзя выбросить в мусорное ведро, то будьте добры заниматься ее совершенствованием: «Обучать людей демократии, возрождать, насколько это возможно, демократические идеалы, очищать нравы, регулировать демократические движения, постепенно приобщать граждан к делам управления государством, избавляя их от неопытности в этих вопросах и вытесняя их слепые инстинкты осознанием своих подлинных интересов; изменять систему правления сообразно времени и месту, приводя ее в соответствие с обстоятельствами и реальными людьми, — таковы важнейшие из обязанностей, налагаемые в наши дни на тех, кто управляет обществом. Совершенно новому миру необходимы новые политические знания»<sup>20</sup>. Это новый мир, и он, конечно же, нуждается в новой политической науке. Среди прочего фронтальное наступление новых порядков требует от исследователей и практиков одной чрезвычайно важной вещи: им надо вскрывать и изобличать недостатки демократического правления, для того чтобы нивелировать их. Таких недостатков чрезвычайно много: ярким примером для де Токвиля служат выборы в США и сопровождающая их мания избрания и переизбрания. Анализируя электоральные материи, мыслитель мастерски подмечает детали: не будем забывать, что ко времени его визита Соединенные Штаты пережили лишь одиннадцать избирательных кампаний, но ограниченное число кейсов не мешает ему проникательно обобщать. В вечной лихорадке выборов есть, однако, свой смысл: это своеобразная школа для всей нации, поскольку посредством народного избрания заполняется огромное количество государственных вакансий, начиная с самого низового уровня.

Помимо судеб демократии еще одну тему в книге можно считать центральной — это тема централизации. Де Токвиль тут вполне однозначен: чем крепче в обществе централизаторские импульсы и чем больше оно тяготеет к выстраиванию того, что принято называть вертикалью власти, тем больше в нем будут душить свободу. Причем за централизацией, подчеркивает автор, стоит отнюдь не чья-то злая воля: это своего рода инстинктивный импульс, поражающий всех, кто получает доступ к власти, — власть жаждет централизации не потому, что она дурная, а потому что она власть. И гражданам надлежит постоянно оказывать ей отпор. Каким образом? Во-первых, им нужно учиться самоорганизации, — и тут американский опыт бесценен; во-вторых, необходимо вводить механизмы рассредоточения власти в само государственное устройство, разбрасывать и размазывать власть по различным сегментам государственного целого — и здесь у американцев тоже есть чему поучиться, поскольку именно они придумали современный федерализм<sup>21</sup>. Если же централизация не встречает сопротивления, говорит де Токвиль, то носителями власти становится все более

ограниченный и узкий круг людей, что ведет сначала к тирании, а потом к революции.

На подготовку того, что потом составило первый том «Демократии в Америке», у де Токвиля ушло чуть менее года. «Моя жизнь сейчас подобна жизни монаха, — писал он своему другу де Керголе в то время. — С утра и до вечера я веду чисто интеллектуальное существование. Следующий день будет точно таким же, и так далее и далее»<sup>22</sup>.

Учитывая вечное сомнение де Токвиля в собственных силах, он и думать не мог, что напишет шедевр. Однако получилось именно так. Книга, вышедшая в январе 1835

---

*В аристократическом мире имелось  
много дефектов, но было и много  
хорошего — однако этот мир умирает,  
о нем остается лишь сожалеть*

---

года, имела потрясающий успех — в этом были единодушны и литературные критики, и книготорговцы. Издатель заказал для первого тиража всего 500 экземпляров, но в последующие четыре года ему потребовались еще семь изданий. Французская пресса захлебывалась от комплиментов, а за рубежом книгу очень быстро перевели на английский и немецкий. Алексис, молодой человек, которому еще не исполнилось и 30 лет, внезапно стал известен на всю страну. С ним произошло превращение, которое восемь десятилетий назад преобразило другого судейского чиновника, преуспевшего на литературном поприще: речь о Шарле Луи де Монтескье после публикации «Персидских писем». Рене де Шатобриан ввел молодого литератора в самые знаменитые парижские салоны. Французская академия оценила книгу специальной премией, на этот раз в 12 тысяч франков, а в 1841 году, спустя шесть лет, сделала Алексиса де Токвиля своим членом.

Алексис между тем женился. Его избранницей стала англичанка (и протестантка) Мэри Моттли, которая была на шесть лет старше жениха. Для девушки из среднего класса потомственный аристократ де Токвиль был неплохой партией. Биографы мыслителя до сих пор озадачены, поскольку барышня не отличалась ни показательной внешностью, ни общественным положением, ни богатым состоянием. Но брак трудно назвать слепым или скоропалительным: до свадьбы де Токвиль и его избранница были знакомы уже несколько лет — они познакомились еще в Версале, где жених служил аудитором, а невеста ухаживала за больной родственницей. Подробностей этой истории у нас нет, но светская молва приписывала бедняжке Мэри «желтые зубы» и «пронзительный взгляд», «невыносимо медленную манеру есть», а также крайнюю болезненность: новобрачная страдала ревматизмом, рожистым воспалением и другими заболеваниями. Фраза «мадам де Токвиль неважно себя чувствует» в переписке Алексиса кочует из одного письма в другое.

Жених, впрочем, был под стать невесте: он страдал от мигрени, плеврита, невралгических приступов, несварения желудка и болезни, которая в конечном счете его и погубила — от легочного туберкулеза. Неудивительно, что пара не оставила потомства, тем более что невесте к моменту вступления в брак было уже сорок лет. Некоторые специалисты, впрочем, видят в странной женитьбе не что иное, как «публичный акт нонконформизма»<sup>23</sup>.

Летом и осенью пара жила в фамильном замке в Нормандии, а зимой и весной перебиралась в Париж. Как складывались их отношения, мы не знаем: в одних посланиях де Токвиль говорит, что супруга принесла в дом «спокойствие и безмятежность», но одновременно сохранилось и его письменное признание другу де Керголе, согласно которому в силу «избыточной сексуальности своей натуры» он несколько раз вовлекался в иные романы, а потом очень страдал от этого. О Мэри, в свою очередь, известно то, что она была беспредельно ревнива. Как бы то ни было, Алексис де Токвиль оставался со своей избранницей до самой смерти; она же пережила его всего на пять лет. В современных феминистских публикациях доказывается, что именно супруга была главной вдохновительницей автора «Демократии в Америке» и что без нее он никогда не стал бы выдающимся человеком<sup>24</sup>. Более взвешенной, однако, представляется точка зрения биографа, к феминизму не причастного. «Де Токвиль не был создан для счастья, — пишет Джон Эпштейн. — Несмотря на всю свою одаренность и естественные преимущества рождения, собственные амбиции не позволяли ему быть счастливым»<sup>25</sup>.

### **Народный избранник**

В частности, его привлекала активная политическая жизнь. До Июльской революции 1830 года закон устанавливал возрастной ценз для избрания в депутаты — порог составлял 40 лет. Но после прихода на смену Бурбонам Орлеанской династии и утверждения нового режима планка была снижена до 30 лет, и это позволило де Токвилю принять участие в парламентских выборах 1837 года. Выдвигался он в Нормандии. Его противником — и действующим депутатом-инкубентом — был один из сподвижников Наполеона, беспринципный и богатый человек. Он подкупал избирателей, приглашая их на банкеты и в таверны, а также использовал свои связи в региональных верхах, чтобы занижать некоторым из них налоговые ставки. Возможность «дойти до каждого» была гарантирована тем, что число избирателей в округе было ничтожным, составляя лишь несколько сотен человек, поскольку при Июльской монархии правом голоса обладали лишь 2–3% французов. Один из кузенов де Токвиля, действующий министр, предложил ему

свою помощь, но тот отказался, не желая впоследствии быть обязанным своему потенциальному благодетелю. В то время как оппонент де Токвиля рассуждал о нуждах землевладельцев, Алексис рассказывал избирателям о защите свободы, а также о равном вреде абсолютной монархии и неограниченной республики. В теоретическом плане выкладки де Токвиля были безупречными, но местный электорат не проникся его идеями: во вражеских памфлетах молодого претендента называли аристократическим снобом, и многие были согласны с этим. Из сказанного уже понятно, что свои первые выборы де Токвиль проиграл: за него проголосовали 210 избирателей, а его оппонента поддержали 247 человек<sup>26</sup>. Через два года, однако, Палата депутатов была распущена, и де Токвиль вновь включился в избирательную кампанию. На этот раз электоральная удача благоприятствовала ему — он получил депутатский мандат.

К тому времени он уже всю работу над вторым томом «Демократии в Америке», но перспектива с головой окунуться в перипетии французской политики казалась ему очень и очень привлекательной. После всего написанного и продуманного относительно политики он теперь сам занимался политикой — и эта мысль очень возбуждала его. Однако первые же дни в Палате депутатов повергли молодого парламентария в уныние: он увидел, что большинство его коллег занято не отстаиванием высоких принципов, делающих жизнь французов лучше, а продвижением собственных корыстных интересов. Де Токвилю грозила изоляция: он не хотел присоединяться ни к одной из депутатских групп. В 1844–1845 годах он, уподобляясь парламентским группировкам, пытался издавать собственную газету *Le Commerce*, но это начинание быстро заглохло. По политическому мировоззрению он был либералом, который продолжал верить в монархию, надеясь на то, что со временем она сама, легко и постепенно, организует переход к демократии. Одновременно с де Токвилем ряды депутатов пополнили еще 60 народных избранников, и он очень надеялся, что найдет хотя бы нескольких единомышленников, вместе с которыми можно будет организовать своеобразную «антипартию», выходящую за рамки эгоистических амбиций. Эти усилия, однако, не увенчались успехом: он оставался одинокой фигурой, не желавшей уподобляться своим товарищам по депутатскому корпусу. «Я был лишён способности сосуществовать в группе и вести за собой людей», — признавался политик в своих мемуарах<sup>27</sup>. Соответственно, его парламентские инициативы, будь то об отмене рабства во французских колониях или о децентрализации в самой Франции, неизменно проваливались. Его родственник де Шатобриан говорил: «Чтобы добиться публичного успеха, нужно не обладать индивидуальностью, но, напротив, отказаться от нее». Теперь де Токвиль в полной мере осознал, что это значит.

Кроме того, еще будучи молодым аудитором в Версале, Алексис отмечал за собой странный дефект: письменная речь давалась ему гораздо легче устной. В 1827 году он писал Луи де Керголе: «Публичные выступления даются мне с огромным трудом; я тяжело подбираю слова и слишком много внимания уделяю своим идеям. Вокруг меня множество людей, плохо соображающих, но хорошо говорящих — и это повергает меня в отчаяние»<sup>28</sup>. Голос его был тонок, а облик лишен внушительности. Один из знакомых предупреждал его накануне избрания депутатом, что он входит в активную политическую жизнь в очень нестабильное время, без усталости предлагающее все новые темы для обсуждения, и без ораторского дара ему придется крайне тяжело. Тем не менее в своем избирательном округе в Нормандии де Токвиль пользовался всеобщим обожанием. Его трижды избирали президентом местного совета — в этом качестве он спускался с небес на землю, занимаясь благоустройством улиц и интересуясь видами на урожай.

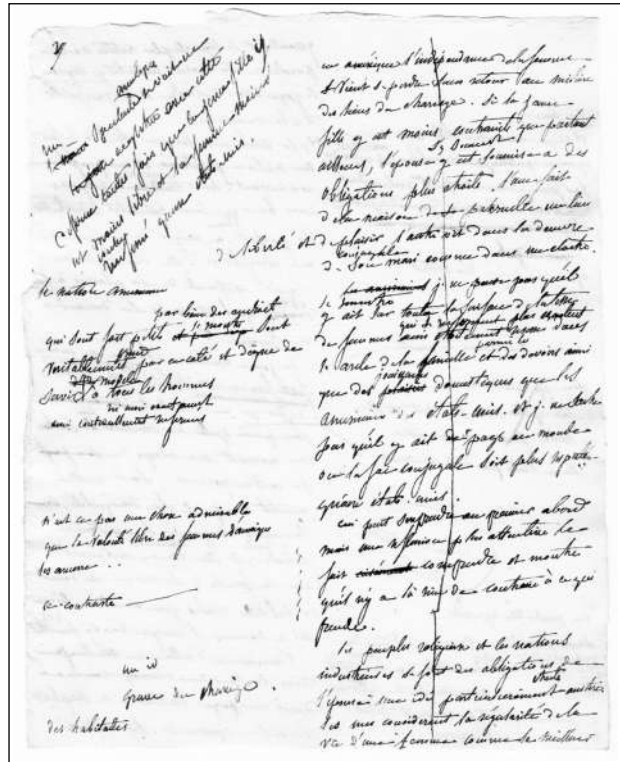
В политике без четкой позиции очень трудно. В Палате депутатов де Токвиль симпатизировал правым, но часто блокировался с левыми. Его назначили докладчиком по двум важнейшим вопросам — по рабству и по состоянию пенитенциарной системы. Он также часто выступал по вопросам внешней политики. Но, несмотря на очередное переизбрание в 1846 году, де Токвиль так и не стал заметной парламентской фигурой. Как отмечал один из комментаторов, годы, проведенные на парламентской скамье, прошли для него в безнадежной фрустрации<sup>29</sup>. Подводя итог собственной парламентской деятельности, де Токвиль писал: «Я провел десять лет своей жизни в компании поистине великих умов, которые постоянно находились в состоянии возбуждения, но которые никогда не достигали настоящей страстности». Легитимисты, социалисты, католики, республиканцы, патриоты, либералы, а также остальные — все они постоянно спорили между собой, не предлагая ничего, что могло бы заставить Луи-Филиппа пойти на полезные для общества перемены. «Со временем эти блестящие ораторы устали слушать друг друга и, что еще хуже, страна устала слушать их самих», — резюмировал он свою работу в парламенте Орлеанской монархии в воспоминаниях<sup>30</sup>.

Помимо политической суеты было, однако, и творчество. Во введении к «Демократии в Америке» де Токвиль сделал краткий анонс того, о чем собирался поразмышлять во втором томе своего труда: ему хотелось описать, каким образом равенство и демократия, утвердившиеся в Америке, влияют на привычки и нравы общества. Со временем, однако, энтузиазм де Токвиля по этой части начал угасать — и причиной было то, что Гюстав де Бомон провел за него изрядную часть этой работы. Партнерство этих людей, как считают некоторые специалисты, возможно, не имеет аналогов в интеллектуальной истории. Де Бомон был избран в парламент одновременно с де Токвилем,



в 1839 году, и почти все время пребывания в легислатуре они были политическими союзниками, сообща критикуя правительство. В Англию они тоже поехали вместе, и женились в один год. Кроме всего прочего, друзья параллельно работали над одними и теми же литературными проектами. Де Бомон самостоятельно описал нравы и обычаи Америки — то есть сделал то, что потом вознамерился сделать де Токвиль — в своем романе «Мари, или рабство в Соединенных Штатах», который вышел в 1835 году. В свою очередь, Алексис делился с Гюставом всеми своими замыслами и идеями — например, оба тома «Демократии в Америке» отправлялись ему на корректировку и правку. В итоге ученые, изучающие наследие де Токвиля, зачастую не знают, что в его сочинениях принадлежит ему самому, а что его другу.

Второй том «Демократии в Америке» давался де Токвилю гораздо тяжелее первого. Первый том был более концептуальным, его автор, склонный к широким обобщениям, работал крупной кистью, и работа, будучи начатой, шла быстро; но во втором томе де Токвиль взвалил на себя задачу более кропотливую — ему нужно было прописать, как демократия сказывается на человеческой жизни в самых разнообразных ее сферах, от брачных практик до литературного творчества. Демократия вообще главная героиня этой книги — она даже потеснила вторую ее героиню, Америку. Тут уместно вновь напомнить, что де Токвиль не был истовым ценителем равенства — в нем, на его вкус, было слишком много издержек, — но признавал его как знамение времени. Как-то де Токвиль назвал себя «демократом от необходимости и аристократом от сердца» — эта формула прекрасно характеризует его позицию<sup>31</sup>. Его претензии к демократии во многом были эстетическими: попросту говоря, она представлялась ему некрасивой. В одном из частных писем от 1831 года он характеризует демократическую жизнь как торжество посредственности. «Люди в Соединенных Штатах, — писал де Токвиль, — не знают ни войн, ни



Лист из рукописи «Демократия в Америке»

эпидемий, ни литературы, ни красноречия, ни изящных искусств, ни настоящих преступлений, ничего из того, что так возбуждает Европу: американцы наслаждаются самым унылым счастьем, какое только можно представить»<sup>32</sup>. Одна из проблем в том, что американцы — это *self-made men*, люди, которые делают себя сами. Это прекрасно, но есть проблема: подобное самоизготовление требует очень много времени. В итоге у аристократа и такого человека разные линии старта: один получает стартовый капитал готовым и лишь наращивает доставшееся даром, а другому приходится зарабатывать его самостоятельно. Именно поэтому капиталисты в первом поколении по большей части неприятные и ограниченные люди. В целом же, по мнению де Токвиля, для демократии было бы лучше, если бы она смогла вобрать лучшие качества аристократии, а именно ее гражданские, артистические и военные добродетели.

Второй том «Демократии в Америке» появился в 1840 году. Его выход не получил того резонанса, которым ранее был встречен первый том. Де Токвиля критиковали в первую очередь за то, что он совсем не уделял внимания экономическим материям. Автор, разумеется, был огорчен, о чем писал своим корреспондентам. Но были и такие критики, которые сразу же смогли сосредоточиться на главном. Джон Стюарт Милль, английская звезда либерализма и почти ровесник де Токвиля, подготовил рецензии на оба тома работы. По его мнению, она стала «первой философской работой, посвященной бытованию демократии в современном обществе». Впрочем, еще до выхода рецензий на второй том де Токвиля, изнуренный своими литературными трудами, решил поставить крест на писательской карьере. «После завершения этой книги мое твердое намерение состоит в том, чтобы работать исключительно для себя и больше не писать для публики», — сообщал он одному из своих корреспондентов<sup>33</sup>. Тем не менее определенная репутация была уже выстроена. Надо было жить дальше, придумав для себя новое занятие.

### Снова революция, апофеоз карьеры — и разочарование

Между тем Франция вступала в новую полосу политических катаклизмов. Де Токвиля чувствовал это и в конце января 1848 года, выступая в Палате депутатов, предсказал приближающуюся революцию. Он обрушился на своих коллег, заявив о том, что они погрязли в невежественном эгоизме, но при этом сидят на вулкане. «Главная причина, из-за которой люди теряют власть, всегда одна и та же: они перестают быть достойными ее», — говорил нормандский депутат. В ряду факторов, которые спровоцируют революцию, он называл отличающие правящую элиту «безразличие, глупость, порочность, бесталанность в управлении страной»<sup>34</sup>. (Кстати, воплощением этого слепого само-

довольства для де Токвиля выступал сам король. Однажды монарх пригласил его на личную аудиенцию: это произошло после возвращения молодого аудитора из Америки, когда венценосец захотел узнать о его впечатлениях. Во время той памятной встречи, рассказывал потом де Токвиль, он сам не произнес и четырех слов: все 45 минут говорил только Луи-Филипп: «Он описывал американские достопримечательности так, будто бы они вживую были перед его взором; он вспоминал выдающихся американцев, с которыми встречался сорок лет назад, причем делал это так, словно встречи состоялись вчера; он помнил их имена, возраст, семейные истории, предков и потомков, причем все это в мельчайших деталях»<sup>35</sup>. Выговорившись, первое лицо стремительно удалилось, поблагодарив озадаченного Алексиса за приятную беседу.) Революцию де Токвиль назвал неминуемой — и не ошибся: менее чем через месяц, 23 февраля, на одной из парижских улиц солдаты расстреляли рабочую демонстрацию, убив полтора десятка человек. В столице начались беспорядки. Временное правительство, назначенное королем Луи-Филиппом, ввело всеобщее избирательное право; это было важно, поскольку, как уже говорилось выше, ранее существовавший имущественный ценз резко ограничивал доступ к избирательным урнам — из 30 миллионов французов лишь 241 тысяча обладала правом голоса. Но уличные толпы уже не желали расходиться, несмотря на уступки власти. 24 февраля в Париже начались масштабные беспорядки. Люди скандировали: *Vive la reforme!* — причем очень скоро этот лозунг подхватили и национальные гвардейцы, охранявшие королевский дворец<sup>36</sup>. Луи-Филипп явно чувствовал на своей шее холодок гильотины; решив не испытывать судьбу, он отрекся от престола и вместе с семьей покинул Париж. Палата депутатов была распущена. Во Франции началась жизнь Второй республики.

«Самой трудной вещью для бунта, как и для романа, остается придумывание концовки», — написал де Токвиль в своих «Воспоминаниях», наименее известной своей книге, увидевшей свет только в 1893 году, через несколько десятилетий после кончины автора. В ней де Токвиль выступает в качестве не политического аналитика, а тонкого знатока человеческой комедии, исследователя нравов. Одновременно «Воспоминания» можно рассматривать в качестве небольшого пособия по изучению революций. В отличие от большевистского переворота французский бунт 1848 года был настоящей революцией, которую учинила голодная и политически никем не представленная толпа. «Как правило, у истоков революций стоят эмоции масс, иногда долго вынашиваемые, но никогда не планируемые наперед, — писал мемуарист. — Они спонтанно выливаются из всеобщего затмения человеческих умов, обусловленного какой-то непредвиденной случайностью. Называющие себя зачинателями и руководителями таких революций

на деле ничего не зачинают и не возглавляют: их единственное достоинство можно уподобить достоинству авантюриста-первооткрывателя, который храбро идет к неведомому, преодолевая встречный ветер»<sup>37</sup>. В революционные дни де Токвиль подготовил новое предисловие к «Демократии в Америке», в котором ссылаясь на революцию как на подтверждение того, что пришествие демократии неизбежно. Тогда же вышло ее дешевое издание, разошедшееся тиражом в четыре тысячи экземпляров.

Образ «общества, расколотого на тех, у кого нет ничего и кто объединен общей ненавистью, и тех, у кого есть все и кто объединен общим ужасом»<sup>38</sup>, пугал де Токвиля. «С самого начала февральской революции де Токвиль опасался того, что Франция устремилась в будущее, где ей придется выбирать между анархией и деспотией», — пишет его биограф<sup>39</sup>. Мыслитель оказался недалек от истины, хотя, бесспорно, революция открыла перед ним беспрецедентные возможности — прежде всего в плане реализации себя как политического деятеля. В ходе состоявшихся в конце апреля 1848 года выборов в Учредительную ассамблею — теперь в голосовании участвовало все мужское население Франции старше 20 лет — де Токвиль, энергично выступая и против монархии, и против социализма, вновь получил депутатский мандат, причем это был настоящий электоральный триумф: из 120 тысяч избирателей приморского департамента Манш за автора «Демократии в Америке» проголосовало почти 111 тысяч. «Большая часть претендентов в ходе кампании пыталась возродить обыкновения 1792 года, — вспоминал он позже. — Обращаясь к людям, они называли их гражданами, а послания свои подписывали словами „братски ваш“. Я никогда не практиковал всю эту революционную чушь. Общаясь с избирателями, я неизменно именовал их господами, а завершал обращения словами „ваш покорный слуга“»<sup>40</sup>. Кстати, несмотря на столь оглушительный и всенародный личный успех, де Токвиль не строил никаких иллюзий в отношении грандиозного расширения избирательного права, которое в одночасье состоялось в послереволюционной Франции. Понимая, что оно, как неотъемлемый атрибут наступающей демократической эпохи, теперь неискоренимо, он четко видел деспотический потенциал этой новации: под влиянием демагогов массы, допущенные к избирательным урнам, способны губить свободу. «Учреждая всеобщее избирательное право, они полагали, что поднимают народ на поддержку революции, но на деле они вручили массам оружие, которое можно было использовать против нее», — писал де Токвиль о своих собратьях-революционерах 1848-го<sup>41</sup>.

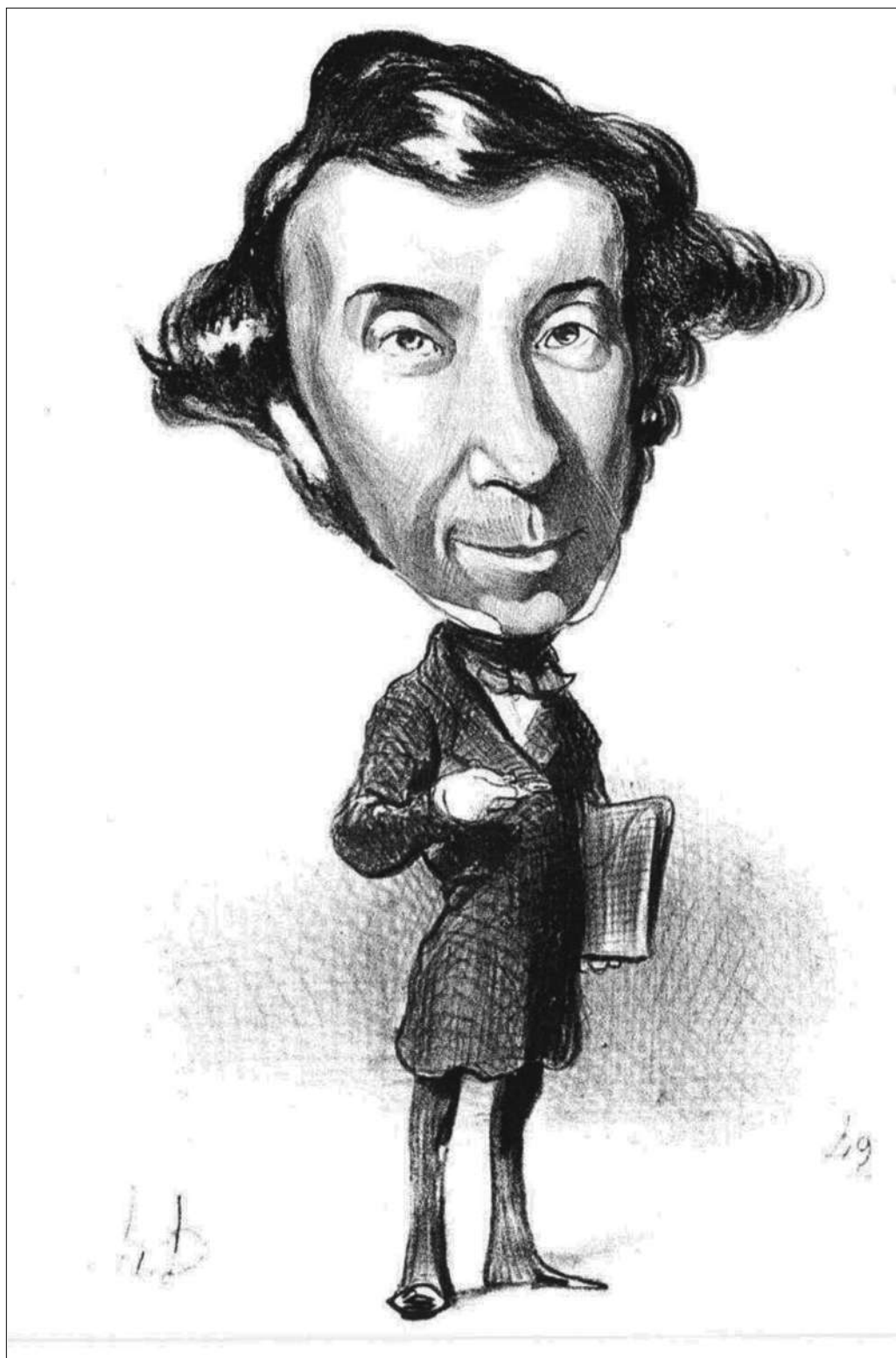
Несомненно, его вдохновило избрание в состав комитета из восемнадцати депутатов, которым было предложено написать конституцию новорожденной республики. Он с энтузиазмом втянулся в работу, хотя потом его посетило неизбежное разочарование. Дело в том, что в июне

1848 года в Париже вновь были беспорядки, на этот раз инспирированные рабочими организациями, требовавшими перехода к социализму. Восстание было подавлено за несколько дней, около пяти тысяч человек были убиты. (Алексис де Токвиль, оказавшись в самой гуще этих событий, красочно описывает их в мемуарах.) В итоге конституция сочинялась на волне революционных эмоций, когда на улицах еще пахло порохом; ее создатели не были беспристрастными — напротив, многими их решениями руководил страх. По этой причине получившийся документ был изначально половинчатым и нежизнеспособным: по замечанию де Токвиля, уже через год многие хотели от него избавиться, поскольку одни радикалы тянули Францию к социализму, а другие — к монархии.

*Де Токвилю удалось настоять на том, чтобы прямое избрание президента уравнивалось запретом переизбираться на второй срок. Логика была вполне понятной: если граждане ошибутся, то не надо предоставлять им шанс повторять свою ошибку*

Тем не менее в ходе конституционных дебатов были подняты принципиальные вопросы, интересовавшие де Токвиля. Первым был вопрос о том, сколько палат должно быть во французском парламенте. Будучи знатоком и поклонником американского опыта, де Токвиль выступал за две палаты, сдерживающие и ограничивающие друг друга, но проиграл, эту позицию поддержали лишь три члена комитета из восемнадцати. Вторым вопросом, решительно разделившим комитет, стал вопрос об избрании будущего президента республики. Были высказаны две позиции: с одной стороны, предлагалось всенародное избрание, а с другой — избрание коллегией выборщиков. Разумеется, де Токвиль отстаивал второй вариант, но и здесь он проиграл. Тем не менее в одном пункте — и он, кстати, оказался наиболее роковым из всех решений, которые принял тогда конституционный комитет, — де Токвиль победил. Ему удалось настоять на том, чтобы прямое избрание президента уравнивалось запретом переизбираться на второй срок. Логика была вполне понятной: если граждане ошибутся, то не надо предоставлять им шанс повторять свою ошибку — одного раза для первого лица будет вполне достаточно.

Между тем, по мере того как шла конституционная работа, во Францию из английского изгнания вернулся персонаж, которому было суждено сыграть важную роль не только в европейской истории XIX столетия, но и в личной судьбе де Токвиля. Речь идет о принце Луи Наполеоне, племяннике Наполеона Бонапарта, который, оказавшись на родине, сразу был избран в состав обновленного парламента. Его возвращение приветствовали обыватели, напуганные недавним револю-



Оноре Домье. Алексис де Токвиль. 1849

ционным безобразием на парижских улицах: в Луи Наполеоне они увидели деятеля, способного навести порядок в стране. «За него сообра проголосовали и республиканцы, и легитимисты, и демагоги, — вспоминал де Токвиль. — Ибо нация в то время была похожа на стадо овец, которое мечется во все стороны сразу, не разбирая дороги»<sup>42</sup>. Опираясь на мощную поддержку в элитах, Луи Наполеон очень скоро стал президентом республики. Репутация, заработанная де Токвилем к тому времени — «Демократия в Америке», членство во Французской академии и неучастие в склоках политических партий в предшествующее десятилетие, — сделали так, что новоявленный глава государства неожиданно для нашего героя обратил на него внимание, предложив ему стать членом правительства.

Описывая политическое позиционирование де Токвиля в то время, комментатор пишет: «Он входил в меньшинство большинства: хотел порядка, но не ценой диктатуры, и желал сохранения республики, поскольку думал, что под ее эгидой у свободы больше шансов»<sup>43</sup>. Настораживало де Токвиля то, что Луи Наполеон беззастенчиво стремился к неограниченной власти над страной. Как и многие, де Токвиль не был готов к возвращению монархии, да еще воплощаемой человеком, который прославился только своими бесчисленными любовницами, сомнительными сделками и странным окружением, состоявшим, по определению нашего героя, из «интриганов, авантюристов и лакеев»<sup>44</sup>. Тем не менее, по-прежнему испытывая острую жажду самореализации, де Токвиль склонен был согласиться на министерский пост. Ему очень хотелось стать министром образования, но эту позицию отдали другому человеку. Он, в свою очередь, отказался от поста министра сельского хозяйства, который был ему предложен. Но будущий диктатор не хотел отпускать де Токвиля — и в итоге они договорились: мыслитель получил портфель министра иностранных дел. Должность была не очень выдающейся, поскольку после череды революций престиж Франции в Европе был весьма невысок. Де Токвиль исполнял министерские обязанности всего лишь пять месяцев, с июля по октябрь 1849 года, и, как отмечают исследователи, для страны сделал не слишком много. Но зато для личной самореализации это был очень важный период. Кстати, заведя внешней политикой, он помог своему другу де Бомону стать послом в Вене, несмотря на то что тот всегда плохо отзывался о Бонапарте. Проводимый им курс был довольно реалистичным, он приложил руку ко всем проблемам, которые беспокоили тогда Европу, но продолжалось это недолго.

Дипломатическая карьера прервалась столь же внезапно, как и началась, и виновником этого был все тот же Луи Наполеон — человек, которого де Токвиль именовал «слабым и посредственным завоевателем». Все это время глава государства занимался укреплением своей единоличной власти; как отмечал де Токвиль, «в политических во-

просах главную установку его ума составляли ненависть и презрение к коллегиальным органам»<sup>45</sup>. Осенью 1849 года он отправил в отставку свое первое правительство, и де Токвиль лишился министерской должности. За ним, правда, оставалось депутатское кресло, но из-за обострения туберкулеза наш герой взял в парламенте отпуск для восстановления здоровья. Летом 1850 года чета де Токвиль отбыла на побережье Неаполитанского залива, в Сорренто, где Алексис написал упоминавшиеся ранее мемуары, посвященные событиям 1848 года. Во Францию они вернулись лишь весной следующего года, застав страну в ситуации очередного — и опять острейшего — политического кризиса.

Продолжая концентрацию власти в своих руках, Луи Наполеон поставил Национальное собрание перед выбором, который изначально был неизбежным: депутатам предстояло либо разрешить ему переизбрание на второй срок — запрещенное, как уже говорилось, конституцией, либо вступить в открытую конфронтацию с президентом. Депутаты выбрали второй путь. 2 декабря 1851 года Луи Наполеон произвел государственный переворот. Национальное собрание было распущено, наиболее видных депутатов и республикански настроенных военачальников взяли под стражу. Собрание из 230 депутатов, не составившее, однако, кворума, — де Токвиль тоже принял в нем участие — прошло в здании парламента. Депутаты намеревались объявить действия Луи Наполеона незаконными, но вскоре здание блокировали войска. Народные избранники перебрались в префектуру одного из парижских округов и там приняли декрет, обличавший государственный переворот. Разумеется, их демарш не возымел никакого эффекта. Зато очень скоро солдаты явились и в префектуру — оппозиционных депутатов препроводили в казармы, где задержали на два дня. Среди них был и де Токвиль, который за это время успел написать письмо в лондонскую *The Times*, осуждавшее переворот. Подчеркивая персональное уважение к де Токвилю, новоявленный император предложил ему вновь занять министерское кресло, но тот отказался, до конца своих дней оставшись непримиримым врагом Второй империи. Отказавшись принести клятву верности новому режиму, он покинул и пост председателя местного совета в своей родной Нормандии. Собственно, с этими событиями активная политическая жизнь Алексиса де Токвиля завершилась.

Еще в 1850 году он писал в письме Луи де Керголе: «Мне кажется, что подлинным моим призванием является работа ума; что я гораздо сильнее в мыслях, нежели в делах; что если от меня и останется что-нибудь в этом мире, то это будут скорее отзвуки того, что я написал, а не воспоминания о том, что я сделал»<sup>46</sup>. И действительно, после переворота 1851 года писательство, несмотря на прежние намерения вообще с ним покончить, стало главным делом де Токвиля. Перед ним не было вопро-



са, о чем писать: конечно, таким предметом могла стать только революция — начавшаяся шестьдесят лет назад и никак не утихающая. Так на свет родилась книга «Старый порядок и революция». Одно из открытий, сделанных де Токвилем в этой книге, заключалось в том, что «старый порядок» во Франции означал все большую централизацию — дворянство постепенно передавало власть короне, взамен требуя лишь того, чтобы его не трогали и оставили в покое. При этом он первым попытался заново оце-

нить роль Просвещения, видя в нем не практическое, а сугубо теоретическое течение, которое принесло больше вреда, чем пользы.

Первая часть работы вышла в 1856 году, вызвав благожелательные отклики как во Франции,

так и в Англии. Книга выдержала четыре издания, но завершить ее де Токвиль не успел: во второй части были написаны лишь две главы. Тем не менее новая работа оживила контакты ее автора с Джоном Стюартом Миллем: прославленный английский философ вновь откликнулся на выход книги хвалебной рецензией. В 1857 году Алексис совершил свое последнее путешествие в Англию, где его принимали с большой помпой — как выдающегося интеллектуала и стойкого оппонента тирании Наполеона III. Он провел час в беседе с Альбертом, принцем-консортом, и лишь недомогание не позволило ему принять приглашение отобедать с премьер-министром лордом Пальмерстоном. Один из его английских почитателей предоставил де Токвилю личный корабль, чтобы с комфортом доставить французскую знаменитость обратно; прибытие судна к берегам Нормандии вызвало немалое волнение не только среди соседей де Токвиля, но и в политической полиции Наполеона III, запретившей газетам писать об этом случае. Несмотря на признание и славу, вернуться к работе он уже не смог. В 1858 году семья переехала в более благоприятный для его здоровья климат, сняв виллу в Каннах. Алексис де Токвиль умер в апреле 1859 года, не дожив до 54 лет. Его кончина впоследствии вызвала жаркие обсуждения, поскольку Гюстав де Бомон сообщил, что его друг не пожелал исповедаться перед смертью.

«Так кем же он был — правым или левым, либералом или консерватором, консервативным либералом или либеральным консерватором, сентиментальным аристократом или недовольным демократом? — задается вопросом современный биограф. — Истина состоит в том, что он был всем понемножку, иногда по отдельности, а иногда одновре-

*«Мне приписывают то демократические, то аристократические предрассудки.*

*Возможно, я обладал бы теми или другими, родился я в другом столетии и в другой стране. Но прихоть рождения заставляет меня одновременно защищать и то и другое»*

менно. ...Он опасался революции, имея на то исторические причины, и восхищался порядком; он презирал демагогию; он не был другом народа, — по крайней мере, в том грубом и абстрактном смысле, в каком обычно употребляют этот термин, но при этом он полностью понимал то эмоциональное состояние, которое несет с собой несправедливость»<sup>47</sup>. В письме, написанном в 1837 году Генри Риву, своему английскому переводчику, де Токвиль говорит: «Мне приписывают то демократические, то аристократические предрассудки. Возможно, я обладал бы теми или другими, родился я в другом столетии и в другой стране. Но прихоть рождения заставляет меня одновременно защищать и то и другое. Когда я родился, аристократия была уже мертва, а демократия еще не появилась на свет»<sup>48</sup>. Едва ли можно было бы выдать себе более точную мировоззренческую дефиницию.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Epstein J. Alexis de Tocqueville: Democracy's Guide. New York: HarperCollins, 2006. P. 2.
- 2 Зорин А. Жизнь Льва Толстого: Опыт прочтения. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 7.
- 3 «Лишь немногие благородные фамилии Франции могли проследить свою родословную столь глубоко, как это семейство: один из его предков в 1066 году помогал Вильгельму Завоевателю покорять Англию» (Kahan A.S. Alexis de Tocqueville. New York; London: Continuum, 2010. P. 4).
- 4 См. биографическую справку, посвященную отцу мыслителя: Токвиль // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXIII. СПб., 1901. С. 421
- 5 Epstein J. Op. cit. P. 18.
- 6 См.: Kahan A.S. Op. cit. P. 6.
- 7 Токвиль де А. Старый порядок и революция. М.: Московский философский фонд, 1996. С. 114, 125.
- 8 Цит. по: Epstein J. Op. cit. P. 19.
- 9 Ibid. P. 20.
- 10 Гейне Г. Тюремная реформа и уголовное законодательство // Он же. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 281.
- 11 Epstein J. Op. cit. P. 24.
- 12 Kahan A.S. Op. cit. P. 33.
- 13 Цит. по: Epstein J. Op. cit. P. 36.
- 14 Ibid. P. 44.
- 15 Цит. по: Ibid. P. 50.
- 16 Мысль о том, что дворянство должно служить опосредующим звеном между монархом и обществом, не позволяющим узурпировать власть в одних руках, была одной из центральных для трактата «О духе законов». Исходя из

нее, Монтескье полагал, что и при абсолютной монархии можно сохранять свободу: делегируя часть своих полномочий коллегиальным дворянским органам, суверен способен одновременно укрепить и политическую вольность, и государственную стабильность. Такие воззрения стали называть «аристократическим либерализмом». Подробнее об этом см.: *Djin A. de. French Political Thought from Montesquieu to Tocqueville*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 20–32.

17 Токвиль де А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1993. С. 27.

18 Там же. С. 29.

19 Там же.

20 Там же. С. 30.

21 Об отношении де Токвиля к американскому федерализму см., например: *Зидентон Л. Демократия в Европе*. М.: Логос, 2004. С. 8–20.

22 Цит. по: *Epstein J. Op. cit.* P. 61.

23 *Kahan A.S. Op. cit.* P. 9.

24 См.: *Carroll R. The Hidden Labors of Mary Mottley, Madame de Tocqueville // Nuptia: A Journal of Feminist Philosophy*. Fall 2018. Vol. 33. № 4. P. 643–662.

25 *Epstein J. Op. cit.* P. 68.

26 *Kahan A.S. Op. cit.* P. 10–11.

27 *Tocqueville de A. Recollections*. London: Henry & Co, MDCCCXCVI [1896]. P. 109.

28 *Epstein J. Op. cit.* P. 74.

29 *Ibid.* P. 78.

30 *Tocqueville de A. Recollections*. P. 9–10.

31 *Epstein J. Op. cit.* P. 91.

32 Цит. по: *Epstein J. Op. cit.* P. 93.

33 Цит. по: *Epstein J. Op. cit.* P. 109.

34 Де Токвиль приводит текст этого парламентского выступления в своих воспоминаниях. См.: *Tocqueville de A. Recollections*. P. 14–16.

35 *Ibid.* P. 7–8.

36 Обстановка тех дней ярко представлена в выдающемся романе Гюстава Флобера «Воспитание чувств».

37 *Tocqueville de A. Recollections*. P. 43.

38 *Ibid.* P. 132.

39 *Kahan A.S. Op. cit.* P. 14.

40 *Tocqueville de A. Recollections*. P. 118.

41 *Ibid.* P. 131.

42 *Ibid.* P. 183.

43 *Epstein J. Op. cit.* P. 148–149.

44 *Ibid.* P. 149.

45 *Ibid.* P. 157.

46 Цит. по: *Epstein J. Op. cit.* P. 161.

47 *Ibid.* P. 75.

48 *Ibid.* P. 76.



*Анатолий Михайлов,  
доктор философских наук,  
Европейский гуманитарный  
университет, г. Вильнюс  
(Литва)*

## *Наследие Ханны Арендт\**

**Я** знаком с Леной и Юрием с давних советских времен. После распада Советского Союза мы, не согласовывая друг с другом, попытались, каждый по-своему, реализовать инициативы, крайне необходимые для возникшей новой реальности постсоветского пространства, с пониманием того, что в интеллектуальном отношении мы не были готовы к тем вызовам, с которыми сталкивается трансформация посттоталитарного общества. Разумеется, такого рода признание по отношению к самим себе отнюдь не является обычным. Всем нам крайне трудно осознать недостаточность своего собственного состояния и быть критичным по отношению к себе, тем более что в те не столь далекие времена слишком много было совершенно убежденных в том, что основная проблема уже решена. Я имею в виду определенную атмосферу эйфории того времени и обилие энтузиастов, уверенных в неизбежности позитивного развития событий, как в постсоветском пространстве, так и на Западе. Сейчас приходится признать, что всем нам, по-видимому, был необходим *экзистенциальный* опыт, который, как правило, существенно трансформирует осмысление реальности. К сожалению, у нас до сих пор нет уверенности в том, что он оказался достаточным для того, чтобы мы могли сделать из него надлежащие выводы.

Конечно, судя по моему возрасту, я могу выглядеть одним из тех, кто испытывает соблазн переоценки того опыта, которым, как правило, пытаются поде-

---

\* Выступление на семинаре Ассоциации школ политических исследований при Совете Европы в г. Юрмала (Латвия) 3 октября 2019 г.

литься с молодежью представители старшего поколения. И было бы крайне рискованным сейчас, почти тридцать лет спустя, пытаться представить себя в качестве способного в полной мере предугадать то, что мы переживаем в наше время. Мне очень не хотелось бы выступать в такой роли. Речь идет о большем: в очередной раз нам придется убеждаться в неизбежности расхождения между мышлением и бытием. Поэтому, когда некоторое время назад меня пригласили выступить перед вами, я принял это приглашение, откровенно говоря, не без колебаний. Вопрос, который меня волнует, заключается в том, каким образом избежать того пресловутого многоговорения, которым столь наполнено наше пространство и которое слишком часто оказывается соблазнительной подменой насущной потребности осмысления реальных проблем нашей жизни.

На эту проблему в свое время обращал внимание еще Серен Кьеркегор в середине XIX века, возвестивший поворот к экзистенциальному мышлению, а затем среди прочих и Мартин Хайдеггер, который продемонстрировал опасность власти безличной анонимности над сознанием каждого из нас. В силу многих обстоятельств, в том числе появления социальных сетей и современных медиа, создания до сих пор немыслимого по возможности своего влияния на индивидуальное сознание инструментов, эти, все еще не услышанные, пророчества приобретают такие масштабы и формы, что становится не совсем понятно, как быть каждому из нас в этой ситуации.

Прежде всего прошу вас не воспринимать мое выступление как лекцию или доклад. Скорее всего, я приглашаю вас

к разговору, к размышлению. Для этого я выбрал личность такого мыслителя, как Ханна Арендт. Совсем недавно в Европейском гуманитарном университете в Вильнюсе по моей инициативе состоялась конференция с привлечением специалистов из разных стран, посвященная осмыслению ее наследия. Как и всякая конференция, она, разумеется, не могла избежать некоторой, неизбежной разбалансированности внимания на самом существенном в ее наследии, но тем не менее нам в какой-то степени удалось начать разговор по поводу состояния нашего мышления, которое мы чаще всего воспринимаем как нечто естественное и само собой разумеющееся, пребывающее в уверенности в самом себе и своей способности постигать реальность. Это особенно актуально в наши дни, когда, вооружившись достаточно соблазнительной формулировкой, которая по-английски звучит как *critical thinking*, мы, как правило, обращаем это оружие по отношению к чему угодно, но в наименьшей степени по отношению к самим себе. Тем самым мы воспринимаем себя в качестве уже наделенных полномочиями по осуществлению этого *critical thinking*, забывая о том, каково же действительно состояние нашего мышления, столь активно взявшего на вооружение эту формулу, на самом деле.

Ханна Арендт была не случайно выбрана в качестве сюжета для моего сегодняшнего разговора. Я думаю, что нет нужды сегодня говорить о том, кто такая Арендт. Но очень коротко напомню, что она получила великолепное образование в лучших университетах Германии. По всей вероятности, ее ожидала блестящая академическая карьера. Она занималась Античностью

и Средневековьем, защитила диссертацию об Августине, прошла школу таких мыслителей, как Ясперс и Хайдеггер. Но обстоятельства личной жизни сложились таким образом, что пережитая ею драма не позволила ей оставаться в рамках традиционного академизма. Уже в середине прошлого века она обозначила проблему, над которой нам всем следовало бы основательно задуматься и в наши дни. На английском она звучит следующим образом: *thought and reality have parted company*. Иными словами, мышление и реальность сталкиваются с тем, что между ними возникает пропасть. Нетрудно заметить, что за этим высказыванием стоит мощный вызов для каждого из нас, поскольку мы воспринимаем себя как существ, отличительной особенностью которых является способность к мышлению. Это устоявшееся представление человека о себе самом является доминирующим в европейской традиции. *Мыслящее* животное (*animal rationale*), *мыслящая* вещь (*res cogitans*) — есть не что иное, как способ определения специфики человеческого бытия. Тем самым мы исходим из того, что мы являемся существами, которые отличаются от всех других живых существ тем, что уже *обладаем* мышлением.

Но давайте подумаем о том, в какой степени этот атрибут мышления принадлежит нам генетически? Существует ли он подобно тому, как способность видеть и слышать? В этом случае мы слышим звуки и что-то видим уже с первых мгновений нашей жизни, начиная воспринимать мир. Эти качества есть нечто такое, что обеспечено нашей генетикой, длительной эволюцией человеческого рода. Возникает вопрос:

разве мы *обладаем* и мышлением как чем-то таким, что существует у нас от природы?

Разумеется, Арндт не просто фиксирует эту очевидность. Когда она говорит, что мышление и реальность расходятся и между ними существует пропасть, она обращает внимание на то, что *состояние* нашего мышления, обращенного к реальности, не соответствует потенциальной природе того, *каким* должно быть это мышление. Она фиксирует тревожный феномен того, что реальность становится все менее прозрачной для нашего мышления. Это означает, что принципы мышления, его категории, все то, посредством чего мы вынуждены, находясь в этом мире, обращаться к этому миру с тем, чтобы в нем существовать, срывает, к сожалению, все меньше и меньше.

Вывод, к которому она приходит, отнюдь не является оригинальным для умонастроения двадцатого столетия. Однако особый интерес для нас он представляет в связи с тем, что Арндт связывает его с проблемами образования.

Вот почему я полагал, что необходимо обратиться к осмыслению наследия Ханны Арндт. Слишком часто, говоря о важности наследия того или иного мыслителя, мы остаемся приверженцами пустой фразы, ограничиваемся абстрактными комментариями и оказываемся неспособными извлечь должные уроки из прошлого опыта. Как уже отмечалось, Х. Арндт столкнулась с этим, имея перспективы прекрасной академической жизни. Она великолепно владела древнегреческим и латинским языками, была причастна самым непосредственным образом к сокровищам богатейшей немецкой и европейской культуры. И в то же время пони-

мала, что все это, накапливавшееся веками, не воздействует на человека в автоматическом режиме. Хорошо, когда такое наследие, к которому можно приобщиться, существует, однако не стоит наивно предполагать, что наше приобщение к нему неизбежно приводит к успеху.

На примере Арендт мы сталкиваемся с тем, сколь существенным является в нашем развитии личный *экзистенциальный опыт*. Ее потрясло то, что случившееся с Германией произошло в культуре далеко не невежественной, в культуре с мощнейшими традициями в философии, в искусстве, в литературе, в поэзии, в музыке. Эта культура и в сфере образования, казалось бы, должна была предполагать ретрансляцию этих ценностей от поколения к поколению с завидным успехом, но тем не менее умудрилась пасть так низко! Арендт восприняла это как трагедию нации. Одним из импульсов, который, в частности, особенно поразил Арендт, был вывод, к которому она пришла: факт *отсутствия* у человека мышления. На примере анализа поведения одного из лидеров фашистского движения Эйхмана она была потрясена тем, что это поведение касается человека, отнюдь не являющегося необразованным дикарем: «Мой интерес был вызван феноменом полного отсутствия мышления», — пишет Арендт. Как такое могло случиться, при этом не только на примере Эйхмана, в той культуре, которая не без основания может гордиться весьма впечатляющими традициями в сфере образования?

Иными словами, что же собой в таком случае представляет образование?

В середине прошлого века Арендт на-



Ханна Арендт. 1944.  
Фотография Фреда Штайна

писала любопытную книгу, подлинные уроки из содержания которой мы все еще не извлекли. Она называется «Между прошлым и будущим». В ней имеются наряду с прочим две главы: «Кризис в образовании» и «Кризис в культуре». Как известно, книга была опубликована как по-английски, так и по-немецки. Но, как часто это бывает, смысл понятий, которыми она при этом оперирует, оказывается существенно иным даже в этих родственных по своему происхождению от латинского языков. В частности, я ожидал, что английскому понятию *education* будет соответствовать напрашивающееся немецкое *Bildung*, которое в большей степени соответствует русскому слову «образование», чем английскому *education*, хотя и это уже означает определенное смещение смысловых акцентов. В этом случае, как мы знаем, под «образованием» понимается нечто близкое к «формированию», «образовыванию». Тем самым под образованием понимается такой процесс воздействия на каждого из нас,

который признает отсутствие в нас тех необходимых качеств, которыми наделены для своего существования даже примитивные живые организмы. Как известно, для этих организмов не существует ни детских садиков, ни школ, ни бакалавриата, магистерских или докторских программ, то есть того, что существует для становления и развития каждого из нас, столь необходимого для дальнейшего проживания в этом мире. Поскольку человек оказался по природе значительно ослабленным существом, не насыщенным и не наделенным необходимыми природными качествами, он должен компенсировать это отсутствие формированием мышления. Именно поэтому столь длителен процесс вовлечения его в образование, в формирование. Но каким должно быть это образование? Из чего оно состоит?

Вернемся к понятию *Bildung*, которое в немецкой интеллектуальной традиции и за ее пределами пользуется, как известно, достаточным авторитетом. В немецком варианте статьи Арндт ею самой понятие *education* переводится несколько неожиданно, с определенным усилением акцента воздействия на личность — как *Erziehung* — «воспитание». Мы хорошо знаем, как в советскую эпоху был дискредитирован этот термин, поскольку им обозначали, как правило, «коммунистическое воспитание». Но слова не повинны в том, что кто-то умудрился исказить их смысл. И Арндт сознательно использует в немецком варианте книги понятие «воспитание», где та же статья называется «Кризис воспитания».

По-видимому, Арндт глубоко права в этом смещении акцентов. Подлинное «образование» подразумевает отнюдь

не простое оснащение нас каким-то знанием. Известно, что каждая эпоха сталкивается с проблемой образования как подготовки подрастающего поколения к будущей жизни. И, как правило, решение этой проблемы — всегда вызов для общества. Никогда этот процесс не происходит в автоматическом режиме, даже в тех странах, которые, казалось бы, накопили мощный потенциал культуры на протяжении веков и тысячелетий и располагают сложившимися и признанными в мире традициями в сфере образования. Совершенно понятно поэтому, что и Германия, столь славившаяся традициями образования со времен Гумбольдта, особенно болезненно переживала крушение того, чем она так привыкла гордиться.

В 1963–1964 годах профессор философии Георг Пихт организовал в немецкой печати дискуссию на тему «Немецкая образовательная катастрофа». Дискуссия длилась около двух лет. Речь шла о крайне болезненном осознании того, что трагедия немецкой нации в XX веке произошла, в частности, и потому, что образование обнаружило свою несостоятельность. Оно оказалось неспособным воспитать человека и содействовать тому, чтобы он должным образом формировал себя и социальную реальность в соответствии с возведенными некогда идеалами европейской культуры. В конечном счете состояние нашего мышления, наше знание о мире на каком-то этапе оказываются подчиненными стандартам иллюзорных представлений о мире, ситуации, при которой мы навязываем эти представления самому миру. В этом случае мы слишком часто пребываем в сфере *wishful thinking* — того, что нам



хотелось бы видеть в мире в качестве существующего, без достаточных для этого реальных оснований.

Каждый из нас приходит в этот мир, будучи непричастным к своему собственному появлению. И обнаружив себя в этом мире, мы нуждаемся в необходимых ориентирах, вынуждены находить способы «обнадеживания» себя, утверждения необходимости жить в этом мире. И чаще всего иллюзии по поводу факторов нашего «человеческого» становления, редуцируемые к формированию мышления,

по-видимому неизбежные для каждого из нас, отливаются в абстрактные схемы, не соотносимые ни с природой человека, ни с окружающей нас реальностью. Мы навязываем такое «мышление» реальности и надеемся, что реальность будет преобразовываться в соответствии с его характером. Для признания опасности подобного положения дел у нас, как правило, недостает мужества, поскольку такое признание означает готовность подвергнуть сомнению свое собственное интеллектуальное состояние. Лишь немногие оказываются способны на то, что Арендт сумела не только осознать, но и самим процессом своего творчества обозначила пути преодоления этого кризисного состояния европейской культуры.

Для понимания этого вклада Арендт нам необходимо вернуться к традиционной формулировке «тождества бытия и мышления», столь укоренившейся не только в философии, и признать неизбежность того, что наше мышление никогда не может в полной мере адекватно отвечать на те вызовы,

которые предъявляет ему реальность, в которой мы находимся.

Уже с начала XX века, задолго до потрясений Первой мировой войны и прихода фашизма в Германии к власти, в Европе формировалось ощущение тревоги по поводу эффективности

*Поскольку человек оказался по природе значительно ослабленным существом, не насыщенным и не наделенным необходимыми природными качествами, он должен компенсировать это отсутствие формированием мышления*

---

тех конфигураций мышления, которые постепенно обнаруживали свою обособленность от реальности, мышления, которое стало слишком самонадеянным по своей природе и постепенно утрачивало свою жизненную природу.

В эти годы выдающийся немецкий мыслитель Эдмунд Гуссерль обозначает принцип, который, по его мнению, должен был радикальным образом трансформировать наше мышление, и формулирует его феноменологический девиз: «Назад, к самим вещам!» Речь идет, иными словами, о том, что нам необходимо преодолеть своеобразный теоретизм нашего мышления, которое покоится слишком часто на абстрактных основаниях — на представлениях о существовании абстрактного человека, субъекта, Я, которые воспринимаются в качестве уже наделенных определенными качествами мышления. Исходя из этой уверенности, производные от такого «мышления» теоретические представления навязываются окружающей нас реальности.

В противовес этому принцип, провозглашенный Гуссерлем, означает отказ от стереотипов мышления и похож на обретение взгляда невинного ребенка из известной сказки Андерсена о голом короле. Мальчик, ничего не подозревающий об условностях, существующих в обществе, называет вещи своими именами. Он говорит о том, что он *видит*, без привнесения в это видение навязанных ему шаблонов. Таким образом, порой теория выполняет функции своего рода очков, которые помогают видеть в соответствии с определенными диоптриями, но при этом видение зависит от характера этих диоптрий. Но как быть, если это видение искажено? По существу, Гуссерль, возвещая свой принцип обращения «к самим вещам», призывает к *трансформации* нашего мышления. Разумеется, речь не идет о том, что вместо мышления, признаваемого несостоятельным, предлагается иное, более правильное. Немецкий мыслитель пытается прежде всего реформировать философию, которая традиционно выступала в качестве законодательницы мод в интерпретации природы мышления.

В одном из писем своему коллеге-неокантианцу Генриху Риккерту в 1910 году он пишет: «Меня ужасает качество публикаций в философских журналах, которые я читаю». А ведь речь идет о великой немецкой философской традиции. Возникает вопрос: все ли то, что обозначается при помощи того или иного понятия или термина, является действительно таковым?

Хосе Ортега-и-Гассет, который, по мнению Камю, является одним из самых выдающихся европейских мыслителей после Ницше, говорит, что продукты человеческой деятельности

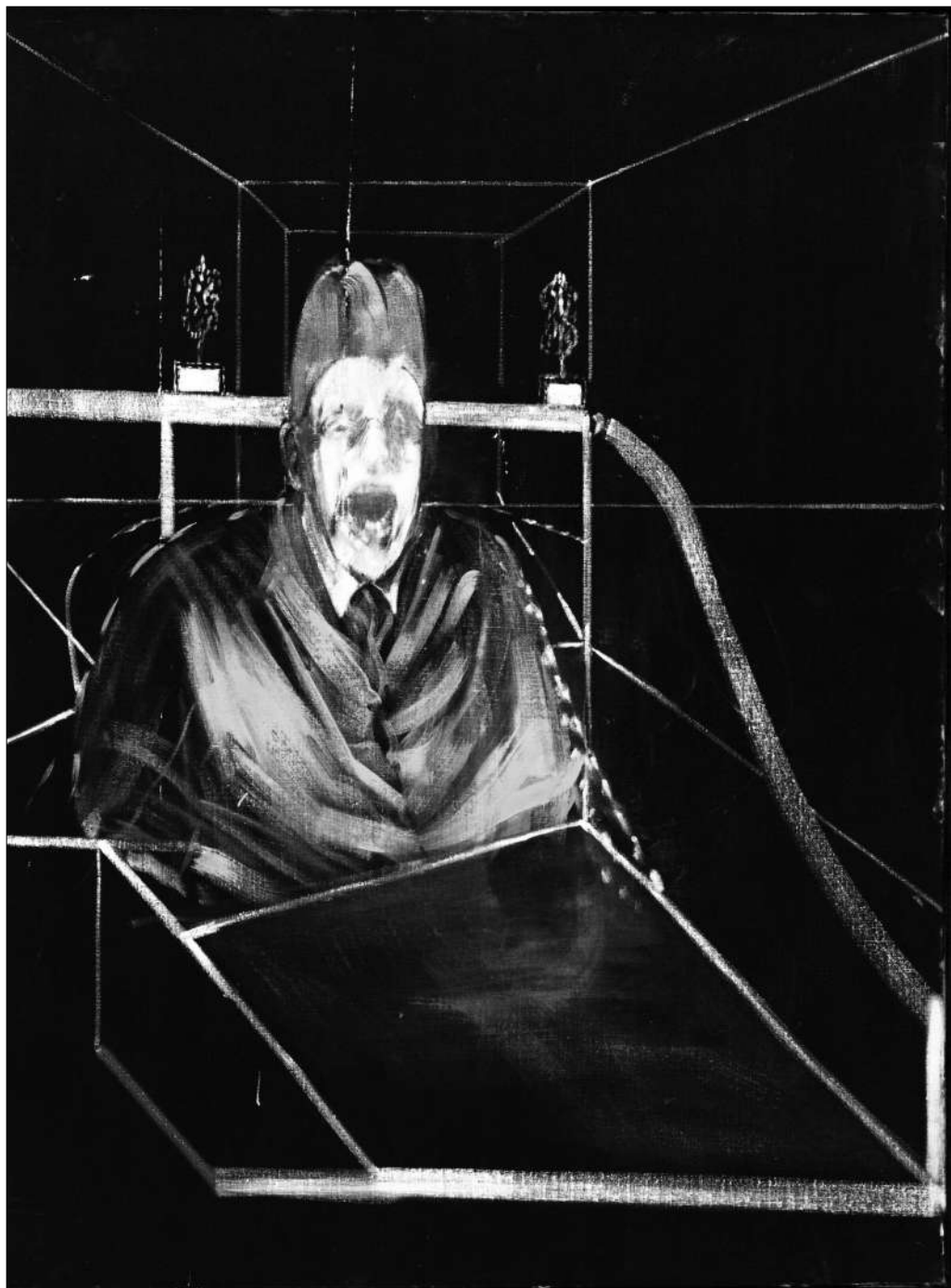
всегда должны характеризоваться степенью своей аутентичности. Иными словами, существует разное качество «делания» того, что может обозначаться одним и тем же понятием или термином. Например, если я играю в шахматы, то, по-видимому, этот вид моих занятий вполне правомерно называется шахматной игрой. Но могу ли я на этом основании считать себя шахматистом, отдавая себе отчет в том, что существуют те, кто это делает профессионально? Это же относится к философам или представителям других «мыслительных» профессий, число которых в наши дни неисчислимо множество. Поясняя эту мысль, Ортега-и-Гассет обращает внимание на то, что в действительности не все философы являются философами. Многие из них просто преподают философию из соображений престижа или для того, чтобы заработать себе на существование. Возникает вопрос: если они не являются философами, то на каком основании они преподают то, что называют философией? И что вообще они в таком случае преподают? Между тем существует огромное количество высших учебных заведений, в которых подобное неаутентичное преподавание называется образованием! И это касается отнюдь не только такой дисциплины, как философия. Возникает вопрос: если это происходит в реалиях, в существенно большей мере обеспеченных своей причастностью к многовековой традиции исследований и образования, то с чем же приходится сталкиваться нам? Разве для нашего образования не является актуальным осознание того, каким образом нам следует пытаться ответить на тот вызов, о котором говорила Ханна Арендт?

Вот так достаточно долго я приближаюсь к проблеме различия между знанием и мышлением. Как известно, это разделение принадлежит не самой Арендт. Еще Гераклит когда-то утверждал: «многознание уму не научает». Это означает, что проблема уже осознавалась в то время, когда еще не существовало множества образовательных учреждений. Существенно позднее Кант в «Критике чистого разума» обращает внимание на то, что любой, даже тупой или ограниченный, ум может достигнуть учености. Это, в общем-то, довольно мрачное обозначение того, что, как правило, чисто внешне выступает с претензией на обладание определенным статусом и авторитетом в обществе. Иными словами, человек может быть «ученым», но в то же время тупым и ограниченным! При этом Кант обращает внимание, что у такого человека отсутствует то, что он обозначает посредством любопытного понятия — *Urteilstkraft*. Мы сталкиваемся в данном случае, как это часто бывает, с проблемой перевода. Слово *Urteil* в немецком языке многозначно. Это «суждение», «мнение». Оно может обозначать также и «решение суда» или «приговор», включая и божественный, то есть окончательный, не подлежащий отмене суд или приговор. К тому же вторая часть этого термина, *Kraft*, далеко не всегда аутентично воспроизводится на русском как «способность» или английском — *power*, что достаточно существенно модифицирует смысл того, что немецкий мыслитель пытался выразить своим понятием.

Вместе с тем Кант, обозначив проблеме *Urteilstkraft* в своей первой «Критике», будучи представителем эпохи Просвещения, все же не смог преодо-

леть стереотипы мышления, истоки которых восходят еще к Античности. Таким был, например, Платон — один из тех, кто, находясь под впечатлением трагической смерти своего учителя Сократа, пытался обратиться к мышлению, апеллируя к абстрактному миру «подлинных» идей. В итоге европейская интеллектуальная традиция, насчитывающая более двух с половиной тысяч лет, в своих различных вариациях развивалась преимущественно в том же русле.

Разумеется, подобного рода схематизация может показаться несколько поверхностной и утрированной. Да и сам Кант был далек от того, чтобы его взгляды можно было свести к простой схеме. Так, например, обозначая проблему *Urteilstkraft* — проблему «силы» или «мощи» суждения, он отмечает еще в «Критике чистого разума», что существуют два ствола человеческого познания, которые происходят из одного неизвестного корня — чувственность и рассудок. Гениальное предчувствие! То есть Кант говорит о том, что в конечном счете наше знание есть результат взаимодействия двух элементов, которые, по-видимому, принадлежат неким глубинным, фундаментальным пластам нашего существования. Однако в рамках разделения на основании нашего опыта на чувственность и рассудок, рассудок оказывается у него доминирующим. И потому в первой своей «Критике» — «Критике чистого разума», обращаясь к прояснению того, каковы механизмы нашего познания мира, Кант говорит, что познание происходит под решающим воздействием рассудка, рациональности, которые отделяют себя от чувственного опыта.



Фрэнсис Бэкон. Номер VII из восьми этюдов к портрету

Но мы живем в этом мире, в первую очередь *переживая* этот мир! Наше первое отношение к миру не есть абстрактное размышление по поводу этого мира. У нас всегда уже «есть» определенное, до-теоретическое отношение к миру, которое может быть самым разным, в том числе и не совсем приятным с первых мгновений нашего рождения, поскольку мы выталкиваемся из материнского лона в чуждую и далеко не всегда комфортную среду, по отношению к которой мы не властны. Не обладая необходимым генетическим потенциалом для проживания в мире, мы возлагаем надежды на мышление, которое должно помочь нам обрести навыки для ориентации и существования в мире.

И только в последней критике Канта, которая, как я уже отмечал, не совсем корректно переводится на русский язык как «Критика способности суждения», он сумел, достаточно неожиданно для самого себя, обратиться к мышлению более радикальным образом. Способность в данном случае — это бледное выражение того, что несет в себе немецкое слово *Kraft*, поскольку в этом случае имеется в виду скорее «мощь», «первородная энергия», «сила». Но дело даже не только в этом. Кант отнюдь не пытается сводить суждение (*Urteil*) к сфере логики. Он обращается к *процессу* нашего мышления. Когда я, например, говорю «роза есть цветок», я соединяю субъект и предикат. Но Кант обращает внимание на то, что суждения как акты мышления бывают разными по своей природе. Существуют «определяющие» суждения, когда нам дано понятие, которое лежит в их основании. Исходя из этого, мы определяем нечто как соответствующее этому понятию.

Однако существуют и «рефлектирующие» суждения. Кант осмысляет природу этих суждений, когда говорит о прекрасном или произведении искусства. С таким суждением мы сталкиваемся, когда оно выступает в качестве независимого от всеобщих законов. Обращаясь к последней «Критике» Канта, Арндт обращает внимание на то, что в этом случае мы сталкиваемся с постижением «конкретного», воздействующего на нас непосредственным, «жизненным» образом и не позволяющего подчинить себя универсальным, общим принципам. Арндт утверждает даже, что в этой «Критике» имеется продуктивный потенциал для политической теории. Возможно, она отказывается от того, чтобы ее называли философом, поскольку осознает, что традиционная философия оказалась в плену абстрактных схем мышления. По-видимому, она чувствует, что этот термин оказался слишком дискредитированным в XX веке.

Один из редакторов перевода последней «Критики» Канта на английский язык заметил, что Кант, сталкиваясь с неожиданными для себя самого проблемами, пишет ее так, как будто бы сам не читал первой «Критики». И это очень любопытное замечание. Как известно, Кант пытается завершить свой труд, исповедуя принципы, которые он обозначил в самом начале своей карьеры. Однако он обнаруживает, что они не работают по отношению к произведениям искусства. Дело в том, что мы не можем заставить себя, чтобы нам нечто нравилось, поскольку это нам предписывается теорией. В этом случае я нахожусь в каком-то состоянии, когда меня нечто привлекает, поражает, воздействует на меня не контролируемым

мною самым образом. Речь идет о субъективном чувстве, которое не зависит от теоретических установок и предположений. Нам нечто нравится не в соответствии с предписаниями теории и доводами логики. И это ощущение часто предопределяет мою жизнь. Кант говорит, что для такого рода «суждения» нет твердого устойчивого основания, того, чем я оперирую и распространяю в надежде на то, что конкретное будет подчинено общему понятию. Эта «бездонность», это отсутствие оснований, когда я нахожусь под впечатлением, ставят под сомнение возможность выражения моего отношения посредством логических высказываний. Речь идет о вещах, которые неведомо почему происходят. Они не зависят от моей рефлексии.

Обсуждаемая проблема оказывается чрезвычайно важной для понимания состояния нашего мышления. То, что происходит в современном мире, более чем достаточное основание для того, чтобы осознать, что мы слишком злоупотребляем абсолютизацией абстрактной понятийности применительно к осмыслению реальности.

По утрам я, как правило, слушаю радио BBC. Так, например, недавно передали, что длительные переговоры американцев с «Талибаном», которые велись на протяжении целого года за спиной проамериканского афганского правительства, все-таки сорвались. Вот уже долгое время США пытаются действовать на территории Афганистана. И мотивы эти побуждений, конечно, правомерны. Но в этом случае пытаются наложить абстрактные представления на реальность, которая им никак не соответствует. И не мудрено, что после 18 лет огромнейших финансовых затрат и че-

ловеческих ресурсов, в 2019 году количество жертв среди мирного населения страны существенно превысило все то, что происходило в прежние годы, а «Талибан» никогда не занимал таких лидирующих позиций. Возникает вопрос: для чего же были потрачены эти 18 лет? Не сталкиваемся ли мы и в этом случае с неправомерным применением общих идей, которые игнорируют специфику конкретной ситуации?

В 2019 году отмечалось 70-летие Китайской Народной Республики. Если бы кто-то 70 лет назад заговорил о факторе экономического и политического влияния Китая в мире, я думаю, этому никто бы не поверил. Сейчас же потрясения, которые касаются, например, ценных бумаг Китая, оказывают влияние на мировые финансовые рынки. Но долгое время Запад пребывал в уверенности, что экономическая мощь может быть построена лишь на определенных социальных основаниях и не может быть реализована в других культурах. В результате мы сталкиваемся с тем, что это произошло в очередной раз как-то неожиданно для нас.

Возникает вопрос: каковым же является наше мышление, которое по-прежнему воспринимает нечто лишь постфактум, в лучшем случае регистрируя, комментируя происходящие процессы? Стоит ли приводить примеры в подтверждение этому? Брекзит, Трамп, рост радикализма в Европе...

В прошлом году в печати появилась информация о Конгрессе ассоциаций политических наук Европы. Конгресс состоялся в августе 2018 года в Гамбурге. По-видимому, на нем была представлена элита политической мысли Европы. В нем приняло участие около

4 тысяч человек. Одна программа конгресса содержала около 250 страниц. Комментарии немецкой прессы по поводу этого конгресса были крайне саркастичными: «Они не понимают, о чем они говорят». Эта обособленность мышления от реальности, которое по-прежнему предпочитает пребывать в строго очерченных академических рамках, опять-таки приводит нас к мысли Ханны Арендт об углублении пропасти между мышлением и реальностью. В какой степени мы можем полагаться в образовании на то мышление, которое давным-давно утратило свою связь с реальностью и предпочитает оставаться самонадеянным?

Как образом нам найти в себе силы не воодушевляться очередными лозунгами и прожектами и определить свою собственную ответственность по отношению ко всему? Между тем «многоговорение» и «болтовня» умело используют очередные привлекательные лозунги, лишь усугубляя и без того крайне тревожную ситуацию в современном мире.

Прежде всего нам следует перестать уповать на то, что существует мышление в законченных формулах и канонах, к которым надо лишь приобщиться. Мы должны быть в большей степени требовательными по отношению к самим себе.

Лев Шестов писал когда-то, что драма Гамлета состояла в том, что его разедала рефлексия. И он стал человеком лишь в результате трагедии. Грустно признать, но нам, по-видимому, по-прежнему необходим экзистенциальный опыт потрясения стереотипов нашего мышления. Вот почему в Античности трагедия считалась важным опытом в образовании человека. Нечто должно произойти с нами, что должно

выбить нас из колеи уверенности в том, что существует готовое знание, которое в рамках системы образования должно быть просто транслировано. Как это сделать? Это всегда вызов. Нам следовало бы найти способы консолидации того профессионального сообщества, которое, к сожалению, распалось на постсоветском пространстве. В рамках этого разобщения и атомарного распада произошла провинциализация и без того не очень богатого профессионализма в сфере социальных наук. В системе образования по-прежнему процветает множество опасных мифов. Мы должны подумать о том, как создать программы, которые на самом деле могли бы быть образованием в плане формирования нашего мышления, не поддающегося соблазнам очередных мифов и иллюзий.

Ханна Арендт в одном из своих писем Хайдеггеру писала, что образование в Германии, во Франции, в Италии деградирует. В этой стране (имелись в виду США), отмечает она, идут похожие процессы, за исключением, возможно, Чикагского университета.

Возникает вопрос: каким образом наделять образование практической ответственностью?

В VI книге «Никомаховой этики» Аристотель использует понятие *фронезис*. В русском переводе этого термина «рассудительность» утрачивается тот смысл, который вкладывал в него сам Аристотель. По-английски это понятие переводится как *practical wisdom*, своего рода *know how*. Это понятие, которое преодолевает дихотомию теории практики. Более того, ставит под сомнение возможность обособленной от реальности теории быть примененной на практике в социальной жизни.

Если бы я преподавал балет, то меня бы спросили о том, умею ли я сам танцевать. В этой и другой сферах обучать может лишь тот, кто сам умеет это делать на практике. Однако если кто-то преподаёт этику, уверены ли мы в том, что это самый нравственный человек? Обязательно ли это? И, как мы знаем, этот разрыв между тем, о чем человек говорит, и тем, кем является он сам, слишком часто имеет место.

Идея *фронезиса*, в понимании Аристотеля, заключается в том, что каждый из нас, находясь в мире, должен обладать способностью к практическим действиям и поступкам. Они не выводятся из изучения теории. Жизненная ситуация всегда индивидуальна и конкретна, и никакая теория не поможет мне принять решение в этой ситуации. По-этому подлинная мудрость заключается в умении, искусстве. «Вот почему, — продолжает Аристотель, — Анаксагора и Фалеса и им подобных признают мудрыми, а рассудительными нет...» В этом случае существует нечто вроде «практической» мудрости. И далее Аристотель цитирует Гомера:

*Боги не дали ему землекопа и пахаря  
мудрость,  
Да и другой никакой.*

Тем самым он говорит о практической мудрости землекопа и пахаря. Обладающие этой мудростью не рассказывают другим, как и что делать, но делают это сами. И делая это, от-

ветственны за то, что они делают. Следовательно, если у меня есть какие-то критические замечания по отношению к другому, я должен умирить свой пыл в своем критическом отношении и показать, как я могу делать это лучше. А это намного сложнее. Вот и на постсоветском пространстве у нас имеется множество тех, кто учит, но почему-то в сфере «делания», «фронезиса», поступков ничего не происходит. Как преодолеть это бедствие? Я думаю, что это и есть ключевая проблема образования.

К большому сожалению, Арентс так и не удалось по-настоящему реализовать свой интерес к проблеме *das Urteilen*, которую Кант обозначил в своей последней «Критике». Ее известное итоговое произведение *The Life of the Mind*, которое в переводе на русский не совсем корректно звучит как «Жизнь ума», а в немецком варианте озаглавлено как *Vom Leben des Geistes* — «О духовной жизни», так и осталось незавершенным. Ей не удалось написать заключительную, самую важную, по ее мнению, главу *On Judging (Das Urteilen)*, в которой она намеревалась обратиться к проблеме природы *процесса* мыслительной деятельности человека по отношению к конкретной, фактической реальности, без навязывания этой реальности абстрактных схем знания.

Эта проблема по-прежнему остается крайне актуальной и для нашего времени.



*Школа — не о профессии, она о просвещении. Главная задача Школы — не научить, а инспирировать, вызвать интерес к совместному творчеству, гражданственности, солидарности. Итог нашей работы — не общий манифест или меморандум, а индивидуальные проекты, направленные на познание сложного и постоянно меняющегося мира. Свободный, ответственный, активный человек — одна из центральных фигур современного мира. Гражданственность — это то, что можно добавить к любой идентичности. Она не дана нам от рождения, она воспитывается — через постоянное усилие быть гражданином.*

*Представляем новую рубрику — проекты выпускников Школы, людей, имеющих мужество длить в российских регионах нашу работу.*

## Журналистика ближе к гражданскому активизму\*

*Виктор Мучник, журналист, Виктория Мучник, журналист*



**П**о своей первой профессии мы историки, по второй — журналисты. И я убежден, что эти две профессии, журналиста и историка, очень похожи, так как тот и другой рассказывают своей аудитории истории. И тот и другой имеют дело с источниками, к которым они должны относиться критически. Иногда говорят, у историков, мол, есть документы, которых нет у журналистов. Документы случаются и у журналистов, но не это главное. Документы точно так же врут, как и живые люди. И точно так же говорят правду. Собственно, любой, даже самый лживый, источник способен сказать правду. Если правильно задать вопросы. Суть профессии и историка, и журналиста в умении эти самые вопросы поставить, а затем правильно интерпретировать полученные ответы. Поэтому критика источника — работа и журналиста, и историка.

И еще одна черта, сближающая эти две профессии: те истории, которые мы рассказываем, нам подсказывает реальность. И вместе с тем эта самая реальность мешает нам рассказывать. И журналисту, и историку очень часто хочется эту реальность поменять, оказать на нее воздействие. В результате возникают любопытные коллизии. Когда ты хочешь что-то в реальности поменять, это воздействует на твой рассказ, и иногда не лучшим образом. Вот об этом и хотелось бы поговорить.

\* Выступление на семинаре Ассоциации школ политических исследований при Совете Европы в Оксфорде 29 января 2020 г.

Начнем разговор с сериала. Сериалы сейчас — наше все, это важнейшая часть культурной повестки. Кто смотрел «Утреннее шоу»? Вижу, есть такие. То есть части аудитории понятно, о чем речь идет. Тем, кто не видел, очень рекомендую, для журналистов вещь бесполезная. В этом сериале есть примечательный диалог двух журналистов — телезвезды Алекс Леви и провинциального репортера Бредли Джексон. Бредли только что собрала миллион просмотров в YouTube. А собрала она миллион, потому что накричала во время съемок репортажа на своего потенциального респондента. И это задело аудиторию, ее позвали в студию, чтобы поговорить о профессии. В ходе диалога в студии ведущая задает своей гостье важный с точки зрения канонов профессии вопрос: «Как насчет того, что журналист не должен был центром своего сюжета?»

Вот это наша история, та история, про которую мы будем говорить. Не уверен, что сценаристам этого сериала известно имя Михаила Бахтина, русского филолога, философа, культуролога. Он говорил о важном принципе подхода гуманитария к проблематике своего исследования. Его слова: «Великое дело для понимания — венаходимость к тому, что ты хочешь понять». То есть дистанция по отношению к тому, что ты хотел бы понять. Когда ты смотришь на объект своего исследования с определенной дистанции, ты понимаешь что-то лучше, чем когда ты находишься внутри объекта. Эту свою мысль он демонстрировал старым гимназическим анекдотом: древние греки не знали о себе самого главного. Чего? Того, что они древние. То есть у них не было дистанции по отношению к самим себе. Соответственно они не знали про себя того, что может про них знать исследователь, отделенный от них сотнями лет исторической дистанции.

Найти дистанцию — важный вопрос не только для исследователя прошлого, но и для информационной журналистики. Можно ли ее найти? Выйти из потока событий, о котором ты рассказываешь, и посмотреть на него со стороны. И поскольку мы историки, мы будем оперировать кейсами в размышлении об этом. Нам так удобнее.

Вот кейс номер 1. Российским коллегам он хорошо известен, это кейс Голунова. Кстати, сейчас он актуализировался. Я напому. 6 июня 2019 года был задержан по подозрению в сбыте наркотиков (статья 228) журналист-расследователь «Медузы» Иван Голунов. Задержание и последующие следственные действия происходили с явным нарушением закона. Начались массовые акции в поддержку Голунова. 11 июня, накануне запланированного несанкционированного митинга в поддержку журналиста, его отпустили.

После освобождения Ивана Голунова главный редактор «Медузы» Иван Колпаков написал: «Наша позиция: мы отбили нашего парня, всем огромное спасибо. Это общая победа, результат невероятной кооперации людей. Но активизмом мы не занимаемся и не хотим быть ге-



*Выступление Бориса Ельцина. Москва, август 1991 года.  
Фотография Владимира Павленко*

роями сопротивления, простите. Поэтому на завтрашнюю акцию не призываем. Если люди пойдут — будем освещать плотно, как положено. Всегда после таких событий хочется продолжить, но нас ждет работа, до фига работы, больше чем когда-либо».

Этот текст вызвал дискуссию. Многие люди, в том числе коллеги Колпакова, были очень недовольны содержанием этого высказывания. И у меня вопрос: как вы думаете, прав ли Колпаков? Кто думает, что он прав? А кто думает, что он не прав? Почему не прав?..

*Реплика из зала:* У меня личная позиция к «Медузе» и к Колпакову как личности. Мне кажется, что это его личная позиция.

*Виктор Мучник:* На мой-то взгляд, скорее — редакционная. Потому что глава «Медузы» Галина Тимченко подтвердила ее.

А кто-то хочет подтвердить его правоту?

*Реплика из зала:* Мне кажется, что его тезис подтверждает ваши слова о том, что мы освещаем то, что происходит, но мы не должны быть в гуще событий. Иначе наша точка зрения будет смешиваться с тем, что происходит, и нельзя будет объективно рассказывать.

*Виктор Мучник:* На самом деле есть в этом сложность, о которой мы будем дальше говорить. Сложность разделения рассказа и реальности,

сложность поиска дистанции. И на этот вопрос в разное время мы отвечали по-разному. Мы здесь представляем ТВ2. Была такая телекомпания когда-то. И, собственно говоря, второй кейс, о котором пойдет речь, это кейс телекомпании «ТВ2». Она существовала с 1991 по 2014 год. Я буду рассказывать о том, как мы пытались искать эту самую бахтинскую «внезаходимость».

Основатель телекомпании Аркадий Майофис, сейчас гражданин Израиля, как он сам себя позиционирует — торговец финиками. Он еще популярный русскоязычный блогер в Израиле. А на логотипе ТВ2 — кошка. Почему кошка? Потому что была концепция, когда мы создавались. Мы считали, что будем гулять сами по себе. Кошка была символом свободы.

8 февраля 2015 года кошка оказалась в этой точке времени и пространства. Это последний эфирный кадр. До отключения телекомпании несколько секунд. Через несколько секунд ее отключат, и история телекомпании закончится. Поскольку прошло уже пять лет, у меня есть некоторая дистанция по отношению к этой истории. И о некоторых аспектах ее мы попробуем рассказать.

Начинается все вот так в 1991 году. Мы были моложе и, кажется, лучше. Мы верили в прекрасную Россию будущего, очень хотели ее построить. Первая программа телекомпании, которая вышла в эфир в мае 1991-го, называлась «Строитель стены». Ваш покорный слуга рассказывал про китайского императора Цинь Шихуанди, строителя Великой Китайской стены. А основной темой стала идея, что срок империй, построенных на крови, недолог, они разрушаются. Очень помогала мне музыка Pink Floyd с альбома «Стена» рассказывать об этом, призывать к разрушению империи, в которой мы жили. Это был еще Советский Союз. Ну что? Все получилось. Империя рухнула. 19–21 августа 1991-го мы выходили в эфир. И были единственным томским СМИ, которое рассказывало о событиях, происходящих в Москве. И у нас были хорошие парни, которым нужно было помочь сделать свое дело. Вот они на фотографии известной, хорошие парни — Борис Николаевич Ельцин, Александр Васильевич Коржаков, Виктор Васильевич Золотов (он явно нарушает, кстати, статью 282 нынешнего Уголовного кодекса Российской Федерации, да и другие разные; между прочим, не стаканчики бросает). Мы в те августовские дни 1991-го не только показывали события, конечно. Мы высказывали мнения. Мы говорили: «Вот правильные люди, им надо помочь».

И после того, как все получилось и хорошие парни победили, мы ощутили себя силой. Мы ощутили себя силой и считали, что строим Россию будущего и надо помогать хорошим парням и бороться с плохими.

Через пять лет, к 1996 году, с хорошими парнями было многое понятно. Но тем не менее вот вам кампания «Голосуй или проигра-

ешь». И мы в ходе этой кампании продолжали смешивать факты и мнения. И нам уже не очень нравились эти хорошие парни. Но мы считали, что другие будут еще хуже.

Я помню, что тогда, в 1996 году, у меня был разговор с покойной американской коллегой Перси Миел (очень хорошим, глубоким и равнодушным к происходившему в России человеком). Она говорила: «То, что вы сейчас делаете (вы — русские журналисты), вы разрушаете институт прессы. Вы превращаете себя в инструмент. И это очень плохо отзовется на вашей профессии, оттого что вы смешиваете факты и мнения, оттого что вы являетесь инструментом. И это очень плохо отзовется на России. Поверьте мне».

*И после того, как все получилось и хорошие парни победили, мы ощутили себя силой. Мы ощутили себя силой и считали, что строим Россию будущего и надо помогать хорошим парням и бороться с плохими*

---

Я отвечал ей: «Перси, я все понимаю. Все правильно в ваших американских книжках написано. Я их читал. Но правда — те парни еще хуже. Мы сейчас еще немного, сжав зубы, в этом поучаствуем, а там все будет хорошо». И, как вы знаете, в 1996 году мы снова победили, помогли хорошим парням.

Тогда у нас еще выборы мэра были. И тоже был один парень, который казался нам хорошим, получше. А один парень казался похуже. И не сказать, что того парня, который был похуже, мы эфира лишали. Но все-таки наша повестка и в этом смысле была, мягко говоря, не очень сбалансирована.

После всего этого ко мне подошел Аркадий Майофис, создатель телекомпании, и спросил: «Как ты считаешь, мы сильно облажались?» И я ему сказал: «Да, мы очень сильно облажались. То, что мы делали, было неправильно. Давай попробуем работать как-то иначе». И тогда в нашем лексиконе стали появляться принципиально новые в ту пору для нас слова — дистанция и объективность. Мы ни с кем не дружим, решили мы. Нет больше для нас хороших парней, все парни для нас одинаковые.

Тогда я временами на планерках цитировал великого немецкого историка Леопольда фон Ранке: *Wie es eigentlich gewesen*. «Наша цель, — настаивал я, — рассказывать, как это, собственно, было». Только это наша цель, как информанционщиков.

В ту пору мы создали кучу корпоративных документов, которые объясняли, по каким правилам мы работаем. Я их лично писал. Корпоративный кодекс ТВ2, в нем, кстати, очень важная вещь была — запрет на членство в каких бы то ни было политических партиях и участие в каких бы то ни было политических кампаниях. Тогда ведь так было в

России устроено, что во время предвыборных кампаний все начинали кормиться. Я знал редакции, где журналисты во время выборов начинали работать буквально на все политические партии, которые в них участвуют. Один одного обслуживает, другой — другого, третий — третьего. Так было, но мы понимали, что это ненормально.

Вот дальше фрагмент кодекса журналиста ТВ2. Я здесь использовал несколько кодексов, в том числе кодекс ВВС. Объективность — «журналист обсуждает или подает информацию в таком фактическом контексте, который способствует лучшему пониманию событий, проблем и вносит ясность без искажений или пристрастия». Это буквальная цитата из кодекса ВВС. Не считал зазорным его немного переписать и у себя на стенку повесить. К слову сказать, все это действительно работало. Люди приняли эти кодексы, поверили в них. Лет через семь или восемь после принятого мной одного редакционного решения, которое показалось редакции неочевидным, я зашел в редакцию, где на стене висел кодекс, увидел, что важные слова в нем (объективность и проч.) заклеены клейкой лентой. То есть журналисты показали, что мои действия редактора не соответствуют тому, что на стене висит. Я рассмеялся, сказав, что я это сам писал. Проговорили мы ситуацию, потом они скотч отклеили. Важно то, что эти документы действительно работали. И этот принцип объективности, и что мы всем предоставляем возможность высказаться, что мы ни за кого, что мы соблюдаем дистанцию, что мы, ТВ2, такое открытое пространство, куда все приходят и разговаривают. И что есть реальность, и что мы рассказываем о реальности, а вроде как разбираться с этими изменениями в реальности должен кто-то другой. И все это мы декларировали, и все это было для нас важно. Но тут есть кое-какие закавыки.

Вот, к слову сказать, что об объективности думают историки. Заметьте, это цитата. И если вы ее прочитаете, то она очень похожа на те кодексы, о которых я говорил. Принцип объективности, установка на получение исторического знания, адекватного реальности. Важный ориентир, призванный свести к минимуму противоречия между фактом и его интерпретацией, знание адекватной действительности — все это то, что мы пытались делать в новостях, как мы считали. И все время говорили об объективности.

Когда у нас в студии камеры VHS поменяли на камеры DVСam (телевизионщики знают, что это такое), наши женщины, ведущие, очень переживали. Потому что камеры VHS очень приблизительные, очень нежные такие. А камеры DVСam очень конкретные, четкие. И наши операторы, которые еще не научились тогда в новых условиях толком свет выстраивать в студии, говорили ведущим: «Что вы хотите! Камера снимает объективно». Потом они научились выставлять свет...

Всегда ли камера снимает объективно? А вот давайте известные фотографии посмотрим. Это форум «Большой семерки» 2018 года.



*Шествие «Бессмертный полк» в Томске*

Знаменитая фотография: Меркель и Трамп. Вы видите, что Меркель что-то выговаривает Трампу. Вы помните, что форум происходил в очень конфликтной обстановке, когда европейцы и американцы не ладили. А вот другая фотография того же самого момента. Заметьте, Меркель тут практически нет. А вот третья фотография — тут Трампа не хватает. На этой фотографии кто главный? Макрон, конечно! Вот фотография того же самого момента, вроде бы все не так уж плохо было, они мирно беседуют. Один и тот же момент. Камера снимает как? А ведь есть еще монтаж.

Есть еще такая проблема. Обычная работа провинциального новостийщика на этой фотографии. Даша Тарасова журналиста зовут. Хороший провинциальный журналист что делает? Он приехал в какие-то... пропустим это всем известное слово... и пытается помочь человеку, который живет вот в такой ситуации. Можно другую фотографию показать. Это тоже журналист нашей компании — Юлия Корнева. До сих пор вместе работаем, замечательный журналист. Она сняла репортаж об отправке так называемых добровольцев на восток Украины, из-за которого по ошибочному, но распространенному мнению ТВ2 закрыли. Она хороший журналист. Как-то она практически остановила военные учения, потому что ей надо было снять стендап на фоне надвигающихся танков. Танки двигались не так, как надо. Она хороший репортер и всегда в центре событий. Вот эти журналисты, кроме того, что они рассказывают о событиях, они ведь еще пытаются поменять реальность — тех людей, что обратились к ним за помощью.

К тебе обращаются за помощью. Ты хочешь помочь. Это нормально для журналиста. Хороший журналист эмпатичен, он же сочувствует. И ему кажется, что он не может просто рассказывать.

Вот это акция «Обыкновенное чудо». К нам часто обращались матери, чтобы мы помогли собрать денег на лечение их детям. И мы решили с какого-то момента, что будем помогать системно, стали проводить телемарафоны, потом создали фонд «Обыкновенное чудо», когда благотворительность еще не вошла в моду. Потому что нам казалось, надо выйти за рамки рассказа и что-то в реальности поменять.

Или другая наша история — «Бессмертный полк», который задуман был в 2011 году. Нам показалось, что тот нарратив, который использует, рассказывая о войне, государство.... Он тогда еще не был таким империалистическим и отвратительным, как сейчас, но он был официальным и бездушным. И мы решили, что нужен другой нарратив. Личный. Про твоих предков, про твою семью, про их войну, их страдание, их победу. Это была, конечно, попытка макровоздействия на историю, мы вмешались в нее как журналисты. И потом «Бессмертный полк» стал общероссийским и международным явлением. Я подробно на этом не останавливаюсь. Это отдельная большая тема — что было задумано и что получилось. А получилось, что государство, экспроприировав наш проект, сделало его отменным инструментом исторической политики. Тогда в 2011 году мы, пожалуй, недооценили возможности государства и степень травмированности значительной части сограждан темой национальной гордости. Конечно, «Бессмертный полк» — это тоже была попытка как-то изменить реальность. И тоже урок. В своем роде.

То есть у нас никак не получалось ограничиться просто рассказом. Мы постоянно стремились что-то такое в реальности поменять.

### **Виктория Мучник**

И вот сейчас мы делаем «Клуб активных горожан» при поддержке Школы, за что ей большое спасибо. В Томске боремся с неправильной застройкой... Это же тоже не совсем журналистика, это активизм. Мы снова переходим эту грань.

Несколько примеров работы Клуба активных горожан. Мы стали влиять на ту ситуацию, которая есть в городе. В частности, на то, что наша власть утратила диалог с горожанами, и решения относительно изменений городской среды принимались без какого-либо обсуждения. Это касалось исторических ценностей в том числе. Томск — один из городов, который имеет статус исторического поселения. Так вот, когда встал вопрос о том, что нужно утвердить границы, это привело к скандалу в городе. И мы пытались наладить диалог, в том



числе привлекая московского эксперта, чтобы расставить акценты и показать, что этот вопрос нам безразличен. Мы делали это разными способами, в том числе организацией флешмоба, когда предлагали всем людям сделать и выложить фото старых деревянных домов, чтобы показать, что мы есть и что нам не все равно. В Томске есть проблема общения с властями, у журналистов в том числе. Задать вопрос чиновнику — проблема и в области, и в городе. Поэтому мы сами организовали встречи, чтобы люди могли задать вопросы. И это тоже способ немного поменять реальность.



*Восстановление деревянной архитектуры в Томске,  
«Клуб активных горожан»*

## **Виктор Мучник**

Штука в том, что, во-первых, к тебе обращаются за помощью и ты хочешь помочь. А во-вторых, цитата которую обычно приписывают Оруэллу, но это не Оруэлл: «Новость — это то, что кто-то не хотел бы видеть опубликованным. Остальное — реклама».

Мы были и есть сторонники проблемно ориентированной журналистики. Мы хотим рассказывать о проблемах. А что такое проблемы, чьи проблемы? Это проблемы маленького человека. Мы в соответствии с традицией великой русской литературы, рассказывая о проблемах, хотим помогать человеку. А когда ты решаешь проблемы маленького человека, начинаются проблемы у тебя. Потому что у любой проблемы есть фамилия, имя и отчество. И когда ты их называешь, у тебя начинаются проблемы с большими людьми. Получается, что проблемно ориентированная журналистика — это то, что постоянно расшатывает ту грань, которую мы строили, грань между журналистикой и активизмом. И это тем более так в обществе, в котором плохо работают институты. А все наши постсоветские общества такие. Поэтому люди не идут в суд, не пытаются как-то еще решить проблему, они

звонят или пишут тебе в редакцию и просят помочь. Чем хуже организовано общество, тем труднее выстраивать грань между рассказом и активным воздействием на реальность. Если ты хороший журналист, тебя постоянно что-то подталкивает к тому, чтобы что-то изменить в реальности.

Вот типичная формулировка о нас в Белом доме (Белый дом — это Томская областная администрация): «Опять эти юродивые с ТВ2 приехали». Думали, что обижают. А на самом деле мне нравилась эта формулировка — юродивые. Потому что общество наше архаично, а в архаичном обществе юродивый говорит правду. Юродивый это тот, кто говорит: «Нельзя молиться за царя-ирода».

Наш добрый знакомый, журналист «Новой газеты» Леонид Никитинский, говорит, что главная функция журналистики в современном российском обществе — это паррезия (ссылаясь на Мишеля Фуко). Что такое паррезия? Это свободное говорение перед лицом толпы или перед лицом тирана. Очень пафосно звучит, но свободное говорение — это действительно важно. При этом даже, что именно ты говоришь, не столь важно. Принципиально то, что ты говоришь свободно. И является ли это свободное говорение журналистикой или активизмом? С моей точки зрения, это в нынешних условиях прежде всего активизм, потому что фактом свободного говорения ты просто утверждаешь, что можно говорить свободно. Текст не важен, важно утверждение о возможности свободы. И возможно, эта функция журналистики в наших постсоветских авторитарных обществах является одной из главнейших. Чем авторитарнее власть, тем ближе журналистика к гражданскому активизму. Сама ситуация выталкивает нас из чистой объективной журналистики рассказа.

И тут замыкается история, и мы возвращаемся к тому, с чего мы начали. Активизм — это попытка изменить общество под воздействием определенных идеалов, подтолкнуть общество к тому, чтобы оно развивалось в соответствии с твоими идеалами. Но мы это уже делали, мы это проходили. И я это хорошо помню, помню те грабли, на которые мы наступали.

Вы, здесь сидящие, того возраста, в котором примерно был я в 1990 году, когда приходил в эту профессию. И вам предстоит вскорости, как я надеюсь, пережить те же самые искушения, которые пережили мы в 1990 году. И просто не забудьте наш рассказ о граблях, на которые можно наступить.

## Сохранение биоразнообразия Арктики. Возможности реинтродукции\*



*Федор Луковцев,  
член Общественного совета  
при Министерстве  
природных ресурсов и  
экологии РФ,  
рабочая группа по Арктике*

**М**ой отец Луковцев Юрий Семенович, кандидат биологических наук, всю свою жизнь посвятил изучению фауны и экологии животных. Поэтому об экологии я знаю фактически с детства. В школьные годы каждое лето проводил в деревне у бабушки и видел, что сельские жители совсем по-другому относятся к природе и ее дарам. Понимая, что если не будешь к ней относиться благодарно, то будешь наказан. Это не забывается.

В старших классах отец стал брать меня в экспедиции. До сих пор помню полевые работы, научные исследования, комаров и запах костра. Это осталось на всю жизнь.

В 1996–2009 годы отец работал в департаменте биологических ресурсов Министерства охраны природы Республики Саха (Якутия). Департамент с момента создания и по сей день продолжает разработку долгосрочных программ по сохранению редких видов животных, растений и восстановлению исчезающих, малочисленных таксонов. В этом опыт Республики Саха (Якутия) бесценен и может служить примером не только для российских регионов, но и для зарубежных партнеров с активной экологической позицией.

В основе любой успешной работы, тем более масштабной, всегда находится творческий коллектив. И именно такой коллектив в департаменте есть, с азартом и упорством преодолевающий бюрократические препоны и отсутствие должного финансирования, занимающийся практической реализацией экологических про-

\* Статья подготовлена на основе доклада на круглом столе: «Влияние изменения климата на геополитику и мировую экономику (на примере Арктики)». Мурманск, 2020 г.

ектов. Не могу не назвать фамилии людей, стоявших у истоков и продолжающих это благородное дело: Алексеев В.Г., Тяптиргянов М.М., Тихонов В.Г., Яковлев Ф.Г., Попов А.Л., Луковцев Ю.С., Егорова А.А., Дегтярев А.Г., Сивцев Я.С., Васильев В.Н., Сивцев В.В. и многие другие замечательные специалисты и ветераны отрасли.

Затем, работая в правительстве Забайкальского края, я познакомился с аналогичным проектом, в частности реинтродукции\* горного барана аргали. Проект до сих пор в процессе реализации и на его пути немало препятствий как со стороны российской бюрократии, так и сложной «кухни» международного сотрудничества. Но есть надежда на успех и связана она прежде всего с личностью его идейного вдохновителя и энтузиаста Вадима Евгеньевича Кирилюка, заслуженного эколога РФ, много лет возглавлявшего Даурский биосферный заповедник.

Вообще я считаю, что в орбиту универсальных ценностей, общественных отношений, взаимодействия власти и гражданина в меняющемся мире вливается весомый фактор — сама природа. Она всегда была то пассивным наблюдателем, то строгим учителем, а в последнее время безжалостным обвинителем по отношению к тем, кто нарушает ее «интересы» и «права». Ответы, как мы видим сейчас, сокрушительны и в состоянии менять не только государственные и общественные отношения, но и жизнь простых людей, их бытовые традиции. Все взаимосвязано, и природа уже не в состоянии терпеть

безудержное потребление, повсеместное преступное извлечение природных богатств и игнорирование элементарных экологических норм и правил.

Переживая пандемию коронавируса COVID-19, мы видим, что эти ответы смертельно опасны уже в масштабах всего мира, без разделения людей на виновных и невиновных.

Изменение климата — глобальный фактор, подрывающий не только условия существования, но и выживания отдельных видов животных, в том числе и в условиях Арктики. Арктическая фауна с этой точки зрения уникальна, большинство ее видов занесено в Красную книгу.

### **Дикий северный олень**

В настоящее время наблюдается общая мировая тенденция по сокращению численности дикого северного оленя в пределах всего его ареала, которое большинство зарубежных и отечественных исследователей связывают с глобальным изменением климата, промышленным освоением мест его обитания и нерегулируемым промыслом. По ресурсам диких северных оленей Якутия занимает четвертое место в мире (160 тыс. голов) после Канады, Аляски и Таймыра.

В материковых тундрах Якутии обитает три его крупные популяции: Лено-Оленекская, Яно-Индибирская и Сундруская (Индибирско-Колымская).

Яно-Индибирская популяция была катастрофически сокращена. Если в 1990-е годы ее численность составляла

---

\* *Реинтродукция* — переселение и заселение вновь диких животных и растений определенного вида на территорию, где они ранее обитали и произрастали, но откуда по каким-либо причинам исчезли, для создания новой и устойчивой популяции.

120 000 особей, то по последнему полноценному авиаучету в 2012 году численность сократилась в 60 раз (1,5–2,0 тыс. особей). В настоящее время она утратила промысловое значение и с указанного года промысел и любительская охота, в том числе для личного потребления, представителям коренных малочисленных народов Севера запрещены.

Лено-Оленекская популяция сегодня практически единственная в Республике Саха (Якутия) (83 000 особей), которая имеет промысловое значение и сохранила свою численность, несмотря на ежегодный промысел.

Индигино-Колымская популяция сохраняет динамичную стабильность: в середине 1980-х годов ее численность составляла 27 тыс., в 1996-м — 34 тыс., в 2002-м — 28,5 тыс. и в 2012-м. — 27 тыс. особей. Промысловое освоение Сундрунской популяции в связи с труднодоступностью путей миграции и мест сезонных стоянок невелико.

Другим немаловажным фактором успешного сохранения популяции дикого северного оленя в Якутии является наличие системы особо охраняемых природных территорий (ООПТ). В настоящее время она достигла площади 1 154 тыс. кв. км, или 37,4% территории республики, — один из самых максимальных показателей среди субъектов РФ.

### **Белый медведь**

Лаптевская популяция белых медведей самая малочисленная, меньше всего изучена, так как она обитает в наиболее экстремальных климатических условиях Арктики, в низкопродуктивных экосистемах.

Дирекция биологических ресурсов и особо охраняемых природных территорий Республики Саха (Якутия) с 2007 года ведет регулярный мониторинг на знаменитых Медвежьих островах и прибрежной материковой части Восточно-Сибирского моря в Нижнеколымском и Аллаиховском улусах.

По экспертным оценкам общая численность лаптевской популяции считается стабильно низкой и оценивается в 800–1200 особей. Численность вида в пределах Якутии может оцениваться в несколько сотен голов. Ареал в Якутии охватывает всю акваторию морей Лаптевых и Восточно-Сибирского, морские острова и материковое побережье. Поддержку мониторинга осуществляет Всемирный фонд дикой природы (WWF) России по линии своего проекта «Медвежий патруль». В ходе этих мониторинговых работ кроме наблюдений ведутся также профилактические работы по недопущению несанкционированного вторжения людей в сложные периоды для вида: воспроизводство и сезонная миграция — и в случае необходимости помощь детенышам, оказавшимся в бедственном положении в связи с потерей матери (пример медвежат Аяны, 2017 г., и Колыманы, 2012 г.). Конфликтных ситуаций человека и медведя практически нет.

### **Лесной бизон**

Проект восстановления популяции лесных бизонов в Якутии стал крупным международным мероприятием в области охраны природы и является основой для дальнейших усилий по восстановлению видов диких животных на территории Российской Федерации. Создает



мая популяция может стать важным резервным природным источником лесного бизона планеты на случай возникновения форс-мажорной ситуации с его популяцией в Северной Америке.

Практическая реализация реинтродукции лесных бизонов в Центральной Якутии начата в апреле 2006 года с заова 30 молодых бизонов 2004 и 2005 годов рождения из природного парка «Элк-Айленд» Канады. Весной 2011 и 2013 годов переселено еще по 30 телят 2010 и 2012 годов рождения. Для прохождения лесными бизонами адаптации к новым условиям среды были построены два питомника, которые имеют обширные огороженные территории и соответствующую инфраструктуру. В настоящее время численность бизонов канадского и местного происхождения достигла 195 голов.

Следующий этап проекта — репатриации вида. В 2017 году организован выпуск первой, экспериментальной, партии лесных бизонов (30 голов — 22 взрослых и 8 телят 20 самок, 10 самцов) в естественную среду обитания в

пределах территории природного парка «Синяя».

Летом 2018 года была выпущена вторая партия животных в количестве 30 голов. Планируется ежегодный выпуск животных в целях увеличения поголовья на сопредельной с питомником территории. Разведение лесного бизона в суровых условиях Якутии показывает перспективность этого вида для дальнейшего расселения в таежной зоне северо-востока Российской Федерации.

### **Овцебык**

Овцебык — крупное копытное животное. Масса тела самца в среднем 250–350 кг, высота в холке до 150 см и длина до 225 см, самки несколько меньше самцов, достигают до 70% веса быков. Расселение вида начато в 1974 году на Таймыре и острове Врангеля и осуществлялось за счет государственного бюджета СССР. В последующем мероприятия по расселению вида проводились за счет местных бюджетов субъектов Федерации



или частных компаний. Настоящее распространение свободноживущих стад овцебыков ограничено Таймыром, островом Врангеля, тундровыми районами Якутии и небольшой группировкой вида в Магаданской области.

Овцебык — самый перспективный для расселения вид охотничьих копытных животных на Крайнем Севере России. Высокая экологическая пластичность овцебыка, оседлость, низкая миграционная активность, способность его к воспроизводству и расселению являются основными положительными факторами реинтродукции этого вида в Российской Арктике. Расселение овцебыков в качестве пищевого ресурса и живого стратегического запаса, не требующего специального ухода и содержания, создает гарантированный пищевой источник для северян. Кивиут — подшерсток овцебыка — имеет высокую ценность на рынке шерсти, 1 кг выделенного кивиута может стоить до 300 долл.

В Республике Саха (Якутия) в период с 1996 по 2017 год осуществлен завоз 11 партий овцебыков общим количеством 190 голов. В апреле 2020 года из Канады прибыла еще одна партия — 30 голов. Современная численность вида в четырех тундровых районах республики превышает 4 000 особей.

В отличие от дикого северного оленя эти животные не мигрируют на зимовку в лесную зону, а круглый год находятся в тундре. Происходит расширенное естественное воспроизводство и расселение вида в новые места обитания. Численность овцебыка имеет тенденцию удваиваться каждые 4–5 лет.

### **Стерх, или белый журавль**

Стерх, или белый журавль, — редкий исчезающий вид мировой фауны. Его современная численность увеличилась с 2,5 тыс. в 80-х годах прошлого века до 4 тыс. благодаря слаженной работе международной команды орнитологов. Территория Республики Саха (Якутия) играет важную роль в выживании стерха. Здесь сосредоточены гнездовья и места интенсивных миграций наиболее крупной восточной популяции, составляющей 99,3% общей численности вида. В последние десятилетия восточная популяция стерха находится в нестабильном, критическом состоянии. По последним оценкам, ее численность поддерживается в основном мерами охраны, предпринимаемыми Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой.

Современные угрозы восточной популяции обусловлены изменениями мест обитания в связи с интенсивным развитием горнодобывающей промышленности, сельского хозяйства на местах гнездовых, пролета и зимовки. В качестве негативных факторов стали выступать антропогенные загрязнения окружающей среды пестицидами, цианидами, тяжёлыми металлами. Не исключено, что в ближайшее время они будут играть заметную роль в снижении репродуктивных возможностей популяции. В этой связи крайне необходимы меры мониторинга популяции в целях принятия адекватных мер по ее охране.

### **Восстановление аргали в Забайкалье**

Коротко о программе восстановления в Забайкальском крае истребленного здесь более ста лет назад горного барана аргали.

Аргали вошел в список сохранения исчезающих и редких видов животных в рамках реализации Национального проекта «Экология».

Центр реинтродукции — Даурский заповедник.

В настоящий момент стадо для реинтродукции можно сформировать только в Монголии (природный резерват «Их-Нарт») путем завоза животных с других участков ареала, а затем, по мере увеличения численности, постепенно расселить на других подготовленных участках в зоне исторического обитания вида. Программой предусмотрено два варианта завоза животных для начала восстановительных мероприятий:

1) из Монголии — предпочтительный по биологическим и экономическим

показателям, имеет большие шансы на успешную реализацию;

2) из Сейлюгемского национального парка (Республика Алтай) — резервный вариант, имеющий значительные риски из-за проблем с отловом в горной местности и сложной схемой транспортировки (только авиаперевозка).

Для изменения отношения к природе символично начать с хрупкой экосистемы Арктики. Именно здесь техногенные воздействия человеческой деятельности наиболее ярки и угрожающи, а изменение климата, берущее начало в Арктике, влечет за собой природные и климатические катаклизмы по всему миру. Тропические дожди там, где их никогда не было, небывалые засухи на европейском континенте, наводнения и пожары. При этом начинать надо с сохранения и восстановления красивых и гордых представителей «братьев наших меньших». Без помощи человека, без продуманной международной комплексной экологической программы многим видам не выжить.

Все зависит от нас, от людей, — и плохое, и хорошее. Современный уровень технологий и технического оснащения фактически не оставляет природе шансов противостоять промышленной экспансии человека. Поэтому необходимо параллельно со страновыми концепциями и промышленными стратегиями, недрового и инфраструктурного развития выстраивать экологические программы, направленные на сохранение природы. Мы обязаны не только сохранить редкие виды арктических животных, но и расширить их биоразнообразие, компенсируя тем самым свое вторжение в уникальную экосистему и безудержное потребление недр.



Знакомим читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах

---



**Сенокосов Ю.П.** В поисках утраченного универсализма: О Школе гражданского просвещения. М.: Школа гражданского просвещения, 2020.

*Профессий, как и школ, много. Школа гражданского просвещения не о профессии. Ее миссия — в трансляции международным экспертным сообществом современного знания и понимания глобальных проблем для всех, кто готов обсуждать эти проблемы публично и включаться в процесс поиска их решения не только на глобальном уровне. Девиз Школы: «Все мы разные, но мы — граждане!». Как увидит читатель, Школа появилась не на пустом месте — ее появлению предшествовало участие одного из ее основателей в издании серии книг «Из истории отечественной философской мысли».*

*В приложении публикуется беседа с Ю. Сенокосовым «Не зачеркнуть, не начинать сначала...».*

Предмет этой книги — философские и политические идеи, лежащие в основе вдохновляющей работы Юрия Сенокосова и Лены Немировской. Эта книга обязательна к прочтению всем, кто хочет понять, что движет идеализмом и приверженностью к открытому и современному обществу в мире, в котором человек постоянно сталкивается с самыми разными проблемами, от политических до экологических.

**Джек Ханнинг,**

Генеральный секретарь Ассоциации школ политических исследований Совета Европы

Представленный автором этой книги в сжатой форме анализ важнейших для человечества философских проблем дан в развитии и применительно к сложившейся сегодня кризисной ситуации в мире. Эти проблемы являются главным мотивом семинарских занятий Школы гражданского просвещения, основанной Еленой Немировской и Юрием Сенокосовым: права и свободы человека, ответственность за будущее стран и народов.

**Михаэль Сильман,**

исполнительный директор Нобелевского фонда (1992–2011)

Миссия Школы гражданского просвещения состоит в том, чтобы посредством просвещения распахнуть двери для выхода многих и многих людей в публичное пространство, помочь им стать из обывателей гражданами, обретя тем самым свободу. Юрий Сенокосов и Елена Немировская за годы своего подвижнического труда сделали для дела российской свободы так много, что борьба за нее окончательно перешла из области теории в область практической борьбы за властные prerogatives гражданского общества и демократическое правовое государство.

**Владимир Рыжков,**  
политик, историк

Сегодня Школами часто называют обычные тренинги, цель которых — натаскивание, дрессировка навыков для достижения успеха. Школа гражданского просвещения с самого начала вернула слову великий смысл — *свободные занятия свободных людей в свободное время*. Во имя чего? Во имя Просвещения. Кант недаром говорил, что общество само себя просветит, если дать ему свободу. И Школа просвещения никого не тренирует; она просто втягивает нас в свободу. Блестящая книга философа и светоча Школы Юрия Сенокосова связывает эту практику с ключевыми идеями европейской культуры, даёт ей интеллектуальный камертон.

**Александр Архангельский,**  
писатель, ординарный профессор НИУ ВШЭ

«Просвещение работает», — утверждает в этой книге Юрий Сенокосов, развивая классические идеи, почерпнутые из истории политической мысли, моральной философии и педагогической практики. «Истина коммуникативна», — таково еще одно положение этой книги, которая вся является осуществлением этого тезиса. Обобщая философскую традицию, связавшую Просвещение с истиной, общением и миром — особую традицию, восходящую от Канта и дошедшую до нас через Бахтина, Мамардашвили и Сенокосова — эта книга не только подводит итог богатому и трудному опыту гражданского просвещения в России, но и закладывает основу для многих будущих начинаний.

**Александр Эткинд,**  
профессор Европейского университетского института  
во Флоренции

Сегодня, когда говорят, что эпоха Просвещения закончилась, практические соображения подменяют идеи, а просвещение сведено к тренингам, Юрий Сенокосов и Лена Немировская продолжают верить в идеалы. Так они построили свою школу, которой руководят уже почти тридцать лет, так написана и книга Сенокосова. Она напоминает нам,



что именно Просвещение привело к появлению гражданина и гражданского общества. И что идеал комфортной и безопасной жизни, к которому удалось приблизиться в некоторых странах, возник только благодаря развитию независимого от власти мышления и свободной дискуссии.

**Ирина Бороган и Андрей Солдатов,**  
авторы книг «Новое дворянство», «Битва за Рунет»

Эта книга, небольшая по объему, но богатая по содержанию, предлагает подходы к основным проблемам современного общества. Ее автор, Юрий Сенокосов, российский философ, прослеживает наследие Просвещения, увязывая в исключительном интеллектуальном путешествии религию, демократию, универсальные ценности, историю тирании, политику, этику и индивидуальную волю человека в его пути к личной свободе. Путь к свободе и мысли и есть путь (Московской) Школы гражданского просвещения, которую основали более четверти века назад Юрий Сенокосов и Лена Немировская. Книга обязательна к прочтению тем, кто хочет понимать настоящее (сегодняшний мир).

**Мигель Бельтран де Фелипе,**  
профессор административного права,  
Университет Кастилия-Ла-Манча

Российская либеральная мысль жива. Об этом наглядно говорит книга Юрия Сенокосова. После долгого кризиса у либералов появляются новые возможности, чтобы предложить свободу, ответственность и

гражданственность как ориентиры. Эти ориентиры важны не только Востоку, но и Западу Европы. Идеи Сенокосова и практики Школы — важное послание стране и миру во время поиска целей для нового государственного строительства.

**Михаил Минаков,**  
политический философ, Украина

Про что эта ободряющая, очень ко времени книга? Про возможность и необходимость диалога разных людей и разных культур в условиях, когда кажется, что из этого диалога ничего не получается — особенно в наших условиях.

Про свободу, которую сейчас так многие готовы променять на иллюзорную безопасность.

Про необходимость взросления, когда так хочется остаться под опекой. Про мужество додумывать мысли до конца, какими бы горькими эти мысли не были.

Про мышление, которое преодолевает сопротивление бытия.

Про упрямство в делании своего дела и отстаивании своей позиции, когда кажется, что дело это вполне безнадежно, а позиция проиграна.

Про Школу гражданского просвещения, которая три десятка лет вовлекает в свою орбиту очень разных людей, создавая удивительное пространство захватывающей интеллектуальной коммуникации.

**Виктор и Виктория Мучник,**  
журналисты, выпускники Школы, г. Томск

Современное общество, свободное и процветающее, состоит из граждан, понимающих и принимающих ответственность за свои действия. Елена Немировская и Юрий Сенокосов создали Школу гражданского просвещения, которая помогла тысячам россиян стать гражданами, взять на себя ответственность за себя и свою страну. В этой книге один из основателей Школы Юрий Сенокосов размышляет о вызовах современного мира и о том, что может сделать для него Школа.

**Сергей Гурьев,**  
профессор экономики, Школа политических наук, Париж

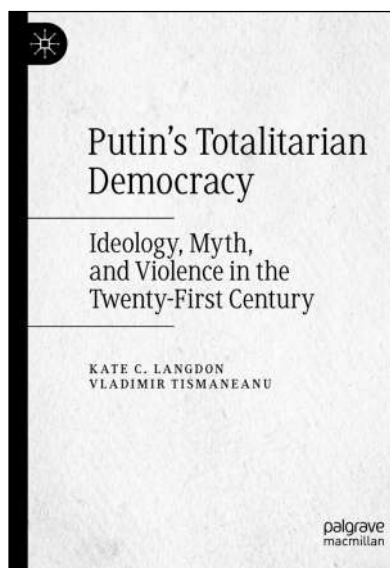
Книга Юрия Сенокосова представляет собой прекрасный парадокс: в попытке найти «утраченный универсализм», он показывает нам, что универсализм на самом деле никогда не был утрачен. И даже напротив — до тех пор пока граждане мира будут, подобно автору, отстаивать идеи и идеалы Просвещения, универсализм не исчезнет с лица земли.

**Михаэль Мертес,**  
советник федерального канцлера ФРГ Г. Коля  
(1987–1998)

## *Ленинизм-путинизм и прочие глупости в ассортименте*

*Langdon K. Tismaneanu V. Putin's Totalitarian Democracy: Ideology, Myth, and Violence in the Twenty-First Century. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. xi, 248 p.*

Некоторое время назад я обратил внимание на интересную закономерность: по мере того как повадки российского авторитарного режима становятся все более отталкивающими — навязчивое желание срочно «обнулить» сроки первого лица, причем невзирая на разгул страшной инфекции, можно считать хорошей тому иллюстрацией, — все абсурднее и нелепее становятся некоторые претендующие на научность трактовки того, что происходит в российской политике. Целая группа зарубежных ученых-политологов, словно отчаявшись найти рациональные объяснения тому, почему европейская, по сути, страна в начале XXI века все более осяземо и необратимо сползает к азиатским (а то и к африканским) управленческим моделям, начинает предлагать вполне причудливые толкования происходящего. Так, автор одной из поразивших меня недавно книг всерьез доказывал, что ментальные установки российского «национального лидера» едва ли не полностью продиктованы несколькими статьями Ивана Ильина, некогда им прочитанными\*. Разумеется, попытка подобрать универсальный ключик, на раз-два открывающий ящички громоздкого комода российской политики и извлекающий на свет божий все ее секреты разом, кажется крайне заманчивой, и потому ее предпринимают снова и снова. На поиски этого «философского камня» отправились и создатели рецензируемой здесь новой работы, посвященной нашей Отчизне и лично ее бессменному лидеру.



\* См. мою рецензию на одну из последних работ американского историка и политолога Тимоти Снайдера: Дорога к несвободе // *Общая тетрадь*. 2019. № 1–2 (76). С. 164–165.

Базовая предпосылка, о которой сообщается на первых же страницах и от которой авторы отталкиваются далее, не вызывает, в сущности, сомнений: Россия удивляет не тем, что ею руководит человек с неисправимо устаревшим взглядом на мир, а тем, что эта его отсталость горячо поддерживается подавляющим большинством россиян. «Путин есть репрезентация России, — пишут авторы. — А раз так, то его уход вовсе не даст гарантий того, что в России восторжествует свобода» (с. 4). Нужно ли с этим спорить? Ведь так и есть, Путин лишь символ русского бессознательного, всех тех страхов, предрассудков и заблуждений, которые в нашей несчастной стране разделяются слишком многими. Однако констатация этой истины открывает перед исследователем важную развилку. С одной стороны, установив подобный факт, можно сразу же отказаться от анализа того, что происходит в путинской голове: раз вождь плоть от плоти своего народа, то и покопаться лучше в этом самом народе. С другой стороны, если народ взрастил для себя такого славного лидера, то к нему-то и надо присмотреться попристальнее, чтобы вытащить наружу думы и чаяния народные. Обе исследовательские парадигмы имеют право на существование и каждый из упомянутых вариантов можно было бы продуктивно проработать. Авторы, однако, избирают третий путь, в итоге превращающий все их предприятие в профанацию. Что же они делают? Сначала они изобретают масштабный нарратив русской истории, русской ментальности и русской судьбы, а потом усердно впиливают в него и второго (четвертого?) президента России, и всех его подданных за компанию. Те, в свою очередь, далеко не идеально вписываются в заготовленную для них схему — и временами получается смешно.

Для начала читателю сообщают, что Путин не какой-нибудь взбалмошный каудильо, а предводитель «массового идеологического движения» (с. 22). Здесь сразу хочется возразить. Нынешней версии Русской системы можно приписывать разные грехи, но вот наличие у нее какой-то внятной идеологии я бы поставил в самый конец списка. Более циничную безыдейность, чем та, которую демонстрирует нынешнее царствование, трудно себе представить. Две наиболее примитивные человеческие страсти — жажда стяжательства и жажда власти, одна другой ненасытнее, — прикрываются пыльной фанеркой, на которой наскоро намалеваны купола, звезды, самолеты и танки, а также Родина-мать, повергающая в прах статую Свободы. Это, простите, не идеология. В лучшем случае мы имеем дело с постмодернистской игрой, которую авторы книги, увы, воспринимают за чистую монету. И поэтому им кажутся предельно реальными такие фантомные сущности, как уважаемый русский консерватизм, глубоко верующий русский человек, щелкающий зубами русский империализм и тому подобное. Создав химеры, они кидаются в бой с

ними, и от этого становится еще страшнее, но прежде всего им самим. Так на сцене появляется позабавивший меня «ленинизм-путинизм» (с. 139) — правда, я не шучу! — а под конец и вовсе «путинский фашизм».

Нет, я не оговорился и это не фигура речи: для тех стойких, кто доберется до последней главы этого исследования, у авторов есть сюрприз. Путинская Россия, сообщают они и без того запуганному их мрачной фактурой читателю, не просто авторитарное государство — это государство фашистское. «Культ традиции, отрицание модернизма, махизм, ультранационализм, мобилизация молодежи, репрессии, пропаганда, империализм и убежденность в том, что всякое несогласие представляет собой акт измены», приписываемые путинизму, кладутся в основу сурового обвинительного заключения (с. 229). Причем авторов не особенно интересует наличие довольно строгих и устойчивых определений, используемых в политической науке: со старыми словами работают творчески, наделяя их новаторскими (пусть даже даже безупречными) смыслами. Впрочем, на душе у американских специалистов все-таки не совсем спокойно, поскольку буквально на следующей странице у них вырывается важное признание. Большинство ученых, пишут они не без сожаления, до сих пор «отказываются называть Россию тоталитарным государством, указывая на то, что „Путин не Сталин и не Гитлер“» (с. 230). В этой констатации двойная правда: во-первых, действительно, он ни то и ни другое; во-вторых, так и есть — отказываются. Но зато наши стоят на своем, извлекая из кладовки древний термин «тоталитарная демократия», придуманный в разгар холодной войны и не обладающий, увы, даже минимальным эвристическим потенциалом.

К читательскому облегчению, на том книга и завершается. Проект я бы признал провальным, причем целиком и полностью. Он ни на шаг не приближает к пониманию тех сложных процессов, которые идут в современной России: на фоне блистательной англосаксонской литературы, посвященной бытованию и эволюции авторитарных режимов, — я говорю о работах Дженнифер Ганди, Милана Сволика, Брюса Буэно де Мескиты, если называть немногих, — это вообще детский лепет. Авторы, бичующие консерватизм, косность, зашоренность, фанатизм в российском их исполнении, впитали все пороки критикуемого ими явления, а главное, они утратили способность мыслить диалектично, превратившись в законченных догматиков. Их продукция, в сущности, никакая не наука. А среди наиболее пострадавших от этой интеллектуальной катастрофы оказалось, по-моему, почтенное научное издательство Palgrave Macmillan, в новинках которого столь отъявленные образчики пропаганды встречаются чрезвычайно редко.



*Владимир Рыжков,  
историк,  
профессор НИУ ВШЭ*

## *Контрапункт*

### КНИГА О ТОМ, ЧТО СТОИТ НА КАРТЕ

*Горбачев М.С.* Что поставлено на карту: будущее глобального мира. М.: Весь мир, 2019. 127 с.

Михаилу Горбачеву в этом году исполнилось 89 лет. Первый и последний президент СССР, лауреат Нобелевской премии мира все годы после ухода с поста руководителя государства сохраняет высокую общественную и политическую активность, остро реагирует на ключевые события в стране и мире. В своей новой книге последний советский генсек анализирует широкий круг проблем современности — от проблем безопасности до экологии и демократии. Преимущество Горбачева, его опыта, возраста и статуса в том, что он может без обиняков говорить все, что думает, без оглядки на политкорректность, власть или авторитеты. Более того — в этом он видит свою *обязанность*. Бывшие лидеры, как он убежден, не должны отмалчиваться, напротив, они обязаны предостерегать, оценивать, предлагать. В этом их долг перед своими народами, перед человечеством. Книга Горбачева — предостережение о грозящих всем людям опасностях. Одновременно в ней содержится программа действий и набор принципов человечества в эпоху глобализации.

Для автора глобализация уже и безвозвратно наступила, дороги назад нет. Другое дело, что человечество еще плохо понимает этот капитальный факт, свою ответственность за Землю, уровень современных угроз своему существованию.

Например, *вновь растет опасность ядерной войны*. Горбачев уместно напоминает читателям, что в результате его исторических договоров с Рональдом



Рейганом и Джорджем Бушем — старшим ядерные арсеналы США и СССР/России сократились на 80% по сравнению с пиковыми значениями времен холодной войны. Однако в последнее время процесс ядерного разоружения остановился и даже обратился вспять. Оказались разрушены почти все международные режимы сдерживания ядерной гонки вооружений и контроля за ядерным оружием. США вышли из договоров по ПРО и РСМД, вскоре может пасть и третий основополагающий договор — о сокращении наступательных вооружений (СНВ) — и тоже по односторонней инициативе США. В основе действий США, по мнению автора, лежат стремление к абсолютному военному превосходству и полное нежелание ограничивать свои вооружения. Что создает стимулы для других государств разгонять гонку вооружений и усиливает угрозу войны.

Горбачев с тревогой пишет о милитаризации международной политики и политического мышления, об открытой ставке США на мировое военное превосходство, на наращивание военных расходов и разработку новых видов вооружений. По его мнению, наблюдается отход ведущих государств мира, и Америки прежде всего, от ключевого принципа, принятого на первой же встрече Горбачева и Рейгана в Женеве: «Ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей».

Горбачев оспаривает популярный аргумент о ядерном оружии как главном гаранте мира во всем мире. Напротив, сохранение и тем более развитие ядерных арсеналов может привести к гибели цивилизации — в результате первого ядерного удара, ошибки человека или компьютера, попадания бомбы в руки террористов. Автор решительно выступает за постепенное и полное ядерное разоружение всех государств, за полный запрет ядерного оружия. По острой проблеме возможного возобновления США и Россией производства и размещения ракет средней и малой дальности Горбачев надеется на сдержанность Кремля и твердую решимость европейских политиков не допустить размещения новых американских ракет на своей территории.

Другая ключевая тема книги — размышления о причинах глубокого разрыва между Россией и Западом, случившегося после шестилетки горбачевской эйфории и обнадеживающего сотрудничества 1990-х годов. Михаил Горбачев отталкивается от Парижской хартии для новой Европы, которую он подписал как глава СССР по итогам совещания ОБСЕ в Париже в ноябре 1990 года. В этой фундаментальной политической декларации, подведшей черту под эпохой холодной войны и определившей принципы нового европейского порядка, говорилось главное: «*Эра конфронтации и раскола в Европе закончилась*». Декларировалось, что отныне отношения будут строиться «на основе взаимного уважения и сотрудничества». Что все европейские государства будут «строить, консолидировать и укреплять демократию как единственную систему

правления в наших странах». Был обещана равная безопасность для всех. «Безопасность неделима, и безопасность каждого государства-участника (ОБСЕ. — В.Р.) неразрывно связана с безопасностью других». Хартию для новой Европы ее авторы рассматривали как «начало движения на пути к общей, равной, неделимой безопасности».

Что же пошло не так? Почему единогласно одобренная Хартия для Европы была вскоре практически забыта, а события пошли по пути разрушения доверия и роста конфронтации? Почему так и не были созданы механизмы диалога и предупреждения конфликтов, предусмотренные Хартией?

Горбачев возлагает основную вину за это на политические элиты Запада, вставшие после внезапного краха СССР и развала коммунистических режимов в Восточной Европе в грех гордыни, автор именует его *триумфаторством*. На фоне слабости новой России последовало быстрое расширение НАТО и Европейского союза, при этом озабоченности и возражения Москвы игнорировались. Политик уверен: «решение о расширении НАТО было крупнейшей стратегической ошибкой Запада, шагом к дестабилизации военно-политической обстановки в Европе и за ее пределами». Ответные решения российского руководства о перевооружении и укреплении вооруженных сил, о значительном росте военных расходов носили поэтому вынужденный, защитный характер.

При всей справедливости этих упреков нельзя не обратить внимание на то, что и российская сторона оказалась далеко не в полной мере привержена высоким принципам Парижской хартии. Например, в части таких обязательств, как «твердая приверженность демократии, основанной на правах человека и основных свободах; процветание через экономическую свободу и социальную справедливость». Или неукоснительное соблюдение принципа уважения территориальной целостности государств.

Горбачев то и дело сравнивает политиков своего поколения с нынешними. Его поколение — участники и свидетели Второй мировой. Для них ужасы войны и твердое стремление к миру — не пустой звук. Усилиями этого поколения были запущены сначала разрядка международной напряженности, Хельсинкский процесс, а потом — перестройка и завершение холодной войны. Еще ранее Кеннеди и Хрущев смогли не только избежать прямого ядерного конфликта СССР и США, но достигли соглашения о запрете ядерных испытаний в трех средах. Горбачева волнует вопрос, соответствует ли нынешнее поколение лидеров вызовам времени, в полной ли мере оно осознает свою ответственность за судьбы мира? Многие и многие примеры, приводимые им в книге, дают отрицательный ответ.

Вся книга пронизана неповторимой горбачевской политической и человеческой *интонацией*. Горбачев непоколебимо верит в переговоры,

диалог, доверие, здравый смысл и общее благо, способность и возможность людей решить любые проблемы мирным, дипломатическим, разумным путем, не прибегая к силе, подкупу или шантажу. Он настойчиво подчеркивает, что шаги к миру и согласию всегда были результатом доброй воли, взаимного доверия и усилий сотрудничающих друг с другом политиков. Он пишет, к примеру: «Прекращение холодной войны стало, вне всякого сомнения, результатом совместных усилий. Лидеры государств, от которых в первую очередь зависела судьба мира, проявили тогда ответственность и политическую волю».

Кто-то скажет, что его вера в добрые намерения политиков и дипломатию наивна, даже *по-детски наивна*. Реалисты скажут, что на самом деле только грубая сила имеет в конечном счете значение в политике. Горбачевские вера в мораль и ответственность, его гуманизм и пацифизм кажутся им оторванными от жизни, наивными, непрактичными, даже вредными. Однако эти вера и ценности составляют ядро личности и мировоззрения Михаила Горбачева. Без понимания данного основополагающего факта невозможно объяснить перестройку, гласность, новое мышление, первые в СССР демократические выборы, вывод войск из Афганистана, закрытие политических лагерей и возвращение из ссылки Сахарова, разоружение и многое другое. Идеалист и гуманист Горбачев сумел изменить мир, притом в несравнимо лучшую сторону, куда значительно, чем все «знающие жизнь» сонмы реалистов. Еще две новые военные угрозы, по которым Михаил Горбачев предлагает начать немедленные консультации в Совете Безопасности ООН — космические вооружения и информационно-кибернетическая сфера. Здесь, по его выражению, «вот-вот может рвануть». Это так, и отсутствие международных соглашений в этих сферах значительно усиливает угрозы миру и стабильности в мире.

Главная роль в поддержании мира и безопасности в мире должна принадлежать ООН. Для этого и создавалась эта авторитетная универсальная организация. Однако ООН сможет действовать лишь при одном условии — согласии государств. Горбачев приводит пример успешных совместных действий государств ООН из своей практики — общую операцию на основе мандата Совбеза против Ирака летом 1990 года. Тогда мировое сообщество, включая СССР и США, решительно остановило агрессию Саддама Хусейна против Кувейта.

Михаил Горбачев отмечает, что глобализация стала основополагающим обстоятельством современности. Однако она по своим последствиям противоречива. Среди следствий глобализации — рост неравенства, уничтожение экосистемы Земли, а стремление капитализма исключительно к прибыли и поощрению потребительства сметает со своего пути саму жизнь на планете. Автор крайне критичен в отноше-



нии современного капитализма, «вашингтонского консенсуса» и пр., выступая по-прежнему как последовательный политик левых взглядов, социал-демократ. Горбачев предлагает переложить больше налогового бремени на богатых, а капитализм сверхнаживы и сверхпотребительства заменить рыночной экономикой, ориентированной на устойчивую окружающую среду, здоровье людей в самом широком смысле слова, образованность, культуру, социальную сплоченность, в том числе на преодоление пропасти между богатством и нищетой. В этом контексте он поддерживает «Цели развития тысячелетия», принятые ООН в 2000 году.

Из невоенных угроз крупнейшей для человечества Горбачев считает *экологическую*. Это и есть две самые страшные опасности, перед лицом которых оказались современные люди: *уничтожение в пламени ядерной войны и самоуничтожение вместе с природой Земли*. В рамках борьбы со второй угрозой политик участвовал в создании организации Международный Зеленый Крест. В 2000 году по инициативе Михаила Горбачева была одобрена всемирная Хартия Земли, поддержанная ЮНЕСКО и тысячами других организаций по всему миру. Ее главная идея: «Чтобы спасти человечество и все будущие поколения людей, мы должны спасти Землю». Всю жизнь на Земле (человечество и живую природу) Хартия понимает как «живое сообщество Земли», что подразумевает императив защиты и сбережения этого сообщества. Экономика планеты должна быть перестроена так, чтобы исключить нанесение вреда планете и людям. Человечество должно строить справедливое свободное общество на основе демократии и подотчетности государств, формирования культуры толерантности, ненасилия и мира. Ясно, как актуально звучат идеи и принципы Хартии 20 лет спустя.

Михаил Горбачев поддерживает решение Путина о присоединении к России Крыма, а вину за украинский кризис, начавшийся в 2014 году, возлагает на Запад, прежде всего на ЕС. В двустороннем решении ЕС и Украины о заключении соглашения об ассоциации, без участия Москвы и учета ее озабоченностей, политик видит нарушение основного принципа, на котором он настаивает, — принципа учета интересов всех и многостороннего диалога. Россию не только не пригласили за стол переговоров, несмотря на ее огромную заинтересованность и громадные интересы на Украине, но даже отказали в простых консультациях. Последовавший за этим кризис и раскол Европы, по его мнению, вредит стратегическим интересам единой Европы (включая Россию), ослабляет ее позиции в глобальной конкуренции.

Передачу Крыма советской Украине Хрущевым, как и независимой Украине после распада СССР Ельциным, Горбачев считает несправедливой. Референдум крымчан о вхождении в состав России не вызывает у него никаких сомнений. Санкции против России за это он считает несправедливыми и неоправданными. Правда, здесь у него возникает глу-

бокое противоречие с собственными принципами — ведь, принимая решение о присоединении к себе территории и населения братского соседнего государства, руководство России также ни с кем ни в Киеве, ни в ЕС не вело переговоров и не консультировалось.

Отношение Михаила Горбачева к правлению и политике Владимира Путина в основном позитивное, но не без умеренной критики. Например, он считает оправданными шаги по укреплению государства после «хаоса 90-х». Такой политике, по его мнению, не было альтернативы. Рецепты «из учебника демократии» в этом случае не годились. На следование учебнику «не было исторического времени». Авторитарные элементы политики нельзя рассматривать без учета всех сопутствующих обстоятельств. «В целом необходимо признать, что первое десятилетие нового века принесло миллионам россиян существенное улучшение уровня жизни и повышение реальных доходов. Экономический хаос 90-х годов остался в прошлом». Не видит политик и установки Кремля на конфронтационную внешнюю политику. Скорее многие конструктивные инициативы Москвы были просто проигнорированы партнерами, при этом Россия имеет полное право на самостоятельную внешнюю политику.

В то же самое время ключевые вопросы о будущем России, о ее социально-экономической и общественно-политической модели по-прежнему остаются без ответа. Политическая система сильно перекошена в сторону многовластия президента. Избирательная система препятствует подлинному представительству граждан. Она не дает приходиться в политику новым ярким политикам. Не сложилась сильная и идейно основательная партийная система. Стабильность достигнута, но эта стабильность не является демократической, опирающейся на соревнование партий и программ, на диалог общественных сил. Теряется историческое время, мы рискуем быть отброшены в прошлое.

Особо важное значение имеет *принцип сменяемости власти*. «Для меня постоянное обновление власти — императив современной политики» — пишет Горбачев. Нельзя замыкать все решения на одного человека, даже заслуженного и популярного. Слишком велик в этом случае риск тяжелых ошибок. Сила государства и его успех должны зависеть не от личности, а от системы хорошо работающих политических и общественных институтов. «Иначе — инерция, застой, политическая апатия», и мы знаем, какие опасности с этим связаны. Это пишет человек, на долю которого выпало разгрести фатальные проблемы позднесоветского застоя.

Решающую роль в преобразованиях в России должно сыграть постепенно формирующееся гражданское общество, политическая нация. «Нельзя одной бюрократией обеспечить решение задач». Горбачев — исторический оптимист в отношении будущего России. Он видит, как сильно изменилось общество, насколько оно стало более открытым,

смелым, солидарным. И делает ключевой вывод: «Перестройка победила. Возврат в прошлое невозможен».

Книга Михаила Горбачева — мудрый и спокойный монолог политика с огромным жизненным и государственным опытом. Человека, к словам которого продолжают внимательно прислушиваться во всем мире. Он не склонен обострять оценки реальности, стремится к сбалансированным выводам. Но при этом открыто говорит о главных угрозах, с которыми сталкивается человечество и Россия. А значит — каждый из нас.

## ОПЫТ ИМПЕРИЙ И ОПЫТ ПОСЛЕ ИМПЕРИЙ

### **Империя: проблемы внутренней и внешней колонизации.**

Материалы XXXVIII международного семинара исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». М.: Весь мир, 2019. 160 стр.

---

Михаил Горбачев до последнего дня пребывания в офисе президента СССР боролся за сохранение СССР. Его идеалом был глубоко реформированный Союз с самой широкой самостоятельностью республик и регионов. Демократическая федерация демократических республик. Но 25 декабря 1991 года он вынужденно заявил о сложении полномочий президента СССР, что стало моментом юридического прекращения существования «красной сверхдержавы». До этого лидеры трех союзных республик — России, Украины и Белоруссии заявили о прекращении существования СССР в Беловежском соглашении от 8 декабря 1991 года, а Алма-Атинская декларация от 21 декабря лидеров 11 союзных республик подтвердила и расширила это решение.

Одна из доминирующих в научной литературе точек зрения состоит в том, что СССР был государственным образованием имперского типа. Империей, во многом преемственной по своим характеристикам Российской империи. Что распад СССР был в решающей мере предопределен его имперской природой. Что для Москвы в принципе невозможно было долговременно удерживать под силовым и идеологическим контролем столь разнородные народы и регионы. Сочетание имперского, силового характера контроля над народами и территориями, общая неэффективность социалистической экономической модели, жестко централизованная и негибкая политическая система — три основные составляющие краха СССР. Е. Гайдар так и назвал одну из своих главных книг — «Гибель империи».

Современная Большая Российская энциклопедия определяет империю как «обширное, могущественное государство, включившее в свой состав (нередко путем завоеваний) территории др. стран и народов». Империя нередко подразумевает наличие у имперской метрополии ко-

лоний — внутренних и внешних. Как включенных со временем в основное имперское «тело», так и обладающих разного рода особенностями статуса и управления.

Если царская Россия и Советский Союз были империями (не столько по номиналу, сколько по существу), были ли у них колонии? Каков был их статус? Каковы были особенности управления ими и роль в экономике страны? Какие уроки опыта колонизации, колониализма и колониальной политики других империй могут быть интересны современной России, которую ряд ученых также определяют как имперское или распадающееся имперское образование (см., например, работы Э. Паина)?

Историки, как и представители других общественных наук, также детально разрабатывают эту тематику. В Институте российской истории РАН (ИРИ РАН) почти 40 лет существует постоянный международный семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму», который среди прочего исследует историю различных империй. В январе 2019 года в Москве состоялся 38-й семинар, посвященный отдельным колониальным аспектам истории средневековых итальянских колониальных держав, Российской империи и СССР. Вскоре после этого вышел сборник материалов семинара, авторами которого выступили крупные российские, итальянские и французские историки.

Первые три главы сборника, подготовленные С. Карповым, М. Баларом и Э. Бассо, посвящены очень интересной истории средневековых заморских колоний Венеции и Генуи в восточной части Средиземного моря и Причерноморье. В частности, рассказывается о долгом и более чем заметном присутствии генуэзцев в Крыму (со второй половины XIII века до 1482 года — более 200 лет). Генуэзские города и поселения в этом регионе были ключевыми центрами европейской коммерции с Азией: с Монгольской империей по северному маршруту Великого шелкового пути и с сопредельными государствами. По сей день в Крыму сохранились многочисленные остатки генуэзских крепостей. Генуэзский город Каффа (древнегреческая и современная Феодосия) был центром генуэзских владений в Причерноморье. В период его расцвета население достигало 70 тысяч человек, город был центром торговли, ремесел, дипломатии, культуры. Генуэзцы никогда не были политически хозяевами Крыма, но имели прочные союзнические отношения с господствующими там Золотой Ордой и Крымским ханством, а кроме того обширные собственные земельные владения на полуострове.

Генуя построила цепь опорных крепостей по южному берегу Крыма — от Керчи до Балаклавы. Управлялось все это из Каффы, которая имела широкую автономию от метрополии. Население Каффы было интернациональным и многоконфессиональным (генуэзцы, татары, греки, сирийцы, крупнейшая община армян и пр.). В колонии преобладали религиозная терпимость, открытость культур друг к другу, перенимание

лучших ремесленных и культурных практик одних общин другими. В результате возник крупный культурный и экономически процветающий центр европейского Средневековья. В отношениях с Золотой Ордой и позже с Крымским ханством Генуя и Каффа делали упор на дипломатию, сотрудничество и взаимовыгодную торговлю. Любопытно, что знакомый каждому российскому школьнику монгольский полководец Мамай (он не был великим ханом, то есть главой государства), проигравший историческую битву с русскими на Куликовом поле в 1380 году, после того как впал в немилость у великого хана Тохтамыша, бежал в Каффу, где и был убит генуэзцами — близкими союзниками монгольского владыки. Обобщая, авторы делают вывод о том, что «отношения между генуэзской Каффой и Золотой Ордой обогатили обеих и превратили Черное море в центр международной торговли позднего Средневековья».

Талассократические (сосредоточенные на морях и заморских колониях) республиканские торговые империи Венеции и Генуи оказались исключительно успешными и долговечными благодаря ряду своих специфических характеристик. При всех отличиях их объединяли политическая и дипломатическая гибкость в отношениях с местным населением (Генуя была терпимее и гибче) и соседями, религиозная, бытовая и культурная терпимость, акцент на взаимовыгодной торговле, большое разнообразие политических, юридических и административных форм контроля и господства. Говоря современным языком, талассократические империи республик Венеция и Генуя были квазифедерациями. Их успех во многом предопределялся коммерческим и дипломатическим здравым смыслом и широкими вариациями в делегировании полномочий колониям. Энрике Бассо так и определяет общую формулу успеха Генуи: «прагматизм как путеводная звезда». Венеция и Генуя сумели создать сложные, неоднозначные, синкретические политические системы и системы управления, которые оказались на практике самыми сильными и устойчивыми.

В главе К. Соловьева из ИРИ РАН рассказывается о политических взглядах премьер-министра Российской империи П. Столыпина (годы службы на этом посту — 1906–1911) на империю, национальный вопрос и вопрос развития имперских окраин. Столыпин был реалистом и прагматиком, но при этом имел четкие политические позиции по всем основным вопросам российской государственной жизни, опираясь в том числе на свой богатый управленческий опыт в губерниях. Он был подлинный политик с широкими взглядами и политической смелостью, а не просто крупный чиновник.

Россию Столыпин «видел исключительно империей». Цель ее внутренней и внешней политики — «освоение огромного евразийского пространства». Это и есть миссия русского народа. Цель и миссия империи и народа определили российскую политическую систему, адми-



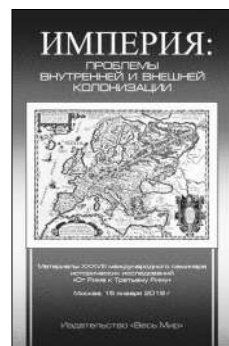
нистративные структуры и внешнюю политику. Главное для имперской политики было разрешать конфликты между центром и периферией, поддерживать безопасность на протяженных границах и осваивать малонаселенные окраины.

При этом империя Столыпина должна была быть *демократической* (принимающей принцип широкого участия подданных в политической жизни) и *эгалитарной*, на основе единого для всех *института гражданства*. Статус российского гражданина должен был уравнивать в правах аристократию и простолюдинов, русских и инородцев, христиан, магометан и прочих. Все граждане должны были обладать равными правами в империи.

Столыпин был человеком модерна, крупным реформатором, стремившимся осуществить комплексную модернизацию империи, включая ее политические институты на основе Основных законов от апреля 1906 года. Он считал необходимым развитие представительных и законодательных институтов империи (Думы и Государственного совета). В формировании национального самосознания, патриотизма, государственного мышления и чувства подданных он видел необходимую государствообразующую силу, как это было в государствах Западной Европы. Он видел своей задачей формирование политической нации Российской империи, для чего требовались развитие выборных институтов и политических партий, свободная пресса. Столыпин говорил о том, что без формирования единого народа, проникнутого чувством единой судьбы и ответственности за Россию, империя неизбежно проигрывает соревнование с другими державами, в которых эта задача уже решена.

Национализм Столыпина был, таким образом, не расовым, не этническим, а гражданско-политическим, сродни национализму Пушкина, Берка, И. Аксакова и др. Последний в его жизни политический конфликт по вопросу введения земства в западных губерниях отражал его стремление установить внутреннюю систему империи не на сословную, а на демократическую основу, с опорой на производительное большинство населения. Лозунг Столыпина о «Великой России» в контексте его политики реформ и демократизации горячо поддержал П. Струве. Демократизированная и эгалитарная империя, уделяющая особое внимание развитию окраин — очень интересный вариант России, предложенный столетие назад одним из крупнейших русских реформаторов.

Глава Н. Никитина «Сибирь как колония: мнения и факты» посвящена истории в научной литературе и критике фундаментального тезиса Николая Ядринцева (знаменитая книга «Сибирь как колония», 1882, 1892) о том, что Сибирь является типичной колонией российской метрополии, завоеванной с оружием в руках и подвергаемой беспо-



щадной и хищнической эксплуатации. Тезис и аргументы Ядринцева, как и других *сибирских областников*, имели и имеют большую историю в науке и широкую поддержку среди ученых и общественников, а в последние десятилетия (после распада СССР) можно говорить о ренессансе сибирского областничества, пусть и в сглаженных формах. Н. Никитин прослеживает, как в научной литературе менялось отношение к идее Сибири как колонии, как пересматривались и переоценивались связанные с ней аргументы.

Рассматриваются два ключевых аргумента областников для обоснования колониального статуса Сибири: *кровавое завоевание и хищническая эксплуатация Сибири центром*. Два этих обстоятельства создавали почву для политических требований широкой сибирской автономии или даже отделения Азиатской России от метрополии (сибирский сепаратизм). С середины 1940-х годов оба начальных тезиса подверглись глубокой научной критике и капитальному пересмотру. Вопреки тезису о вымирании аборигенного населения Сибири был доказан его постоянный прирост. Завоевание было заменено более нейтральным «присоединением» (сочетавшим насильственные захваты с добровольным вхождением ряда народов в состав России). Хищнический «колониализм» был заменен на прогрессивную «колонизацию», в целом выгодную всем сторонам процесса. Тезис о враждебности русских и аборигенов был опровергнут исследованиями мирного и дружественного сосуществования, а также фактами постоянной защиты интересов аборигенов со стороны имперской администрации, их привилегированного статуса в сравнении с русскими подданными-сибиряками. Сам термин «колония» определялся более нейтрально, без резко негативного оттенка. В результате к концу советского периода в отечественной исторической науке «стали исчезать основания для... того, чтобы называть политику Российского государства по отношению к сибирским народам колониальной в ее традиционном понимании».

Наука пришла к выводу, что в Сибири не было ни умышленного истребления коренного населения, ни «очистки» территорий переселенцами, ни дискриминации по расовому или этническому признакам. Это привело в 1960-е годы к выводу, что Сибирь не была аналогом колоний западноевропейских государств, а если и была колонией, то лишь в «экономическом значении слова». В конечном итоге Н. Николаевым на основании историографического экскурса сделан вывод о том, что сибирские областники XIX века были не столько исследователями, сколько публицистами, что главным для них было не создание научного знания во всей его возможной полноте, а подгонка фактического материала под политические задачи и требования.

Завершает свой обзор Н. Никитин мнением такого авторитета, как нобелевский лауреат норвежец Ф. Нансен, который определил статус Сибири как, «в сущности, естественное продолжение России, и ее надо

рассматривать не как колонию, а как часть той же родины». На этом в вековом споре о колониальном статусе Сибири Н. Николаев предлагает поставить точку.

По нашему мнению, последний тезис о «точке» в дискуссии слишком оптимистичен (или пессимистичен — с какого угла посмотреть). В современном положении Сибири сохраняются *объективные проблемы*, которые невозможно разрешить одним только обвинительным приговором «необоснованным» трудам старых областников. Одна из них характерна для всех, не только для сибирских, регионов страны — а именно чрезмерная централизация, удушение инициативы регионов и муниципалитетов, подавление региональной и местной демократии, пресечение самостоятельности и специфики очень различных культурно, этнически и пр. регионов. Все это многие сибиряки воспринимают особенно остро, учитывая суровость климата, огромные расстояния Сибири и их несомненные заслуги в освоении огромного сурового пространства зауральской России. Сибиряки верят, что заслуживают большей самостоятельности в решении своих специфических проблем. Вторая объективная проблема — уровень и качество жизни сибиряков, развитие социальной сферы и инфраструктуры по-прежнему значительно уступают европейской части страны. И это притом, что сибиряки производят львиную долю экспортной продукции России и обеспечивают основные поступления доходов в ее бюджет. Многие сибиряки воспринимают такое положение дел как несправедливое и характеризуют подобное отношение к ним центра как «колониальное». Что подпитывает интерес к идеям сибирских областников и к концепции Сибири как колонии.

Возвращаясь к Михаилу Горбачеву и его усилиям по спасению Союза ССР, можно порассуждать в свете материалов книги о возможных практических уроках истории таких разных типов империй, как итальянские Генуя — Венеция, Российская империя и СССР. Для жизнестойкости больших государств со сложным составом территорий и населения императивами должны быть гибкость, прагматизм, терпимость, открытость к разнообразию культур, систем управления, статусов и пр. Еще необходимы усилия по формированию общенационального сознания, политической нации, стоящих над национальными, этническими, конфессиональными, социальными и пр. идентичностями. Основой для этого должны стать общее гражданство и действенные общие демократические институты. А для ослабления сепаратистских настроений и политических движений, для купирования обсуждений «колониального» статуса различных частей государства требуется расширение региональной автономии, повышение статуса регионов, более справедливое распределение ресурсов, уважение центром интересов и чувств жителей регионов и макрорегионов, таких как Сибирь.



*Иван де ла Нуэс,  
кубинский эссеист,  
искусствовед*

## *Пир последствий\**

### I

Все мы рано или поздно оказываемся на пиру последствий своих поступков. Это написал Роберт Льюис Стивенсон, фанатик островов. Именно так живет теперь остров Куба: на пиру последствий. Дух захватывает от калейдоскопа визитов — известного художника (Фрэнк Стелла), американского президента (Барак Обама), профессиональной бейсбольной команды («Тампа Бэй»), знаменитой рок-группы (Rolling Stones), Карла Лагерфельда, открывшего кубинскую страницу в истории дома Chanel.

Итак, добро пожаловать, любуйтесь нескончаемым шествием — шоу, отражающим перемены в стране, где потребление плодов преобразований приветствуется больше, чем обсуждение их сути. Лучше уж пренебречь причинами событий ради того, чтобы насладиться их последствиями.

Перенесемся в ту пору, когда кубинская революция стала популярной. Тогда, в шестидесятые годы, на Кубе легко можно было встретить интеллектуалов едва ли не со всего мира, неизменно готовых подвести теоретическую базу под так называемый кубинский опыт социализма, питавший фантазии Запада: не красный, а зеленый («как пальмы», по словам Фиделя), не советский, а латиноамериканский.

Теперь же на Кубе периода последствий тон вполне задает *entertainment\*\**. С налетом гламура, замешанного на фривольности. И от фиесты к фиесте ритм новой жизни определяет реггетон. Там, где раньше

\* Очерк из книги: *Nuez I. de la. Cubanropía. Cáceres: Periférica, 2020. Перевод с испанского Александра Казачкова.*

\*\* *Entertainment* (англ.) — развлечение, зрелище, увеселение.

был Сартр, теперь у нас Бейонсе, вместо Макса Ауба — Пэрис Хилтон.

Британскую квоту, которую закрывал Грэм Грин, передали Rolling Stones, а рекордная по массовости аудитория, внимавшая речам нашего Главмайора, теперь заморожена электронным тренингом Major Lazer.

В пылу катарсиса управляемого гедонизма даже столь политически значимое событие, как визит Обамы, представили в отфильтрованном виде: самый известный комик страны завел с американским президентом диалог, полный двусмысленностей, нелепых шуток и замалчиваемых властями реалий.

Игра в пинг-понг, затеянная китайцами и американцами во времена Никсона и Мао, на фоне этой встречи Обамы и Памфило останется в истории образцом высокой дипломатии. Кроме того, этот эпизод сбил с толку службу официального протокола, оппозицию и эмиграцию.

Соединенные Штаты ассигновали столько миллионов долларов на дело демократии на Кубе, а ключевым оказался простенький ролик, в котором президент США играет в домино с чудаковатым персонажем, делающим вид, что он не понимает ничего, тогда как телезрители давно все поняли.

На Кубе периода последствий никто не может представить себе Пэрис Хилтон или Мика Джаггера, ведущих дебаты о политической модели. Да и власти, похоже, не испытывают ни малейшего интереса к политической дискуссии в стране, стоящей перед выбором: то ли высветить боливарианскую модель, то ли остаться в тени модели китайской. Что после Обамы? Этим вопросом задавались после визита многие, слева и

справа, внутри и вне острова. В деле выживания, видимо, все останется по-прежнему — насколько все может оставаться неизменным в лоне правительства, где сплошные восьмидесятилетние старцы, — однако явственней уверенность в том, что положение вещей не может не измениться. Речь не только о полумерах в сфере услуг, допускающих открытие ресторанчиков, фитнесов, баров, но и о влиянии новой экономики на такие области, как образование, культура, здравоохранение, которые до сих пор оставались священными для кубинского социализма, но теперь все чаще опираются на частную инициативу, немислимую в иные времена.

Как бы то ни было, проблема не столько в самих переменах, сколько в их направленности. Именно на этом канате балансирует страна, где большинство жителей не готово к шоковой терапии.

Кубинцы сегодня хотят денег, но им нужно и время. Им хотелось бы завести свой бизнес — большинство склонно не к частному в строгом смысле слова, а скорее к семейному, но при этом сохранить и сети товарищеской взаимовыручки, пульс которой ощутим, как и прежде, в неопределенности будней.

## II

На Кубе периода последствий все, что движется, может оказаться такси, а все статичное — обернуться арендуемым жильем. Или рестораном, баром, парикмахерской, фитнесом, подпольным магазином. Таков новый лик частной экономики, растущей у всех на глазах в реальном времени и через виртуальные объявления.

Милости просим к «первоначальному» накоплению капитала. Со своими законами, уловками и собственными нарождающимися классами, хотя и далекого еще от любого стандартного капитализма (если таковой бывает).

Новый капитал уже обзавелся первичной эмблематикой денег и использует сочетание агитпропа и адвертайзинга, преодолевшее в своей иконографии пакт между Че Геварой и американскими «кадиллаками». Между несокрушимой иконой — опорой мифологизированной жизни и несокружимыми авто — подспорьем в жизни повседневной. Эта ниточка связывает также любителей революционного туризма и последний резерв старых комбатантов, живущих ныне арендой своих квартир, с включенными в оферту героическими эпопеями.

Мысль эта посещает меня мартовским вечером 2016 года, в здании с видом на гаванскую набережную Малекон. Здесь почти все хозяева сдают жилье туристам. Я сижу на балконе в квартире ветерана-дипломата — бывшего наставника поколений кубинцев, посвятивших себя внешнеполитической службе. Сегодня день его рождения, и в какой-то момент пришедшее на торжество войско рассредоточивается.

Старая гвардия заводит разговор о политике. Их дети — о бизнесе. Одна группа риторична, другая прагматична. Диспозиция четкая: первые — история, вторые — география.

Вечеринка проходит в преддверии визита президента США Барака Обамы. В ходе праздника кто-то получает на мобильный сообщение с циркуляром, адресованным властями тем, кто сдает жилье в аренду.

Речь идет об... антитеррористическом предписании!

Оповещение предостерегает о возможных жильцах из арабских стран, к которым присовокупляется Израиль: с ними требуется бдительность. Предупреждение содержит тропические вариации на тему Оси зла, к которой рано или поздно будут причислены и неблагонадежные завсегдатаи из местных.

«Они опасаются превращения Гаваны в новый Даллас», говорит девушка из молодежной зоны небольшого банкета, явно намекая на убийство JFK. «Не беспокойся, милая. У них в Далласе не было нашей госбезопасности», — парирует ее бойфренд. Так что в пакете, который привезет с собой Обама, найдется и кубинское приложение к «Патриотическому акту». Предварительное заключение станет уже не исключительной мерой из советского наследия, а вполне американской актуальной практикой.

Кубинская частная инициатива будет антитеррористической или ее не будет вовсе.

### III

Через несколько недель моя мать выглядывает в окно и видит на улице столпотворение. Не решаясь выйти, она даже не понимает объяснения соседей по поводу хаоса, царящего перед домом: «в Гаване снимают „Форсаж“ (Fast and Furious)».

Сегодня на Кубе все воспринимается как некий водораздел, мы придаем событию значительность, которая делит жизнь страны на «до» и «после». Суть возможна любая: геополитическая, культурная, просто праздничная; и не важно, идет ли речь о визите Обамы или об открытии галереи Continua...

«Fast and Furious» тоже не исключение. Хотя для жителей квартала важно другое: если раньше в эти утренние часы на улице было малоллюдно, то теперь нужно протискиваться меж десятков мотоциклов, сверхскоростных автомобилей, грузовиков, ретро-кабриолетов «класса люкс», благоухающих «Прадой» сутенеров, моделей, папарацци, сексотов, статистов... и бесчисленных зевак, для которых все происходящее — «неизреченный праздник», как выразился бы Хосе Лесама Лима.

После немалых сомнений относительно того, что ей кажется форменной «окупацией» квартала, моя мать приходит к выводу: мы переживаем явное «американское вторжение».

И ей не откажешь в правоте.

Более полувека, за редким исключением типа документального фильма «Cuban Chrome» (о старинных автомобилях, колесящих по Гаване), на острове не было американских кинопроектов такого размаха. Но теперь среди множества возможностей для бизнеса, которые США думает использовать на острове, предполагается его превращение в огромную съемочную площадку Голливуда; на фоне девственной сценорафии вполне могут перемещаться — быстро и яростно — его невероятные супергерои.

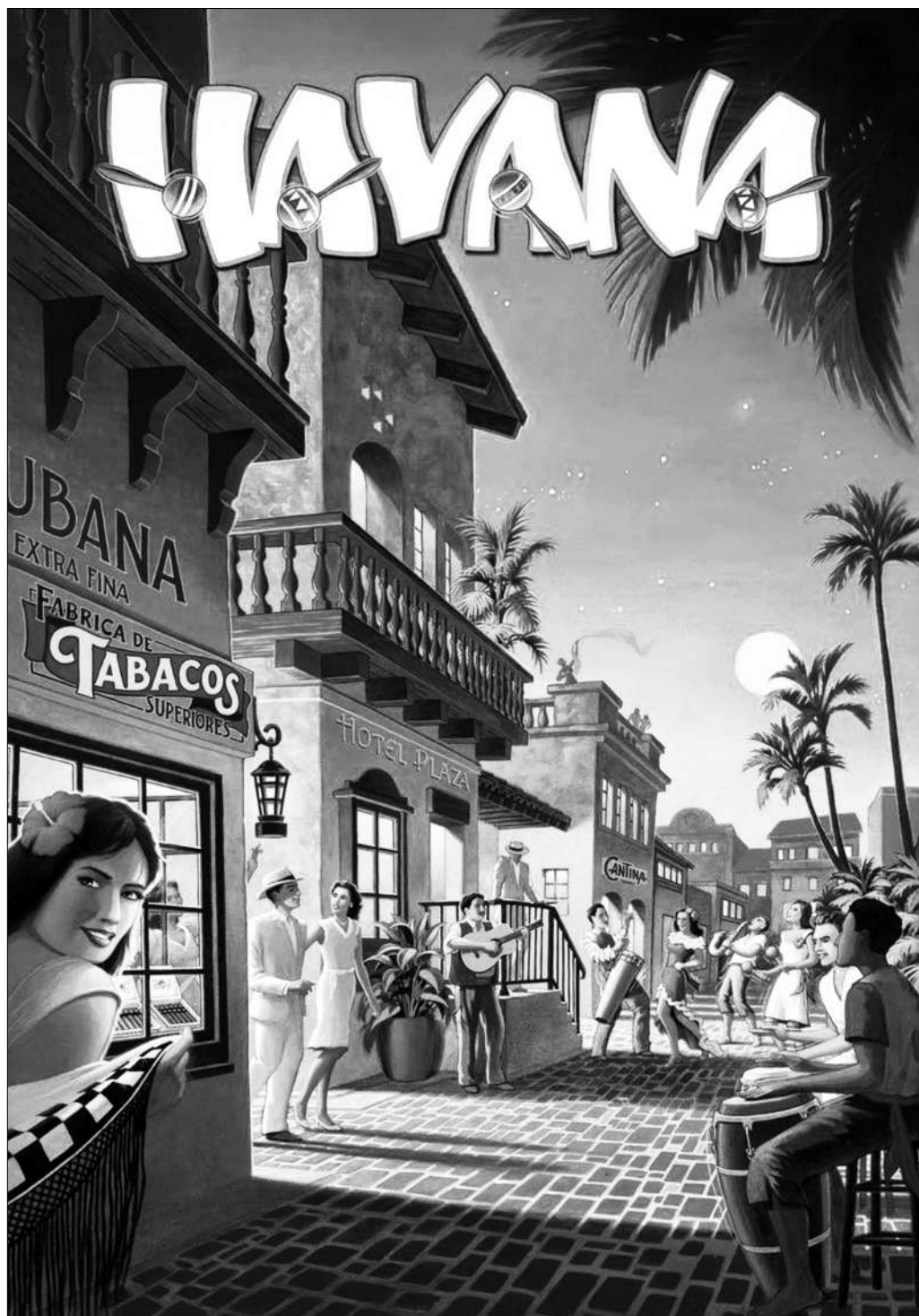
Это не означает, что в сюжетах американского кино от Копполы до Поллока Куба отсутствовала. Но, как правило, и по велению эмбарго или бюрократии, ее образ воссоздавали в Доминиканской республике или на Пуэрто-Рико. И не то чтобы без нее совсем обходились такие телесериалы, как «Агентство», «Закон и порядок», «C.S.I.: Место преступления», «Симпсоны», «Доктор Хаус» или

«Касл». По сути, подобные постановки намекают на то, что ждет кубинцев по части стереотипов. Не важно, идет ли речь о замысле убить Фиделя Кастро в ООН или о триллионе долларов, которые ФБР предлагает Гомеру Симпсону, дабы тот ликвидировал Фиделя в Гаване. Или, как крайний случай несурязицы, — о Касле, писателе-мастере детективного жанра, которому предстоит расследовать дело бейсболиста, убитого на Манхэттене, но и там не обойдется без подозрительных кубинцев, изысканных... на языке индейцев-таино.

Что тут скажешь...

С давних пор, слева и справа, в сфере туризма или обязательств Куба — это страна, куда люди едут не для открытия реальности, а для подтверждения сценария. Так ее парадоксы отодвигаются на второй план, а кубинцы обрекаются на роль простых статистов, придавленных тяжестью предвзятых суждений — *предрассудков*.

Противоречие в том, что пока кубинские кинематографисты годами бьются за новый закон о кино, все катится — вот уж точно — как по маслу, когда речь идет об американском мегапроекте типа «Форсаж». Зажатые между национальной медлительностью и транснациональной скоростью, деятели кино не перестают во весь голос требовать для себя независимости. Естественно, не без опаски, но они пытаются использовать сей бурный поток, вызванный дипломатической разрядкой с США, апофеозом телесериалов и материальными потребностями, заставляющими их участвовать и при этом с осторожностью относиться к своей подчиненной роли в этих проектах.



Рекламный плакат



Проблема сводится не только к самостоятельности в сфере кинопроизводства, но и к свободе дискурса, который позволил бы противостоять этой смеси туризма и оттепели, допускающей мысль о том, что даже идеология готова превратиться в очередную главу тропикализма.

С другой стороны, это напряжение отражает сложность самой открытости в отношениях с США, их хрупкое равновесие.

Эта индустрия, способная генерировать прибыль, обновлять технологии и создавать трудовые возможности, весьма привлекательна (и даже необходима) в практическом плане. В культурном же плане, не успела начаться новая эпоха, как мы возвращаемся к живописным сценам из «Нашего столетия в Гаване», к кубинцам, с маракасами в руках подыгрывающим ритму неостановимой лавины неокOLONIALИЗМА.

#### IV

VII съезд Компартии Кубы завершил работу почти параллельно со съемками «Форсажа». В обнимку с другим винтажным фетишем — единодушием. Пережевывая то, о чем там говорилось, и главное, о чем *не говорилось*, теплая компания старых революционеров упорно предается излюбленному хобби — обустривать страну, сидя в одном из баров Гаваны.

Этот убывающий коллектив в силу возраста подтачивают необратимые потери. (Мой отец обычно говаривал: «я в очереди», пока наконец не пришел его черед и он не ушел из жизни и из коллектива.)

Все они участвовали в восстании против Батисты, у некоторых за плечами по нескольку войн. Почти у всех есть дети и внуки в Майями. Те, кто содержит свой дом в приличном состоянии, получают прибавку к крохотной пенсии, сдавая его в аренду туристам. Пытаясь приноровиться к новым временам. Не совсем адаптируясь, не всем поступаясь, все критикуя. (Или почти все, «что не то же самое, но суть одна», как пел бард Сильвио Родригес.) Их дискуссии об *этом* не обходятся без романа. Как и без «скорой», которая спешит на помощь, когда кто-то выпьет лишнего.

На Кубе есть марка романа, обозначающая грань между сносным и опасным. Это *planchao* (отпад), его цена по курсу примерно доллар. Гурманы от светлого зелья заверяют, что маленький тетрапак содержит недурной материал (но это еще не факт). Просто кое-кто из ветеранов бара материально оказался ниже ватерлинии сего напитка. И сочетание возраста с убойным спиртным — этакий коктейль из жесткого алкоголя и мягкой валюты — нередко повергает их в затейливое положение.

Их тревога выражается и в пылком обсуждении экономических реформ, хитроумия Обамы, отсутствия внятной программы на будущее и того, что новые формы неравенства относят их — «нас, которые рисковали своей шкурой за *это*» — в зону риска или, пожалуй, хуже того, забвения.

На склоне лет дедушки пережевывают тему Революции, которую их внуки воспринимают лишь как отголосок прошлого. Они все ждут от своих единомышленников во власти какого-нибудь сигнала насчет политической модели, но сверху поступают только на-

меки на экономические реформы. Они цепляются за воспоминания о временах, когда Куба провозглашала себя первой свободной территорией на американском континенте, но по телевизору в баре выпуски новостей беспрестанно рекламируют ее как лучший вариант для зарубежных инвестиций в Карибском регионе.

Возле бара, где ветераны в пылу этиловых баталий буквально лезут в бутылку, вижу характерную вереницу такси, ожидающих туристов. Пестрая очередь, в которой находится место и американской реликвии, и китайскому Geely... и огромной советской «Чайке».

Автомобильная эксцентрика на Кубе — не новость. Но этот советский лимузин поистине верх экстравагантности.

На сегодняшний день в Гаване можно арендовать десять «Чаяк». Этот автопарк высшее советское руководство в свое время передало в дар для обеспечения передвижений и безопасности Фиделя Кастро. (Подобным послужным списком не может похвастаться ни одно другое такси.) Стоит арендовать его для прогулки, как водитель с готовностью расскажет вам об особенностях эксплуатации этого «членовоза» эпохи коммунизма, в котором еще сохранились сиденья для телохранителей, отсеки для оборудования спецсвязи и служебного оружия. По части бизнеса в условиях нового кубинского экономического режима лимузин не слишком отличается от других такси. «Каждый день я должен отдавать фирме 30 валютных песо (примерно 30 долларов)», поясняет таксист.

Если точнее, двадцать семь.

Найдется ли в новые времена лучший образчик вторичного использования остатков социализма? Не это ли нагляд-

нейший пример коммунизма, который под нажимом экономической реформы способен ради рентабельности запустить руку в автомобильный парк Команданте?

Если и оставались какие-то сомнения по поводу данного симбиоза, их рассеивает цель, к которой доставляет «Чайка»: кашалот кубинских такси высаживает нас у дверей «Товарища». В «советском» баре полно символики эпохи коммунизма, здесь можно заказать икру, водку, супчик, соленые огурчики в уютном окружении старых экземпляров газеты «Правда», наклеенных на стены. Со стен тебе улыбается Юрий Гагарин, там же алеет красный стяг с неотъемлемым серпом-молотом, довершая эстетику и смешивая ностальгию по советскому и новую кубинскую реальность.

«Товарищ» обращает (или пытается обратиться) старый коммунизм в бизнес. По таким местам («Товарищ» не единственное заведение с советской тематикой, запущенное частной инициативой, есть еще, скажем, «На здоровье») дефилирует кто угодно, от русских до кубинцев, учившихся в СССР (а их были десятки тысяч). Среди массы украшений здесь часто попадаются знаменитые матрешки, «кастомизированные» по случаю лицами Ленина, Сталина, Никиты, Брежнева, Горбачева. И еще Путина, служащего, на мой взгляд, тревожным напоминанием о том, что конец холодной войны ознаменовался пактом, заключенным в итоге между старыми коммунистами и новыми олигархами.

С самого начала Революции кубинский социализм ударными темпами приступил к захвату былых символов капитализма. Начиная с отеля

«Хилтон», переименованного в «Гавана Либре», где Фидель Кастро устроил свой лагерь. Позже все это каскадом распространилось даже на старые американские авто, которые оставались в строю благодаря вмонтированным советским двигателям. Вал подхватил заодно казармы, переоборудованные в школы, элитные клубы, превращенные в спортивно-досуговые общества, а также кабаре, шикарные рестораны, отели...

Теперь ощущается обратный процесс: в сердце символов социализма все чаще слышится пульс товарных отношений нового кубинского капитала.

Достаточно понаблюдать за комитетами защиты революции, которые ныне обеспечивают гарантии и надзор в сфере частной аренды жилья. Или проследить, как фразы типа «расслабься и сотрудничай» из языка полиции перешли рефреном в повседневную жизнь. Я уже не говорю о широком распространении приложения для мобильных телефонов, определяющего имя звонящего, его адрес и дату рождения. (При этом никого не возмущает необоснованное использование отечественных Big Data, что лишний раз доказывает: частная экономика и упразднение частной жизни — прекрасно совместимые величины).

## V

В январе 2016 года гаванское издательство «Арте и литература» опубликовало «1984». В стране, которая была описана — в силу географии или идео-

логии, островного положения или революции — как утопия, этот роман-дистопия Джорджа Оруэлла имел все шансы стать событием.

Нашлись и те, кто указывал на запоздалую публикацию шедевра. Или, как последовательный оруэлловец, требовал, чтобы вслед за «1984» издали и «Скотный двор» — препарирование сталинизма, которое нелегко скрыть под всеобъемлющей диатрибой, обличающей абстрактные власти.

Упреки по поводу неустрашимости Кубы и Оруэлла похвальны. Этот неудобный писатель, антисталинизм которого не помешал ему сражаться на стороне республиканцев во время гражданской войны в Испании, оппонировать британскому колониализму или до конца жизни пребывать в «зловещем, “левом” месте», как мексиканский поэт Лопес Пачеко любил определять левые силы. Тем не менее «1984» прибыл на остров в подходящий момент.

Ведь Куба, принимающая роман, все более напоминает страну-дистопию, она готова влиться в мощный поток *revival\** Оруэлла, охвативший мир с 2012 года и давший переиздания, комиксы и анонсы новых киноверсий. (Голливуд уже задумал новый фильм по книге, которую ранее экранизировали режиссеры Рудольф Картье, Майкл Андерсон, Майкл Редфорд и Терри Гиллиам).

В какой-то мере все мы оруэлловцы. Включая кубинцев, также попавших под окаянные обстоятельства повсеместного абсурда, как, пожалуй, выразился бы писатель Вирхилио Пиньера. В этой перспективе «1984» предлагает

\* *Revival* (англ.) — возрождение, регенерация.

пособие по выживанию со встроенным GPS, которое подскажет нам ориентир в мире, где рынок и демократия уже давно погрязли в волоките развода.

Не то чтобы на оруэлловской Кубе марксистский дискурс сказал нам «последнее прости» (или отказался от своей концепции истории в ленинских терминах, где социализм — неременная остановка). Но идее приходится выживать после краха советской империи, которая поддерживала ее в геополитическом плане и чей распад был истолкован — ясное дело! — как гибель утопии...

В таком контексте Маркс и Ленин вынуждены сосуществовать с Хаксли и Оруэллом на любом углу кубинской улицы.

Замысел утопии кодировал смысл жизни в некоем будущем, к которому мы неудержимо устремлялись. В модели дистопии мы обнаружили, что это будущее уже здесь, что «другой день» настал, пока мы предавались его планированию.

Так что «завтра» — это любой из дней, в котором мы живем. Будущее сие не отличается совершенством и неизменностью. Оно лишь *то*, что происходит в данный момент и застало нас врасплох на этом карибском острове, который, не будем забывать, тоже одно из измерений мира. (И его кризиса.)

## VI

Когда общество оказывается в состоянии коллапса, на сцену выходит не история, а скорее истерия. Голова идет кругом на краю бездны. Хотя бывает и обратная реакция: переживать катастрофу, изображая полное спокойствие.

Полный, так сказать, штиль. Именно это происходило в последние годы коммунизма — общества, которое строилось с верой, что оно вечно.

Сию шоковую ситуацию Алексей Юрчак назвал «гипернормализацией» в книге, название которой говорит само за себя: «Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение». Изданная в 2005 году книга была использована десять лет спустя Адамом Кертисом для документального фильма о современном кризисе. В фильме британский кинематографист и писатель раскрывает тезис о конечности вечного по ту сторону коммунизма, имея в виду фиктивный мир, скроенный для нас по лекалам финансовых учреждений и крупных корпораций посткапитализма.

Когда мы говорим о ситуации на Кубе, важно учитывать ощущение вечности, сопровождавшее политическую и экономическую жизнь страны. С ее связью между бессмертным социализмом грядущего и остатками капиталистического прошлого, в котором вещи также создавались «на века». (Автомобили и холодильники, дома и туннели.)

Так что на кону стоит не только форма правления или экономическая модель, но и осознание смертности, предвещающей конечность в измерении случившегося.

На этом перепутье наша социалистическая половинка утверждает, что транзит *уже случился*, так как страстно надеется на сохранение вечности социализма. Тогда как наша капиталистическая половинка упирает на то, что транзит *еще* не наступил, ибо страстно уповает на нетленность либерализма. В первом варианте Куба совершенствуется, изменяется, эволюционирует, но никогда не перейдет мост, по которому уже про-

шли страны Восточной Европы. Во втором варианте до транзита еще далеко по той простой причине, что говорить о нем нельзя, пока не будут созваны многопартийные выборы и широко внедрена рыночная экономика.

Но ни те ни другие, похоже, не замечают одной простой вещи. Дело не в том, что транзит якобы не нужен, как утверждают одни. И не в том, что транзит еще не начался, как рассуждают другие. Дело в том, что Ку-ба уже давно не пребывала в иной политической стадии, кроме транзита. И этот переходный статус весьма комфортен для администрирования в условиях нескончаемого лимба, лишеного всякого будущего.

Светлое или мрачное, порожденное логикой или суевериями, взыскуемое массами или злоумышляемое тиранами, грядущее веками обрисовывало предназначения истории и отношения между людьми. Сеяло власть и окрыляло сопротивление. Пирамиды и Китайская стена олицетворяли будущее. Катапульта и паровоз олицетворяли будущее. Да Винчи и Жюль Верн олицетворяли будущее... И собачка в космосе, и человек на Луне. Будущим были Великая французская революция и демократия. Большевики и Мао с его Великим походом. Будущее принадлежало книгопечатанию и свободной торговле, паровой машине и коммунизму.

Но будущее — также и то, что в один прекрасный день не сбылось.

Эти несбывшиеся мечты связаны не только с концом коммунизма, но во многом относятся к растущей уверенности в том, что и капитализм смертен.

Испанский археолог Эудальд Карбонель не сомневается в том, что капитализм сойдет на нет не столько в результате революции, сколько в процессе «тепловой смерти». Он говорит об этом в своих мемуарах, вышедших под выразительным заглавием «Археолог и будущее».

*Новому человеку во власти придется менять идеальное будущее на будущее возможное. И признать, что социализм и капитализм уже отнюдь не те, что сулили Революция или ее оппоненты в минуты своей славы*

Образ археолога, подсказывающего нам возможные пути в будущем, может восприниматься, в принципе, как ирония. В частности, потому, что рассуждения строятся не в метафорических категориях, а исходя из опыта человека, который копает землю, уверенный в том, что сокровенная разгадка нашего будущего кроется не в потугах предвосхищения, а в целенаправленных раскопках. Ведь грядущее было не отсрочено, а спрятано; следует пролить на него свет, а не ждать, пока оно наступит.

Если будущее уже здесь, если это *то*, в чем мы живем, тогда стоит покопаться в разных пластах скрывающей его поверхности, а не размышлять дальше о слоях нанесенного сверху лака.

## VII

«Мы вершим эту Революцию не для грядущих поколений, эта Революция успешна потому, что она совершается для современников».

Помните эту фразу начального периода Революции?

Так вот, через пятьдесят пять лет после этих слов, отметив свое девяностолетие и выполнив начертанное для себя предназначение, Фидель Кастро покинул сей мир. Его смерть, как и последующий траур, усугубила ощущение смертности и при этом повергла страну в напряженное молчание. Умолк вездесущий реггетон в такси. Звуки процессии с прахом, возвращавшейся к истокам — поход повстанцев наоборот, — заглушили даже гимны. Росла уверенность в том, что в траурной процессии вместе с Фиделем провожали целую эпоху...

Эта смерть не только оборвала фонограмму последних лет; она еще и обнажила тот факт, что историческое поколение Революции завершает свой путь. Если на этот счет оставались какие-то сомнения, то их развеял преемник, заявивший, что в 2018 году он оставит пост руководителя страны (хотя, по всей видимости, пробудет во главе партии гипотетически до 2021 года).

2017-й — последний год пребывания Рауля Кастро во главе правительства Кубы и первый год Дональда Трампа во главе правительства США. Так что детям и внукам тех современников, которые совершали Революцию — или для которых она совершалась, предстоит взять в свои руки бразды правления страной.

Настал час, когда Новому человеку, о котором говорил Че Гевара — коллективному Франкенштейну, вылепленному теми, кто не застал Старый порядок Батисты, — придется сверить часы, осознать собственную политическую современность и впервые найти баланс между своей эпохой и своей властью.

После смерти Фиделя Кастро разные аналитики предвещали народное восстание, требующее демократии. Предрекали морскую блокаду США для предотвращения массового бегства в Майами. Прорицали демонтаж политического и репрессивного аппарата государства. Предсказывали окончательный распад системы. («Ноу Кастро, ноу проблем».) Но ничего из этого не случилось. Возможно, будущее затаскали до того, что у кубинцев пропало всякое уважение к футурологии. Так же без особого трепета дерзну и я в финале предугадать грядущее.

Если надо ступить на остров, то мы уже на острове...

Именно в эпоху, когда пост-революции суждено пересечься с пост-демократией, вероятно, что пост президента страны займет кто-то, рожденный с Революцией. Наверняка человек этот будет выходцем из партийно-государственного аппарата. Немыслимо, правда, чтобы он сосредоточил в своих руках столь же абсолютную власть, как Фидель или Рауль Кастро (не исключено даже, что он послужит ширмой для реального господства армии). И ему неминуемо придется идти по пути преобразований, инициированных Раулем, поскольку варианты отступления от них окажутся еще губительнее.

Делать прогнозы по Кубе — дело неблагодарное (рискуешь головой), но, по всей видимости, вице-премьер Мигель Диас-Канель (родившийся в 1960 году в бывшей провинции Лас-Вильяс) имеет немало шансов стать такой фигурой кастристского пост-кастризма.

Независимо от имени, будущий (или будущая) лидер не сможет уповать на

Историю с большой буквы, а его биография, лишенная легендарной ауры, будет мало чем отличаться от биографии любого из его земляков. Он, скорее всего, прошел через опыт учебы в интернатах или в школах с сельскохозяйственным трудом, вместе со всей страной восхищался героями-спортсменами кубинского социализма и смотрел сериалы, воспевающие подвиги агентов госбезопасности. Семья его, скорее всего, разделена между диаспорой и островом. Возможно, он сражался в Никарагуа, в Анголе или на иной африканской войне в горячих точках войны холодной. Вероятно, он слушал песни популярных бардов и ходил на субботники-воскресники. Клялся в верности социализму и подхватывал клич пионеров «Будем как Че!». Не понаслышке знает об отхожих местах, беспорядочных половых связях, взаимовыручке, нечеловеческой скученности. Об обобществлении всего и вся, о бесстыдстве как форме раскрепощения плоти в условиях кубинского социализма, где дух законов оказался ничтожным или далеким понятием. И придет он из мира Абсолютной истины, дабы принять на себя руководство страной в эпоху так называемой пост-истины.

Следующее правительство станет скорее прямым наследником реформы, а не Революции, Рауля, а не Фиделя, глобализации, а не холодной войны. При этом близится к концу действие благоприятного «Закона об уточнении статуса кубинских беженцев в США», чего не скажешь о неблагоприятном эмбарго. Так что отдушину для выпуска пара станет меньше (привилегии для кубинских эмигрантов в США исчезнут, а нормализация положения Кубы в мире

приведет к более равномерному распределению между всеми не только справедливости, но и несправедливостей). Членов компартии (с ее редущими рядами) в стране станет уже недостаточно, и, хотя планы руководства будут еще далеки от многопартийности, ему придется пойти на расширение политического многообразия.

Этому Новому человеку во власти придется менять идеальное будущее на будущее возможное. И признать, что социализм и капитализм уже отнюдь не те, что сулили Революция или ее оппоненты в минуты своей славы.

### Несколько слов

#### в завершение и продолжение

Сборник статей и очерков «Кубантропия» кубинского эссеиста, искусствоведа и арт-куратора Ивана де ла Нуэса (1964 г.р.), в котором был напечатан этот очерк 2017 года, вышел в свет в феврале 2020 года, — как оказалось, на рубеже эпох. Де ла Нуэс руководит рядом проектов современного искусства, сотрудничает в СМИ, в частности в испанской газете *El País*, его работы переведены на многие языки.

Предваряя книгу, автор уточняет: «Мы не собираемся здесь объяснять миру Кубу, напротив: мы *воспользовались* Кубой как измерением, вмещающим в себя мир и его репертуар конфликтов... В географическом смысле на пути между Берлинской стеной и гаванской набережной часто спотыкаешься. Здесь — почти все сшибки глобальной культуры: диктатуры и демократии, цифровой эры и постколониализма, центра и периферии, памяти и лоботомии, тропических плантаций

и туризма, географии и истории, диаспоры и нации, рынка и идеологии, гедонизма и обязательств, кубинского танца сон и больших данных, утопии и Гуантанамо, футбола и бейсбола, Просперо и Калибана, Европы и США, Ницше и реггетона».

Остров Куба извечно оказывался местом притяжения мощных глобальных процессов. «Жемчужина Антильских островов» — ключ к Новому Свету (посмотрите на герб страны) — к началу XXI века вобрала в себя и переработала опыт самых разных культур и цивилизаций: испанской колониальной империи, неокOLONIALИЗМА США, советской практики построения социализма, неизменно оставаясь лабораторией, пространством смелых, неожиданных, странных экспериментов в политической, экономической, идеологической, нравственной сферах. Что ожидает Кубу дальше? Дадим слово автору, который в заключении сборника пишет: «Перебивка: два будущих обдумываются в тебе: 2019 — ?»

Берлинская стена упала на обе стороны. Крах коммунизма потащил за собой либеральный порядок и саму демократию, поверженную ныне рынком.

Итак, какой социализм, какую демократию, какой капитализм можно предложить острову сегодня? В каких пропорциях будут смешаны эти дозы грядущего? И какая судьба будет уготована Кубе подобными уравнениями? Либеральная республика в дни, когда либерализм находится на последнем издыхании? Посткоммунистическая страна, взявшая абонемент на шоковую терапию? Антильский эмират, устанавливающий разные законы для аборигенов и иностранцев, для трудящихся и инвесторов, для сильных мира сего и простолудинов? Филиал китайской модели? Отыщет ли она, наконец, баланс для сочетания социализма и демократии при запуске иного кубинского пути? Государство перманентной конъюнктуры?

Фидель Кастро всегда был одержим историей. Невозможно забыть, что фраза „История меня оправдает“ стала его первой политической программой, его первым лозунгом.

Но обитатели кубинских вариантов будущего докажут, что Фиделя Кастро история просто продолжит. На этом пока и завершим: „Продолжение следует...“»



## CONTENTS

**TO OUR READER**

<i>Yuri Senokosov</i> .....	5
-----------------------------	---

**THEME OF THE ISSUE**

Seven Lessons of the Pandemic <i>Ivan Krastev</i> .....	7
The New Century Starts in 2020 <i>Vassily Zharkov</i> .....	11
The World after Coronavirus <i>Yuval Noah Harari</i> .....	17
A Healthy Planet for Healthy People Address of the Club of World Leaders .....	25

**CHALLENGES AND THREATS**

I Do not Think the 21 <sup>st</sup> Century Will Be a Chinese Century <i>Christopher Coker</i> .....	28
Why Does the World of Sovereign States Need Global Institutions? <i>Konstantin Eggert</i> .....	32

**A VIEWPOINT**

Andres Velasco: There is no Conflict Between Love for Mankind and Love for One's Country <i>Natalia Korchenkova</i> .....	38
Francis Fukuyama: Identity Politics is Nothing New .....	41
The Back Lessons <i>Mikhail Sokolov</i> .....	48
Personal Responsibility in Modern Economy <i>Fredrik Ericsson</i> .....	62

**CIVIL SOCIETY**

Human Dignity, Freedom and Responsibility <i>Julius von Freytag-Loringhoven</i> .....	69
Is the Human Rights Crisis Fatal? <i>Nils Muižnieks</i> .....	75
Civic Education in the History of Russian Social and Political Thought. Study three. The enlightenment in the second half of the 19 <sup>th</sup> century between academic science, revolution and fiction .....	83
<i>Alexander Sogomonov</i>	

**LIFE AND INTELLECT**

Alexis de Tocqueville: An Aristocrat Enchanted with Democracy <i>Andrey Zakharov</i> .....	104
---	-----

The Heritage of Hannah Arendt <i>Anatoly Mikhailov</i> .....	132
<b>PROJECTS OF SCHOOL ALUMNI</b>	
Journalism is Akin to Civic Activism <i>Victor Muchnik, Victoria Muchnik</i> .....	145
Preservation of Arctic Biodiversity. Opportunities for Re-Introduction <i>Feodor Lukovtsev</i> .....	155
<b>ANNOUNCEMENT</b>	
In Search of Universalism: On the School of Civic Education <i>Yuri Senokosov</i> .....	161
<b>BOOKS</b>	
Leninism-Putinism and a Selection of Other Dumb Things <i>Andrey Zakharov</i> .....	165
Counterpoint <i>Vladimir Ryzhkov</i> .....	168
<b>NOTA BENE</b>	
The Feast of Consequences <i>Ivan de la Nuez</i> .....	180

## В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

---

**Главная тема:**

ТРАНСФОРМАЦИИ КОНСТИТУЦИЙ

**Наши авторы:**

*Сергей Большаков*

*Андрей Захаров*

*Андрей Колесников*

*Иван Курилла*

*Катрин Лалюмьер*

*Джон Ллойд*

*Сергей Медведев*

*Нильс Муйжниец*

*Елена Панфилова*

*Марко Полити*

*Николай Плотников*

*Владимир Рыжков*

*Александр Согомонов*

*Николай Эппле*

---

Подписано в печать 15.07.20.

Формат 70×108/16.

Усл.-печ. л. 17,15.

Тираж 300 экз.

Заказ № 1297

Школа гражданского просвещения

107031 Москва,

ул. Петровка, д. 17, стр. 1

[www.civiceducation.ru](http://www.civiceducation.ru)

ISBN 978-5-93895-129-7